

Матьяна Алюшина

Созданы
друг для друга

Annotation

Дина совершенно случайно спасает жизнь молодой мамы и ребенка и таким образом знакомится с Владом Гарандиным. Он бывший долларовый миллиардер, человек необычной судьбы, имевший когда-то большое влияние в бизнес-кругах. Сама Дина уже много лет занимается спасением женщин от домашнего насилия – делом сложным и полным опасностей. И вот столь разных людей потянуло друг к другу, но смогут ли они быть вместе?

- [Татьяна Алюшина](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Татьяна Алюшина

Созданы друг для друга

Похоже, что с верхней одеждой она сильно погорячилась, как-то совершенно упустив из внимания этот момент, – выскочила из дома в привычном легком коротком пуховичке, ботиночки демисезонные, про шапку с шарфом так и вовсе не вспомнила, хорошо хоть перчатки надела. Март он, конечно, март, и пусть даже к концу подходит, но ведь реально подмораживает ощутимо. Не так чтобы прямо совсем околеть от холода, не критично, к тому же в метро тепло, а по улицам она километры пешком не наматывает – пробежится от станции метро к нужному месту или подъедет, в крайнем случае, на такси или на общественном каком транспорте, но все равно холодно. Что значит человек, привыкший передвигаться исключительно на личном автомобиле, не приспособленный к жизни большинства «безлошадных» граждан.

«Как там у известной писательницы было? – иронизируя над собой, посмеивалась Дина, поднимая воротник и придерживая его у горла рукой. – Что-то вроде «сходил в народ и, на удивление, не помер». Кажется, так».

Ну насчет помереть – это явно перебор, а вот насчет «сходил в народ» – в самую точку: стоит выбраться из-за руля и влиться в людской поток, как теряешься с непривычки, забывая, например, о необходимости одеваться по погоде (и желательно не той, что царит внутри твоей машины, а той, что на улице). Но машинка любимая, джипик боевой, сегодня на техобслуживании и будет там еще несколько дней, так что мерзнуть ей теперь вместе с народом.

Но это от устойчивой привычки «я в домике за рулем», а не от снобизма. Не от него, это уж точно. На минуточку, она и есть тот самый народ, и в чем-то гораздо в большей степени, чем многие иные.

Так что не померем, не замерзнем, не околеем и прорвемся.

Вон ей совсем чуть-чуть осталось – через дорогу по переходу перейти и быстренько-быстренько перебежечкой немного по улице, потом свернуть в первый переулок и нырнуть в знакомое тепло уютного кафе.

И все. Красота-а-а... Она сразу попросит стакан горячей воды с лимончиком и капучино, мелкими глоточками выпьет кипяточка, расслабитесь-согреется, а там и кофе принесут, и станет ей хо-ро-шо.

Светофор на этом переходе был длинный, людей по обеим сторонам

скопилось прилично, а машины все мчались и мчались, ускоряясь, торопясь успеть на зеленый свет. Дина стояла впереди собравшейся толпы у самого края первой белой полосы перехода, жалась-кукожилась под порывами холодного ветра в своей куртенке и мысленно посмеивалась над собой.

Внезапно, чуть зацепив рукав ее куртки, прямо на переход выдвинулась детская коляска с младенцем, которую уверенно катила вперед молодая мамашка, одной рукой толкая коляску, а большим пальцем другой руки сноровисто набивая какой-то текст в своем смартфоне.

Наушники в ушах, лицо, отрешенное от реальности, вся с головой в Сети, не обращая внимание ни на что вокруг, она уверена шла, не сбавляя темпа, двигая впереди себя коляску с малышом.

Толпа за спиной у Дины ахнула единым испуганным возгласом, кто-то вскрикнул, а у нее мгновенно врубилась на всю мощь рефлексы, и она увидела происходящее в полном объеме и с четкими деталями – красный свет светофора для пешеходов, поток машин на противоположной стороне, проскочившая по их полосе перед самой детской коляской «Ауди» и мчавшийся за ней прямо на зависшую в Сети мамашу с ребенком черный огромный внедорожник.

В доли секунды перестроившееся на некий особый режим работы сознание Дины выхватило момент, как изменилось выражение лица водителя джипа, как его руки начали выворачивать руль влево, и смогло проследить траекторию движения тяжелой машины, понимая, что тот не успеет, не успеет...

Руки Дины, все ее тело среагировали раньше, чем оформилась мысль, на одном голом рефлексе, отточенном годами. Она ухватила капюшон куртки нерадивой мамы и со всей, на какую была способна, силой рванула ту назад, продлевая движение дальше, дальше, мимо себя, за спину. Не успевшая ничего сообразить, девица придушенно хекнула горлом, неожиданно передавленным воротником, и, отпустив коляску, подчиняясь рывку, отлетела назад, аж за Дину, чего та и добивалась.

А коляска осталась стоять на переходе...

И уже ничего, ничего невозможно было... Дина рванула вперед, видя-понимая со всей четкостью, что не успевает, не успевает... Каким-то щелчком сознание внезапно переключилось в иной режим, время растянулось, как в замедленной съемке, при этом мозг фиксировал даже самые мелкие детали, добавив картинке особой яркости и четкости.

И Дина отмечала, как все выкручивает и выкручивает руль водитель несущейся на нее машины, успела поразиться, что в выражении его лица нет ни паники, ни испуга, лишь злая предельная сосредоточенность,

увидела, как в беззвучном крике раскрывается его рот, как тормозят и поворачивают машины встречного потока и как медленно, слишком медленно, тянется ее рука к детской коляске, как, схватив за ручку, она выталкивает ее назад, за себя, со всей силы, и коляска медленно начинает откатываться, чуть не завалившись набок, а Дину силой инерции несет вперед...

На самой последней секунде все, что она успела сделать уже абсолютно неосознанно, интуитивно, – это дернуться всем телом назад и в сторону от неотвратно летевшей на нее черной громадины.

И снова время вернулось в привычное течение, и Дина почувствовала сильнейший удар в левое бедро, от которого ее развернуло, и она отлетела в сторону, упав на правую руку, с силой приложившись головой об асфальт и что-то острое.

По всей видимости, Дина потеряла сознание на какое-то непродолжительное время, потому что в себя она пришла от обрушившейся на нее шквалом какофонии звуков – громкие, нервные и истеричные людские голоса, ругань, крики, кто-то что-то требовал, кто-то скандалил, кто-то плакал, и надрывно орал младенец, гудели клаксонами автомобили, какая-то женщина наклонилась над Диной и спрашивала о чем-то. Дина никак не могла разобрать, что та говорит, только отмечала в какой-то прострации, как меняется выражение лица незнакомки от озабоченного до жалостливо-испуганного.

Так. Так. Пыталась она что-то понять. Надо сообразить, что вообще происходит.

И тут лицо женщины, нависавшее над ней, исчезло, а вместо него совсем близко возникло лицо другого человека. Мужчина посмотрел на Дину долгим изучающим взглядом и произнес нарочито четким и громким голосом:

– Вы меня слышите?

Дина почувствовала внутри, где-то в районе солнечного сплетения, такое приятное, непонятное тепло, которое затем растеклось по всему телу...

Она смотрела в эти темно-янтарные глаза совершенно незнакомому ей мужика и тонула в них, и ей вдруг так сильно, так сильно – больше всего на свете захотелось, чтобы он прижал ее к себе, обнял, и тогда – она точно знала – все-все стало бы замечательно и правильно.

Каким-то необъяснимым образом, на какие-то мгновения, она вдруг уловила всеми своими обострившимися чувствами в этом незнакомом мужчине нечто абсолютно родное.

Дина медленно закрыла глаза, втянула с силой воздух и, ненадолго задержав дыхание, медленно выдохнула, успокаивая себя.

Наверное, головой она стукнулась всерьез, если с ней происходят такие странности и чудится всякое.

– Может, это все? Добегалась?

– Ей совсем плохо, разве вы не видите! – прокричала какая-то женщина сбоку.

– Я уже вызвала «Скорую»! – произнес другой женский голос.

– Да какая «Скорая»! – возмутился мужчина, по голосу вредноватый дедок. – Вон пробка образовалась! Да и пока они приедут, девушка сто раз помереть успеет!

– Помолчите, – остановил говорливого дедка мужчина. Он говорил очень спокойным, ровным тоном человека, привыкшего отдавать приказы и знавшего, что их выполняют, и пообещал: – Если «Скорая» задержится, я ее отвезу.

И от этого его голоса и тона у Дины вдруг мурашки побежали по телу.

Да, подумала она какой-то вялой, тягучей мыслью, наверное, ей совсем хреново, очень уж странные реакции тела.

– Да? – недоверчиво спросила бабулька из разряда вьедливых старушек. – А куда вы ее отвезете, мы ж не знаем? Вы ж девушку сбили, а это статья уголовная. Может, вы ее в лесок какой отвезете, а не в больницу, и закопаете там по-тихому? Вон у вас машина какая, богатый человек и наверняка со связями. Что вам простые люди. Подумаешь, убили девчонку.

– Я пока жива, – вмешалась в разговор Дина и открыла глаза.

– Да то пока, милая, вон у тебя кровь из головы хлещет, – возразил дедок.

– Лежите, – легонько надавив на плечо, мужчина, сидевший на корточках возле нее, остановил ее попытку приподняться. – У вас может быть поврежден позвоночник, лучше не рисковать.

– Что, и правда хлещет? – спросила она у него.

– Не ручьи, – улыбнулся незнакомец.

И от этой его улыбки с легкой иронией на Дину вдруг словно снизошло какое-то абсолютное спокойствие и уверенность, что теперь уж точно и обязательно все будет хорошо.

Интересно, почему?

– Это вы специально так говорите, – снова выступила бабка, – чтобы нас убедить, что девушка не сильно пострадала.

– Что с ребенком? – как-то вмиг вспомнив про него, спросила Дина.

– Все в порядке, коляску не задело, – успокоил ее мужчина.

– Почему тогда он так кричит?

– Проснулся, испугался, наверное, – предположил мужчина. – Да и мамаша его из коляски достала, трясет, прижимает к себе и рыдает.

– Да такую мамашу надо прав на ребенка лишать! – переключилась на новый объект активная бабулька. – Это ж надо ума не иметь, чтобы такое творить: дебилы в уши, в телефон пальцем тыкает и пошла ребенка под машину катить! Разве ж это мамаша! Это ж отродье какое-то, а не мамаша!

– Помогите мне встать, – попросила Дина.

– Полежите еще чуть-чуть, – сказал с легким приказным нажимом мужик, – вон уже «Скорая» едет, слышите?

Дина прислушалась. Да, едет, на всю улицу знакомый вой сирены разносится. А ей и гибэдэдэшная подпевает где-то с другой стороны.

Ну ладно, полежим в таком случае, подождем. А то и правда, мало ли что там с позвоночником, она пока от шока, видимо, даже боли еще не ощущает, но отлично знает, что чуть спадет адреналин в крови, и она такое почувствует... во всех подробностях и деталях, о-ей-ей.

Так что полежим.

– Вы меня сбили? – спросила она мужчину, почему-то все так и продолжавшего сидеть возле нее.

– Я.

Даже односложное, короткое слово, произнесенное им, звучало у него весомо.

– Как? – спросила она, интересуясь подробностями.

Он понял, о чем именно она спрашивает.

– По касательной, в левое бедро. Вы успели дернуться в последний момент, а я успел-таки довернуть. Повезло. На встрече народ среагировал правильно: кто затормозил, кто ускорился и успел проскочить вперед, оставили мне место для маневра. – И вдруг, совершенно неожиданно, он погладил ее по голове, жалея и подбадривая, с какой-то особенной нежностью, и похвалил: – Вы молодец. Вы просто поразительная умница.

И посмотрел прямо в глаза своими странными, казавшимися Дине очень знакомыми темно-янтарными глазами.

На всю улицу надрывался вой сирен приближающейся «Скорой помощи» и машины гибэдэдэшников, ехавшей с другой стороны ей навстречу. Ребенок заходился в истошном крике, мать его громко рыдала и что-то зло отвечала какой-то женщине, отчитывающей молодую мамашу противным менторским тоном. Въедливая бабка выступала за порядок и справедливость, дедок вторил той баском, добавляя напряженности в атмосферу. Машины гудели, пытаясь объехать образовавшуюся пробку, а

они смотрели в глаза друг другу, зависнув на какое-то мгновение во времени...

И вновь время ускорило, события закружились одно за другим. Отодвинув мужчину куда-то в сторону из поля зрения Дины, над ней склонился доктор «Скорой помощи».

Четко, кратко и по существу отвечая на расспросы врача, Дина попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, куда делся сбивший ее водитель, но именно в этот момент ее организм решил, что пора показать, как ему плохо, и выстрелил болью во всех пострадавших местах одновременно, да с такой злой интенсивностью, что у Дины перехватило дыхание и невольно брызнули слезы из глаз.

– Ничего, ничего, – поспешил успокоить врач, заметив реакцию девушки на легкое движение и эти ее предательские слезы, – сейчас обезболим и в больничку повезем.

– Что с ней, доктор? – спросил сбивший ее водитель, внезапно появившись рядом с ней.

– Сотрясение, предположительно переломы левого бедра и правой руки, ушибы тела и головы, скальпельная рана, – перечислил доктор. – Точнее после обследования в больнице. Нужна срочная госпитализация.

– Я помогу, – безапелляционным тоном сообщил мужчина.

Очень споро, ловко и быстро Дину перенесли на каталку, спасибо, что достаточно аккуратно – к тому моменту у нее уже боль была настолько сильной, что она боялась снова потерять сознание. Но загрузку каталки в машину «Скорой помощи» остановил гибэдэдэшник, который спросил данные пострадавшей у врача, а потом обратился непосредственно к Дине:

– Заявление писать будете? – И объяснил подробнее, видимо, специально для стукнутых головушкой: – Претензии к наехавшему на вас водителю имеются?

– Какие претензии? – округлила глаза Дина. – Он всех нас спас, ему благодарности надо выносить, а не претензии предъявлять.

– Положим, всех нас спасли именно вы, а не я, – спокойным, ровным тоном возразил ей водитель внедорожника.

И Дина удивилась: оказывается, он никуда не делся, так и стоит рядом с каталкой.

– Ну кто кого спас, это мы разберемся, – проворчал гибэдэдэшник и продолжил опрос пострадавшей: – А к гражданке Володиной претензии предъявлять будете?

– Это мамаша с коляской? – уточнила Дина.

– Да, виновница дорожно-транспортного происшествя, – внес

полную ясность полицейский.

– Пока не знаю, – честно призналась Дина.

Что-то ей совсем хреновенько стало, голова поплыла-а-а, в затылке выстрелило острой болью, сильно замутило, а левый бок заболел как-то совершенно нестерпимо.

– Так, все, – прервал разговоры доктор.

И каталку с Диной вкатили в машину.

– Куда вы ее? – спросил водитель внедорожника.

– В Склиф, – ответил доктор.

А мужик вдруг совершенно неожиданно для всех шагнул следом за каталкой в машину «Скорой помощи», склонился над Диной, взял ее за руку и пообещал:

– Я приеду. Сейчас разберусь тут с гибэдэдэшниками и приеду к вам.

– Ладно, – ничего не поняла Дина, но почувствовала что-то необъяснимо приятное от этого его обещания.

А он уже выскочил на дорогу к гибэдэдэшнику, сказавшему ему что-то недовольным тоном.

Только машина «Скорой» отъехала от места происшествия и набрала скорость, как запел смартфон Дины мелодией песенки про Умку.

– О господи, – встрепенулась Дина, – я совершенно забыла!

– Немудрено с такой аварией и ушибом головы, – заметила женщина-фельдшер и протянула Дине ее сумочку.

– Мамулук, – посмеиваясь, сказал ей в трубку сын. – Ты где? Мне тебя все-таки ждать или ты зависла в делах?

– Не ждать, Кирюш, – постаралась придать голосу максимальное спокойствие и даже улыбнуться Дина. – Не пугайся, сынок, но меня сбила машина.

Вы бы не испугались, если бы вам такое сказала мать родная? Вот и Кирилл, проигнорировав призыв к спокойствию, сразу же напрягся.

– Нападение? – чуть ли не прокричал он.

– Нет-нет, – поспешно уверила Дина, – не нападение, честно. Абсолютная случайность. Я тебе все объясню.

– Как ты? Что с тобой? Где ты? – закидывал он ее вопросами.

– Я в «Скорой», меня везут в Склиф, – успокаивала его Дина. – Ничего страшного! – И усмехнулась: – Обошлось в основном «кузовными» повреждениями: гематомы, ушибы, порезы.

– Я еду.

– Ладно, дорогой.

Сегодня в приемном отделении Склифа работал очень даже хорошо

знакомый, можно сказать, родной дежурный врач. Дина даже застонала от досады, когда увидела его, вышедшего по вызову регистраторши навстречу бригаде «Скорой».

Ну все, сейчас начнется! Оно и началось, не задержалось.

– Дина! – охнул Егор Ильич, перебивая доклад врача «Скорой» о проведенных экстренных мерах, и спросил о том же, о чем и сын двадцать минут назад: – Господи! Тебя таки достали? Это нападение?

– Нет, Егор Ильич, ничего такого. Просто ДТП. Глупая случайность. – И попросила жалостливо-умоляюще: – Папе не говорите. Я потом, попозже, сама.

– Да как же не говорите! – возмутился Березин и недовольно проворчал: – Сама она! – И, уже не слушая ее, забрал протокол у доктора «Скорой», переключив все свое внимание на его доклад.

– Ну что, – где-то через час вынес он свой вердикт, присаживаясь на стул возле койки, на которой лежала Дина в отдельной, элитной палате (куда ее на время поместили по откровенному блату и самому близкому знакомству), – повезло тебе, Диночка, надо сказать, на удивление. Повреждений и травм внутренних органов нет, позвоночник в полном порядке, даже сотрясения столба не диагностируется, удачно упала.

– Угу, – согласилась Дина и пояснила: – Меня в бок, по касательной зацепило, крутануло так, что я свалилась на руку. Не подбросило, вообще не оторвало от дороги.

– Я ж говорю, повезло, – довольным тоном повторил Березин. – И вот что мы имеем в результате твоих «танцевальных пируэтов»: переломов нет, слава богу. Сильнейший ушиб бедра, синяк знатный будет, красавец, – порадовался он с эстетским удовольствием, в своеобразной манере, присущей хирургам с их несколько специфичным циничным юмором. – Ну и болеть будет соответственно. С рукой похуже дела обстоят: перелома нет, но сильный ушиб локтя, а это такая фигня, сама знаешь, может и воспаление надкостницы вызвать, посмотрим. И ободран, понятное дело, он серьезно. Про снятие скальпа ты в курсе и прочувствовала его, когда тебя зашивали.

Это точно! Прочувствовала еще как! Падая, она попала головой на какой-то острый камешек, слава богу, повезло невероятно, что удар не пришелся на свод черепа, тогда бы уже все. Налетела она на него вскользь, боком и содрала приличный кусок скальпа четыре на пять сантиметров.

Хирургическая сестрица посочувствовала, когда брила волосы вокруг раны, а потом и зашивала это безобразие:

– Так жалко, – сопереживала она, – прическа классная, волосы

красивые, и будет теперь плешь сбоку да со шрамом.

– Ничего, отрастет, – успокоила медсестру Дина (почему-то не наоборот, что было бы как-то логичней). – У меня волосы быстро растут.

Но болела и щипала эта зараза ужасно. Главное, лежать теперь приходилось, постоянно выворачивая голову набок, чтобы не задевать рану.

Вот ведь хренотень какая!

– Ну и сотрясение средней тяжести имеется, как же без него, а это не рахат-лукум, сама понимаешь, противная фигня, – добавил Березин. – В общем, ангелы-хранители твои подсустились, не иначе. – И посоветовал совсем иным тоном – наставительным, напряженно-серьезным: – Ты бы завязывала со спасениями всякими, Дина, везение, оно, знаешь, не безгранично. Да и хватит уже.

– Егор Ильич, – посетовала Дина, морщась от головной боли. – И вы туда же.

– Да не туда же, а все там же! – повысил он голос. – Сколько можно об этом говорить? Ведь каждый раз беседуем, а ты все не прислушиваешься! Ты и так сделала более чем достаточно, Дина, сколько можно рисковать, подставляться и тащить это на себе?

– Ну, Егор Ильи-и-ич, – жалобно-умоляющим тоном протянула Дина.

– Что Егор Ильич! – ворчал тот. – Сто раз уже обсуждали. Не собираюсь и не желаю латать тебя, когда ты таки всерьез нарвешься! А ты нарвешься рано или поздно! И никто тебя не защитит! Не помогут ни твои навыки, знания и осторожность, ни твои друзья со всей их крутизной! – И выдохнул устало, словно сдуваясь в один момент: – Отцу твоему следовало давно запретить тебе так рисковать, да и вообще этим заниматься. Вот приедет, пусть тебя и воспитывает.

– Настучали? – спросила Дина.

– Конечно, а ты как думала, – отозвался Березин и хлопнул себя ладонями по коленям, деловито выдыхая. – Так, ладно, бесполезно с тобой об этом. Будем считать, что со вступительной частью закончили. Сама понимаешь, полежать у нас тебе придется недельку-другую, понаблюдаем динамику и состояние, а там посмотрим. – И переключился на другую тему: – Слушай, там к тебе мужик рвется, требует личной встречи и общения. Это не тот ли, что тебя сбил?

– Наверное, он, не знаю, – отчего-то вдруг растерялась Дина.

– Так что, пустить его или как?

Пока ее обследовали, возили на рентген и МРТ с томографией, зашивали, кололи и латали, Дина успела в подробностях и деталях доложить Березину и медсестрам о произошедшей аварии, так что

претензии к наехавшему на нее гражданину предъявлять не имело смысла, а скорее даже и наоборот – поблагодарить не мешало бы.

Чем и объясняется легкое попустительство со стороны медперсонала – по правилам стационара посетители допускаются до больных в строго отведенные часы посещения, без каких-либо поблажек. Все сурово. Да и правда, что им бесконтрольно шляться-то, посетителям этим? Доставать врачей бесконечными вопросами, требованиями и недовольством? А вы часто видели довольных родственников в больницах? Ну вот и врачи редко видели. Только тогда, когда тех собираются выписывать, и то большо-о-ой вопрос. У нас же что? Врачи – единственные люди в стране, которые ни фиги не смыслят в том, как надо лечить и правильно ухаживать за больными – народ всегда знает лучше, а уж при повальной доступности к Интернету так и вовсе все академиками стали в любом вопросе, и уж особенно в медицине. Вот и приходится народу подсказывать докторам, как надлежит лечить. Так что, с точки зрения медперсонала, отведенных часов посещения более чем достаточно для общения с родными, за исключением некоторых случаев.

– Пустить, – не самым уверенным тоном разрешила Дина и спросила: – А Кирилл здесь?

– Приезжал, я ему подробно доложил об аварии и твоём состоянии и отправил домой за полисом и вещами, скоро подъедут с дедом.

– Поня-я-ятно, – обреченно протянула Дина.

– А ты что хотела, голуба моя, – не посочувствовал Березин. – При таком-то папеньке и спрос другой.

– Да уж, – смиренно согласилась Дина.

– Ладно, сейчас пуццу мужика, который тебя сбил. – И строго предупредил: – Только ненадолго. Десять минут.

И вот обладатель янтарных глаз, вызывавших столь странные реакции Динино организма, вошел в палату и поздоровался:

– Привет.

Вот даже сейчас – от одного простого слова, произнесенного им, как-то так стало тепло...

– А как вас зовут? – наконец-то спросила Дина, сообразив, что даже имени его не знает.

– Да, – усмехнулся он, вопросительно кивнув на стул возле ее койки, и присел, получив разрешение от махнувшей рукой Дины: – Мы не познакомились, хотя и очень тесно «соприкоснулись», если можно так сказать. – И представился: – Гарандин Владислав Олегович.

– Что-то очень знакомое, – сосредоточенно нахмурилась Дина,

пытаясь сквозь головную боль и не совсем ясное сознание вспомнить, где она слышала эту фамилию.

Совершенно определенно где-то слышала, и не раз. Уж очень что-то знакомое. Странно, у нее отличная память на имена и лица, к тому же специально натренированная, – и на тебе, подводит. Хотя немудрено, она сейчас совершенно не в силах соображать – все как-то мутно, тошно, непонятно.

– Забейте, – посоветовал Гарандин, заметив сосредоточенное и несколько болезненное выражение лица, с которым девушка рассматривала его.

– Ладно, – легко согласилась Дина.

– Ну, а про вас я уже кое-что знаю, – улыбнулся он той самой своей поразительной, чуть ироничной улыбкой, так успокоившей Дину, когда она лежала на асфальте, и от которой почему-то чувствовала, что все теперь будет хорошо. – Вы Дина, – говорил он, улыбаясь, – Дина Нагорная. – И отметил с какой-то особой, проникновенно-теплой интонацией: – Красиво звучит.

И от его голоса и особой модуляции-интонации, с которой он произнес это «красиво звучит», и его замечательной, чуть ироничной улыбки ей вдруг так «захорошело», как говорит бабуля, и даже боль отступила, и так вдруг стало спокойно, и затеплело в груди... Или это лекарства начали действовать все разом, давая такую вот странную «побочку»?

– Ну как вы? – спросил он с искренним сочувствием, осторожно взял ее ладонь в руки и подержал, согревая немного заолодевшие пальцы.

– Опасных травм нет, – ответила Дина, поразившись этому его неожиданному порыву, а главным образом, тому, как ее избитое тело отозвалось на этот простой жест утешения и участия. И поспешила подпустить иронии, остужая все эти странности: – Так, только изрядно поцарапало харизму, а в основном жить буду.

– А мы по... – начал он фразу, но не успел закончить.

– Мам!.. – Резко распахнув дверь, Кирилл ворвался в палату и тормознул, увидев незнакомца, сидящего рядом с ее койкой.

Пару мгновений он смотрел на Гарандина подчеркнuto подозрительным, изучающим взглядом, чуть задержавшись на его руках, баюкающих ладонь Дины, а потом прошел к кровати, наклонился и поцеловал мать в щеку.

– Кирюш, познакомься, – поспешила представить посетителя Дина, осторожненько извлекая ладошку из рук мужчины: – Владислав Олегович. Это он меня сбил.

– А-а-а, – заметно расслабился парень. Он улыбнулся и протянул руку Гарандину.

Тот принял дружеское рукопожатие.

– Спасибо, что не угробили мою мамульку.

– Вы уверены, что она ваша мама? – без какого-либо намека на комплимент в адрес дамы, прямолинейно, с большим сомнением в голосе спросил Гарандин.

– Уверен-уверен, – легко рассмеялся молодой человек.

– Сколько вам лет? – не торопился верить Владислав Олегович: ну мало ли какие расклады бывают в жизни.

– Двадцать, – улыбнулся мальчишка.

Красноречиво приподняв брови, Гарандин изобразил полное недоверие и перевел вопросительный взгляд на Дину.

– Да ладно, – усмехнулся Кирилл, не дав матери ответить на молчаливый вопрос: – Обычная реакция, никто не верит, что она моя родная мамулька. – И предложил: – Давайте я за вас все скажу: «Не может быть, вы же совсем девчонка, что вы его, в десять лет родили?»

– Ну, где-то так, – согласился Гарандин совершенно серьезным тоном.

– Родила она меня в семнадцать, возраст свой не скрывает, а даже наоборот, с удовольствием посмеивается над такой вот реакцией окружающих, – разъяснил Кирилл и тут же переключился на более насущную тему: – Вы уже видели вашу аварию? – И повернулся к Дине. – Ну ты, мамулек, как всегда в своем репертуаре, – кидаешься всех спасать, выручать, не жалея живота своего.

– Так получилось, – покаянно произнесла Дина.

– А что, кто-то выложил запись? – уточнил Гарандин.

– Даже несколько записей в «Ютубе» и в «Инстаграме», – кивнул Кирилл и, повернувшись к Дине, пояснил специально для нее: – Кнуровские ребята уже с камер дорожных и городских все срисовали и переслали мне.

– Они тоже в курсе? – поразилась Дина.

– Смеешься? Конечно, все в курсе. Я же сразу сообщил и скинул инфу: место, время. Мало ли кто на тебя наехал, как и зачем. Все сразу на Кузьмина подумали.

– Да ну, – отмахнулась от такого предположения Дина. – Глупости, у него мозгов не хватит спланировать что-то сложное. Тем более совершить нечто такое. Совершенно предсказуем.

Гарандин не перебивал, вопросов не задавал, но слушал с особым вниманием.

– Ну что... – Распахнув дверь, в палату стремительной походкой вошел крепкий, довольно стройный мужчина лет под шестьдесят.

И точно так же, как и Кирилл до него, побуравил подозрительным взглядом посетителя.

– Дед, – поспешил разрядить обстановку парень. – Это Владислав Олегович. Это он сбил маму.

– Ага, – удовлетворенно произнес мужик и протянул Гарандину руку.

Владислав Олегович поднялся со стула, крепко пожал протянутую руку, присматриваясь к этому самому деду, надо полагать, отцу пострадавшей. Интересный мужик, а внук поразительно похож на деда и внешностью, и фигурой, даже манерой держаться.

– Константин Павлович, – представился мужчина, – отец Дины. – И вдруг улыбнулся, уважительно крутанув головой: – Однако реакция у вас, батенька, исключительная. Как вы этот маневр совершили – поражаюсь. Несколько раз просмотрел все записи аварии и все восхищался: ни одного лишнего движения, никакой суеты и паники, сплошной мат и виртуозное вождение. Как вывернули-то, а? Ни юзом не повело, ни в дрифт неконтролируемый не закрутило. Круто! – И потрянул еще разок руку Гарандина.

– Вообще-то если и восхищаться чем-то, то это реакцией вашей дочери, – отговаривался от похвалы Владислав.

– Ну с ней особый разговор, – тоном, обещающим нахлобучку, ответил Константин Павлович и, потрянув напоследок еще раз руку Гарандина, присел на стул возле койки.

– Ну что? – спросила Дина, пытаясь улыбнуться. Чувствовала она себя все хуже, но крепилась. – Все посмотрел, все проверил?

– Посмотрел и проверил, – подтвердил отец. – Да и что проверять, Егор сделал все, что надо. Недельку тут полежишь...

– Пап... – перебила его дочь.

– Недельку, – с нажимом произнес тот, – потом к себе переведу.

– Да не надо меня к тебе! – возмутилась она. – Вот на фига? Меня и здесь прекрасно полечат.

– У нас так же прекрасно полечат, – отрезал Константин Павлович, – там у нас не дом проходной, никто лишний не зайдет.

– Здесь тоже не проходной, – злилась Дина.

– Ма, – вмешался Кирилл, – дед же прав, что ты сопротивляешься, у них охрана серьезная, и в их отделение посторонним не пройти. – И попенял: – Ну что ты?

– Да потому что они меня там замучают своей заботой и охраной! –

слабо, но все же возмущалась Дина.

– Ничего, помучаешься немного, – отмахнулся от ее аргументов отец и попенял: – И все, закончили. А то перед человеком неудобно, – кивнул он в сторону Гарандина.

– Да, Владислав... – спохватилась Дина.

– Давайте просто Влад, – перебил тот.

– Влад, – согласилась она, – извините, мы тут о своем. Увлечлись немного.

– Интересное у вас «свое», – задумчиво почесав пальцем бровь, заметил он и неожиданно посмотрел на нее пару секунд очень внимательным, цепким взглядом, а потом повернулся к Константину Павловичу. – Если я правильно понял, Дине угрожает какой-то человек? И вы всерьез обеспокоены ее безопасностью.

– Да ладно б только он, справились бы как-нибудь, – устало вздохнул Нагорный.

– А что, – спросил каким-то особым тоном Влад, – ей угрожает несколько человек?

– А-а, – безнадежно отмахнулся Константин Павлович, скривившись, – все это... – И не договорил, что именно «это». – Так, – ушел он от разговора и строго посмотрел на дочь, – я тебе все сказал. Тебе надо спать-отдохнуть. – И не удержался-таки – склонился над дочерью, посмотрел внимательно в ее глаза: – Голова болит?

– Болит, – ответила она потухшим голосом и сразу же отчиталась: – Вся симптоматика в наличии, можешь не сомневаться, но меня накололи, отпускает понемногу. Сознание, правда, слегка плывет.

– Ну это нормально, – констатировал заботливый отец. Он поцеловал дочь в щеку и погладил по голове. – Ладно, пойду, там Егор просил одного пациента посмотреть.

– Начало-о-ось, – протянула Дина с иронией.

– Я с тобой, дед, – тут же встрепенулся Кирилл.

– Идем, – призывно махнул ему Константин Павлович, – тебе полезно будет. – И повернулся к Гарандину: – Рад был познакомиться. Еще раз благодарю, что сделали все, чтобы спасти Дину.

И вышел из палаты.

– Да, – торопливо потряс руку Владу Кирилл, – спасибо за мамульку. Вы крутой чел, так дрифтанули не по-детски. Класс!

И выскочил вслед за дедом из палаты.

А Гарандин развернулся к Дине и неожиданно спросил напрямик:

– Кто вам угрожает, Дина? Муж, бывший муж, любовник, бойфренд?

Или какие-то криминальные дела?

Подошел, сел на освободившийся стул и, ожидая ответа, внимательно следил за выражением ее лица.

– Муж, бывший муж, любовник и бойфренд, – улыбаясь через накатывающую волнами слабость, повторила она за ним. – Все вышеперечисленные, только не мои. Впрочем, это все ерунда и мои заморочки, – быстренько соскочила с темы она и в свою очередь спросила: – А что там с той девочкой, из-за которой все случилось? С ее ребенком? Они в порядке?

Гарандин помолчал, внимательно ее рассматривая и позволяя ей уйти от ответов. Дина прямо вот видела и ощущала, что позволил.

Какой, однако, непростой мужчина-то, а?

– Они в порядке, испугались оба, разумеется, сильно, но не более, – ответил Гарандин легко и непринужденно, словно продолжил прерванный разговор. – К вам завтра придет следователь – подписывать протокол происшествия. И наверняка предложит написать заявление на эту мамашу.

– Да ну, – пренебрежительно отмахнулась Дина. – Что там хоть за девочка, вы пообщались?

– Пообщались, – легонько усмехнулся Гарандин, – типичная представительница сетевого погружения. Как там в «Камеди» было? «Живу впроголодь на десять лайков в сутки».

– Что, полный бесполезняк? – уточнила Дина.

– Да бог знает, – неопределенно крутанул головой Влад. – Испугалась она всерьез, и проняло ее крепко. Да и женщины на нее набросились, грозились тут же в опеку звонить, ставить вопрос о лишении материнских прав. Одним словом, проняло девочку качественно. Надолго ли хватит просветления в ее мозгах, это другой вопрос.

Не постучавшись, распахнула дверь и вошла медсестра, и уже с порога распорядилась эдаким особым профессиональным тоном, выработанным годами:

– Все, посещение окончено. Больной требуется покой и отдых. Попрошу вас покинуть палату.

– Сейчас покину, – спокойным тоном пообещал господин Гарандин, не двинув ни одним мускулом, и наклонился чуть ближе к Дине.

– Ну что, Диночка, поправляйтесь, исцеляйтесь.

– Буду, – серьезно пообещала та.

А он совершенно неожиданно поднялся со стула, наклонился и поцеловал ее в щеку, выпрямился, махнул рукой на прощание и вышел из палаты мимо удивленно замершей медсестры.

– Кавалер? – спросила медсестра, наполовину высунувшись за порог палаты, провожая долгим, жадно-любопытным взглядом удаляющуюся по коридору спину Гарандина, пока тот не скрылся за поворотом.

– Он меня сбил, – отмахнулась от ее любопытства Дина.

Положив голову на подголовник водительского сиденья и прикрыв глаза, Влад прокручивал в памяти аварию и все те необъяснимые странности, следовавшие за ней.

Он выехал еще засветло, чтобы гарантированно попасть на важную встречу в Москве, договоренность о которой долго согласовывалась: нужный ему человек был плотно занят и часто выезжал в командировки, так что планировали они эту встречу заранее, за несколько недель, сверяя свои графики. Вот он и подстраховался. Как чувствовал, что может «зависнуть» в дороге непонятно по какой причине.

Впрочем, некое обостренное предвидение возможных грядущих неприятностей или сложностей было у Влада давно, с самого детства.

Но что, пожалуй, самое важное: он привык доверять этим своим чувствам, не подвергая их сомнению.

Но на этот раз Гарандин решил, что ошиблась его хваленая «чуйка», подвела – долетел он от Питера до Москвы споро и без проблем: трасса на удивление оказалась полупустой, и ни в одной пробке ему не пришлось постоять даже на МКАДе, въезжая в Москву.

Он уж расслабился и мысленно прикидывал, что успеет сделать за несколько часов перед встречей, с кем еще можно пересечься и побеседовать, если выпала неожиданная okazия, тут же насчитав не меньше трех возможных вариантов.

Вот тут задремавшая было в дороге «чуйка» и напомнила о себе, и заглодело в затылке, как обычно бывает, когда приходит неконтролируемая информация-предупреждение, и что-то екнуло в груди, и Гарандин сбросил скорость до сорока перед пешеходным переходом.

Правильнее сказать: начал сбрасывать скорость, притормаживая, но стрелка спидометра так и не успела опуститься до сорока километров, когда Влад увидел деловито шагающую прямо под его машину мамашу с коляской.

И мгновенно включился некий механизм измененного состояния, врубилась на всю катушку отработанные рефлексy, и, матерясь во все горло, Влад выкрутил руль, уводя машину от коляски с ребенком, отчетливо видя, понимая, что не успевает...

Внезапно какая-то стремительная фигура мелькнула впереди, и

мамаша отлетела назад, а следом за ней и коляска, чуть не завалившись набок, а Влад, продолжая выкручивать руль и удерживать тяжелую машину от неконтролируемого заноса, увидел вдруг, буквально в трех метрах перед капотом, девушку.

И в этот момент с ним случилось что-то необъяснимое: он увидел близко-близко лицо девушки и ее глаза, смотревшие прямо на него – нереальные, фантастические какие-то глаза глубокого синего цвета с фиолетовым оттенком, с расширившимися от страха зрачками от осознания неотвратимости летевшей на нее смерти ...

Он успел, в какие-то доли секунды сумел еще повернуть всего на несколько так необходимых сантиметров руль и удержал машину в заносе, а она успела отшатнуться, отклониться...

Хотя совершенно точно – вот стопудово! – он видел и знал: не было у них обоих уже никакого времени. Но кто-то сверху дал им дополнительные доли той самой жизненно важной, последней секунды, ничем иным прагматичный Гарандин объяснить это везение не мог.

Да он и не пытался объяснять.

Но он все-таки задел ее и видел, как девчужку крутануло от удара в бедро крылом машины и она исчезла из поля его зрения.

Машина встала как вкопанная, как норовистый скакун, остановленный сильной рукой волевого наездника. Гарандин положил руки на руль и уткнулся в них любом, чувствуя, как шумит в ушах кровь и начинает мелко потряхивать все тело.

Ладно, ладно, – резко выдохнул он, встряхиваясь от нахлынувшей слабости, – еще ничего не кончилось. Надо посмотреть, как там девчужка.

Первое, что он понял, – жива! Его аж пробрало до слабости в ногах от этого понимания.

А потом она посмотрела на него, и его пробрало еще раз, но куда как серьезней, чем перед этим, от одного ее взгляда – так странно, у нее и на самом деле насыщенно-синие глаза с размытой фиолетовой каймой по краю и поразительно крупной радужкой.

Но не в этом дело, не в удивительном устройстве ее глаз, а в том, что Гарандину показалось, будто она улыбается ему глазами, и он вдруг почувствовал нечто совершенно необъяснимое... – не описать. Узнавание, что ли. Какую-то близость душевную, родство и особенную важность этого человека в его жизни.

Да боже мой, разозлился на себя Влад, не знает он, как это сформулировать и что вообще такое происходит.

Хрен с ним, ничего формулировать он не будет!

Девушка была стройной, но не худышкой, такой сбитенькой, спортивной, но без явных признаков серьезных силовых занятий. Не очень высокой, сейчас-то не определить.

Лежала она неудобно – скрученно: ноги ровно на асфальте, туловище чуть боком на правой руке, а ее русые густые волосы окрасились кровью в том месте, где голова соприкасалась с асфальтом.

Мгновенно оценив возможные варианты травм при таком ударе и этой ее позе, Гарандин в первом неосознанном порыве хотел было подхватить девочку и срочным порядком везти в больницу, но тут же остановил, остудил себя, подумав, что может навредить и сделать только хуже своей неосторожностью, и ее придержал, когда она попыталась встать. В шоке человек на что только не способен – и на поломанных ногах ходить, а у нее шок, это очевидно.

Все в нем рвалось к этой незнакомой девочке – поднять, прижать, защитить, помочь немедленно, но... – спасибо, «Скорая» приехала достаточно быстро, минут через семь, пожалуй, впрочем, как и гибэдэдэшники.

А когда «Скорая» увезла девушку и началась обычная в таких случаях рутина – составление протокола, беседы с гибэдэдэшниками, опрос свидетелей, Влада отпустило как-то все и разом – и «отходняк» адреналиновый, и те странные, нелогичные чувства-ощущения, которые он испытал к девушке, носящей редкое имя Дина. И, перекидывая гибэдэдэшникам записи аварии со своего видеорегистратора, Влад мысленно посмеивался: эка его прихватило-то на адреналине.

Да уж, давненько он не рисковал осознанно «адреналиновой прокачкой», даже забыл, как это случается и как реагирует организм на шоковую игру.

И все же, все же... Было в этом его странном отношении к смелой девочке что-то совсем иное, чем простая реакция на выброс гормонов в стрессовой ситуации, – совсем иное и необъяснимое.

И очень мощное.

Осталось прояснить окончательно и точно, была ли это минутная странность или что-то особенное. И вот именно с этой целью он, пожалуй, навестит девушку Дину в больнице, тем более до его основной, важной встречи времени еще предостаточно.

Ну вот и навестил.

Теперь сидит в своем суперджипе и думает, что дальше делать и какие шаги предпринимать в свете новых обстоятельств.

Обстоятельств простых, как редька в поле, и одновременно

навороченных, как все, что относится к разряду чудесно-мистического, – казалось бы, оно просто и понятно, а пытаешься осмыслить, и офигеваешь – как это вообще могло случиться.

Стоило Владу войти в палату и увидеть Дину, лежавшую в койке с забинтованной головой и перевязанной правой рукой, которая встретила его поразительным взглядом своих сине-фиолетовых, каких-то эльфийских, ей-богу, глаз, как Гарандин понял со всей очевидностью и определенностью – это его девочка, его женщина, его Судьба, если позволить себе такие выражения. Половинка там не половинка, фиг бы с этими затертыми романтическими мимишками – все гораздо проще и непомерно сложнее – она его всё и вся его. А он весь ее.

Как-то так. Без образов.

Гарандину понравился ее сын и ее отец, но его сильно напрягли и насторожили их разговоры.

Давным-давно у Влада развилось умение считывать, улавливать и вытаскивать информацию даже из самых малых крупиц фактов, из намеков и недосказанностей, из языка тела человека, его реакций и поведения и вскользь брошенных фраз, из любых обрывочных сведений и необычных источников. Извлекать из этого «шлака» информацию, анализировать и систематизировать ее, добавляя к тем фактам, которые добыл сам или добыли для него.

Все срабатывало в мозгу у Влада автоматически.

Кстати, именно эти способности, помноженные на его невероятную «чуйку», и помогали ему до сих пор оставаться живым и относительно невредимым.

Впрочем... что вспоминать и тревожить былое. Уже давно минули те времена, когда он нуждался в такой сложной аналитической работе своего мышления, – времена минули, а навык остался.

То, о чем говорили с Диной ее отец и сын, сильно напрягло Гарандина – если девочке всерьез кто-то угрожает и преследует ее, то какого, простите, хрена вы так вольно обсуждаете эти вопросы в присутствии совершенно незнакомого вам человека, да еще и фамилии упоминаете всякие. То, что он не угробил вашу дочь и мать, не является причиной для доверия незнакомому мужику.

Да мало ли какая подстава могла иметь место там, на переходе. Если кто-то на самом деле пытается всерьез достать Дину, он мог придумать и разыграть любые комбинации, и мало ли каким образом в них участвует сам Гарандин, а они при нем так свободно болтают.

Если бы они знали, с какими только виртуозно организованными и

просчитанными до секунд и миллиметров «случайностями» с участием огромного числа людей приходилось сталкиваться Гарандину, то нынешняя авария показалась бы им топорным гоп-стопом в исполнении дилетантов.

Нет, если Дину на самом деле серьезно и настойчиво кто-то преследует, то с таким подходом эти мужики не защитят ее ни разу, лишь подставят.

Ладно, тяжеловато вздохнул Влад, выпрямился, потянулся, достал из лежавшего на соседнем сиденье портфеля навороченный айпад последней модели – посмотрим, что там можно накопать о Дине Нагорной, а там и подумаем, какие шаги следует дальше предпринять.

Минут через сорок Влад закрыл айпад и призадумался, прокручивая в голове полученную информацию. То, что шаги предпринимать придется, это-то понятно. Тут главное расставить приоритеты и решить, с чего правильной начать.

В палате Кирилл вскользь произнес одну фамилию, вот, пожалуй, с нее и начнем. Гарандин достал из кармана смартфон, набрал номер из числа тех, которые стоило помнить на всякий случай.

Искомый человек оказался в Москве, ответил и выказал готовность встретиться.

– Здравствуйте, Владислав Олегович, – поприветствовал ожидавший его Сергей Викторович Кнуров^[1], поднимаясь из-за столика, за которым сидел. Он шагнул навстречу и протянул руку для рукопожатия.

Высокий жилистый мужик, находившийся в великолепной физической форме для возраста за пятьдесят, обладавший очень непростым взглядом серых внимательных глаз в обрамлении черных длинных и густых ресниц – предмета зависти всех женщин.

– Здравствуйте, Сергей, – сдержанно-уважительно отозвался Гарандин, принимая и пожимая протянутую руку.

Ему не было необходимости смотреть на часы и проверять пунктуальность своего прихода. Влад обладал особым ощущением времени. Он никогда не опаздывал и не приходил заранее, предпочитая появляться ровно в назначенный час. Человек же, с которым он встречался, обладал иными навыками, привычками и способностями и неизменно являлся на встречи заранее.

Сели за столик напротив друг друга, сделали заказ подоспевшей официантке.

– Видел ваш исключительный «заезд», впечатлен, – произнес с улыбкой Сергей, когда официантка отошла от стола, и заметил с явным уважением: – Да, мастерство не растеряешь.

– Да, – согласился с ним Гарандин, – особенно, если тебя гонял и натаскивал Макар.

– Особенно, – кивнул Сергей и сразу перешел к делу: – Вадим Олегович, вам понадобились наши услуги?

– Не совсем, – ответил Гарандин и, посмотрев прямо в глаза Кнурову, обозначил предмет своего интереса: – Дина Константиновна Нагорная. Я бы хотел узнать о ее проблемах и вашем с ней сотрудничестве.

Кнуров не спешил отвечать, оставаясь совершенно расслабленным внешне и не показав никакой реакции на вопрос, только в глазах, всего на мгновение, мелькнуло нечто острое и опасное, тут же сменившись нейтральным выражением с легким оттенком дружелюбия.

– С какой целью интересуетесь? – спросил наконец он.

– Надеюсь, она станет моей женой, – таким же ровным и спокойным голосом произнес Гарандин.

Коротко помолчали, всего пару-тройку секунд, за которые мужчины обменялись пристальными взглядами.

– А вы изменились, Владислав Олегович, – усмехнулся Кнуров. – Раньше вы бы сказали иначе, что-то вроде: «Я намерен на ней жениться».

– Раньше, – в тон ему ответил Гарандин, – я не обратился бы к вам за информацией.

– Да, – согласился Сергей, – не обратились бы.

Вздыхнул глубоко и отвернулся, задумчиво глянув в окно, резко выдохнул и снова посмотрел на Влада.

– Знаете, почему мы с Ринком приняли ваш заказ и работали с вами в свое время?

– Подозреваю, что не только потому, что я щедро вам за это платил, но и из-за того, что в те времена вступать со мной в противостояние было весьма недальновидно. Лучше сотрудничать, – иронично усмехнулся Гарандин.

– И когда нас останавливали разумные доводы, Владислав Олегович? – усмехнулся Сергей. – Вы же прекрасно понимаете, что нам совершенно ни к чему было проверять друг друга на предмет, у кого нерв крученей и связи позаковыристей.

– Да бросьте вы, Сергей, – отмахнулся Гарандин. – Вы же понимаете, что в то время даже, скажем так, тесное «внештатное сотрудничество» господина Ринкова^[2] с конторой на самом высоком уровне вряд ли могло бы вам помочь, осерчай я всерьез и упрись в своем недовольстве.

– Ну отчего же... – не согласился Кнуров.

– Да ладно, – снова отмахнулся Влад, – для вас это бодание обошлось

бы гораздо большими затратами и потерями по всем параметрам и статьям, в том числе и репутационным.

– Ну это тоже вряд ли бы остановило Ринка и всю нашу команду, если б и мы уперлись, – констатировал очевидное Сергей.

– Ну, это-то понятно, – продолжал усмехаться Гарандин, правда, не без уважительной нотки, – Антон Александрович – человек определенной репутации и характера. Да и ладно, чего уж теперь мериться задним числом.

– Согласен, – кивнул Сергей и продолжил свою мысль: – Так вот, Владислав Олегович, мы взяли тогда сотрудничать с вами, в числе прочих причин, еще и потому, что из сообщества людей того уровня, к которому вы принадлежали, вы относились к редкому меньшинству, которое четко видело края и не переступало границы, не связывалось с черным криминалом. К тому же вы были известны в деловых кругах как человек, всегда державший свое слово, даже если оно шло в ущерб самому святому – прибыли.

– В те времена я избегал такой недальновидной ошибки, как давать обещания, – уточнил Гарандин.

– За редким исключением, – внес ясность Кнуров и продолжил: – Вы не держались за деньги и бизнес, относясь к ним скорее как к инструментам, а не как ко всей своей жизни. И сейчас я оценил тот факт, что вы не стали использовать для получения информации о Дине свои каналы, обратившись непосредственно к нам, как я понимаю, оберегая ее от лишнего любопытства. Хотя... – недовольно махнул он рукой, как на дело безнадежное, – она постоянно сама подставляется.

И перешел к рассказу о непростых делах, работе и заботах Дины Нагорной и ее тесном сотрудничестве с компанией Антона Ринкова и его ближайших соратников: Михаила Дубина и Сергея Кнурова.

Под скупое и неспешное изложение фактов мужчины успели перекусить и выпить по чашке чаю. Закончив свой рассказ, Кнуров произнес почти нейтральным тоном:

– Я бы сильно не рекомендовал никому обижать девочку.

– Я тоже, – согласился с ним Гарандин и посмотрел прямо в глаза собеседнику.

Двое очень непростых мужчин поняли друг друга и договорились.

– Спасибо за информацию, Сергей, – обозначил конец их встречи Гарандин. – Я ваш должник.

– Если сможете убедить девочку найти иное применение ее талантам и сделаете ее счастливой, то мы все станем вашими должниками, –

улыбнувшись, Кнуров чуть кивнул и поднялся из-за стола.

Гарандин тоже поднялся и пожал тому руку, прощаясь.

Кнуров ушел, а Влад, вернувшись за стол, неспешно потягивал душистый травяной чай и заново прокручивал в голове весь разговор, расставляя и мысленно сортируя собранную информацию.

Дина проснулась ранним утром с устойчивым ощущением, что она забыла сделать что-то очень важное, но никак не может вспомнить, что же это.

Как бывает, когда вдруг выскакивает из памяти какая-то мысль, или нужное слово, или фамилия чья-то, которую вот прямо сейчас надо вспомнить, – и вроде бы крутится вот прямо на поверхности, здесь, совсем рядом, и ты же знаешь, какое это слово – вот же оно, ну вот же! – только недавно оно приходило на ум, а вспомнить не можешь никак, и все!

Будь оно неладно!

И ведь вся засада в том, что непременно вспомнишь, но только тогда, когда оно тебе уже на фиг не сдалось, и ты думать забыл о предмете своих мучительных потуг.

Вот именно такая засада и разбудила Дину ранним утром – ощущение, что она упустила что-то очень важное.

Да и к черту! – рассердилась она, чувствуя, как напряженное усилие мгновенно вызывает резкую боль в голове и шум в ушах.

Нет, ну его на фиг, надо будет – само вспомнится, а ей напрягаться совсем нельзя, ей даже читать запрещено, у нее и смартфон вчера отец забрал, и рабочий телефон – старенькую трубку с минимальными функциями.

Когда папенька в ипостаси доктора – а в ней он пребывает большую часть жизни, – то становится очень суров и грозен, как высокое начальство.

И поскольку чувствовала себя Дина препаршиво, то и спорить с папенькой не стала, тем более что под действием препаратов и своего болезненного состояния большую часть времени она пребывала в полудреме, периодически проваливаясь в сон-забытье.

А тут на тебе – проснулась с ощущением потери чего-то очень важного, что она неосмотрительно упустила. Но пришла мама, принесла всяческие вкусности на завтрак, принялась обихаживать доченьку, и Дина окончательно забыла о том, что она там усиленно и тщетно пыталась вспомнить.

Но оно напомнило о себе само. Точнее будет сказать – сам.

Коротко стукнув в дверь, вошел Влад Гарандин.

– Доброе утро, – поздоровался он с дамами.

«Вот оно! – озарило Дину. – Вот то самое важное, что я пыталась вспомнить: я так и не узнала, откуда мне известна его фамилия и кто он вообще такой. Хотела же посмотреть в инете, у отца спросить – и забыла!»

– Здравствуйте, Владислав Олегович, – тем временем приветливо поздоровалась с Гарандиным мама Дины.

– Здравствуйте, Антонина Борисовна, – улыбнулся ей Влад, демонстрируя свою осведомленность, чем откровенно ее удивил.

– Берите кресло, – предложила ему Антонина Борисовна, – двигайте к кровати и присаживайтесь.

– Спасибо, – поблагодарил Влад. Он поставил на стол у окна пакет, который принес собой, передвинул, как посоветовали, легкое кресло поближе к постели больной и, присев, наконец обратил свое внимание на пострадавшую:

– Здравствуйте, Дина, – улыбнулся он ей и спросил традиционное в таком случае: – Как вы себя чувствуете?

– Как сбитая машиной, – честно ответила она.

Что-то определенно неладное творилось с ней – она настолько сильно обрадовалась его приходу, что сердце бешено застучало, в голове стало как-то легко, а по телу прошла теплая, согревающая волна. И этот его голос... Какой замечательный у него голос, и глаза такие удивительные, как темный балтийский янтарь.

Они смотрели друг на друга, словно вошли в некое особое пространство на двоих, на какое-то короткое время забыв о присутствии Дининой мамы, с удивлением посматривающей на них, «зависших» в молчании.

И тут в пакете, который принес Гарандин и поставил на стол, что-то дзинькнуло, и он начал медленно заваливаться набок. И этот звук разорвал затянувшееся молчание. Влад поднялся с места, подхватил падающий пакет и пристроил понадежней.

– А ведь мы с вами встречались, Владислав Олегович, – произнесла с улыбкой Антонина Борисовна.

– Извините, не припоминаю, – возвращаясь в кресло, сказал Гарандин.

– Ну это понятно, – кивнула женщина, – в то время вы занимались весьма масштабными проектами и о малых своих деяниях могли и не помнить.

– Вы пострадали от моей деятельности? – ровным тоном поинтересовался Гарандин.

– Как раз наоборот, – понимающе усмехнулась Антонина Борисовна и

пояснила: – Я возглавляю интернат для музыкально одаренных детей, под патронатом Московской консерватории и музучилища при ней. В самом конце девяностых наш интернат собирались закрывать в связи с аварийным состоянием зданий, в которых он располагается. Наше учреждение расположено в историческом центре Москвы и до сих пор является лакомым куском для многих деятелей, мечтающих урвать такие площади. А уж тогда интернат откровенно и целенаправленно уничтожали. Как потом выяснилось, мэрия уже продала участок нашей земли кому-то из коммерсантов, естественно, получив громадные взятки, оставалось лишь довести разорение до конца. И что только тогда с нами не творили: и свет выключали, и отопление, и в конце концов признали здания аварийными, а ведь у нас детки. Талантливые, гениальные детки, и некоторые без патроната родных, сироты, а их собирались распределить по обычным интернатам. Настоящее преступление. Мы с коллегами и с несколькими преподавателями из консерватории, заручившись поддержкой известнейших музыкантов, выпускников консерватории, отправились на поклон к сильным мира сего. До правительства дошли, но нам дали только одно: милостиво разрешили поискать спонсоров на ремонт. Срок – полгода, в течение которых нас обещали не трогать. И мы пошли искать.

– Я так понимаю, что я был одним из спонсоров, которых вы нашли? – ускорил рассказ Влад.

Он не любил и всякий раз ощущал неудовольствие, когда в разговоре затрагивали его прошлую деятельность.

– Да, вы были одним из тех людей, кто откликнулся на нашу беду и помог, – кивнула, улыбаясь, женщина.

– Антонина Борисовна, – выдерживая ровный тон, поспешил разочаровать ее Гарандин. – Мои помощники в те времена приносили мне в день десятки и сотни запросов на спонсорскую помощь, и все, как правило, из разряда «вопрос жизни и смерти, последняя надежда». А мои советники и менеджеры выбирали из них те, которые могли быть полезны для имиджа и с которыми можно было правильно засветиться на телевидении и в массмедиа, и рекомендовали поучаствовать. Не стоит хоть сколько-то героизировать мой поступок, я очень далек от образа положительного героя, если не сказать наоборот.

– Ну то, что вы скорее злой гений, известно всей стране, – усмехнулась Антонина Борисовна. – Журналисты особенно постарались, создавая этакий ваш образ. Только с проектом восстановления и реконструкции нашего интерната вы не выступали ни на одной медийной площадке и вообще никак не обозначили свое участие в нем.

– Да это... – все ж не удержался и чуть скривился Влад, почесав от неудовольствия пальцем бровь, – не имело значения. Меня вообще тогда мало интересовали люди с их трагедиями и трудностями, Антонина Борисовна. Если моя помощь оказалась своевременной, достаточной и на самом деле стоящей, что ж, я рад, но я совершенно ничего не помню про ваш интернат, уж извините.

– А вы ведь приезжали несколько раз лично проверить, как идет ремонт, и участвовали в церемонии открытия после его завершения, – все вспоминала и вспоминала она. И вдруг попеняла ему: – Вы уж так строго себя не обличайте, Владислав Олегович. Разумные люди прекрасно понимают, что серьезные состояния так просто не делаются, и все же вы хоть и были в те времена моложе всех начинающих олигархов и известных бизнесменов, но всегда находились немножко над беспределом. Вы знаете, скольких бизнесменов мы обошли? В том списке были люди гораздо более состоятельные, чем вы тогда. Гораздо более, – повторила она со значением. – Так вот: бизнесменов было пятьдесят, откликнулось на наш крик о помощи только двое: вы и Дмитрий Федорович Победный^[3]. И оба не просто дали денег, как подачку, мол, отвяжитесь, а проверяли и контролировали процесс от начала до конца, пусть и через своих помощников, и вмешивались, когда что-то буксовало или делалось халтурно. И если бы не вы с Дмитрием Федоровичем, то не было бы сейчас у мира уникального голоса Верочки Старогиной, а Миша Шумской не стал бы лауреатом международного конкурса, и Юра Балабин не был бы солистом Большого театра, и еще очень многие талантливые ребятки не смогли бы стать музыкантами. И это не преувеличение, поскольку если ежедневно не заниматься предметом с грамотным преподавателем, то не получится настоящего, сильного музыканта.

– Спасибо, – коротко ответил Гарандин.

И непонятно было, за что поблагодарил: за напоминание о его человеческом участии в том давнем проекте или за то, что женщина наконец-то замолчала.

«Как же я его не узнала-то, а? – думала Дина, удивленно разглядывая его откровенным образом. – Как же странно, что не вспомнила и не признала в нем того самого Гарандина. Даже услышав фамилию, не вспомнила. Он, конечно, изменился, но не настолько же сильно, чтобы не узнать».

У них в семье, пока шла реконструкция и ремонт интерната, Гарандин с Победным были постоянной темой разговоров, просто героями. И Дина знала всю доступную, которую можно было достать без не существующего

тогда интернета, информацию о каждом из этих бизнесменов и читала статьи о них, и старалась не пропускать интервью на телевидении, которые они давали.

Ей было любопытно, на самом ли деле эти люди настолько лишены любых моральных устоев, ограничителей, что ради прибыли готовы на любой криминал, на убийства и самое грязное мошенничество, как трубили, яростно обличая зарождающуюся олигархию и бизнес-элиту страны, в те времена все газеты и телевизионные обозреватели. А они, эти самые без моральных устоев, оказывается, вон дали средства на восстановление интерната и маминым ребятам помогли: одели-обули, оплатили участие в конкурсах европейских, новые инструменты купили. Дома тогда частенько, бывало, обсуждали с отцом и его друзьями эту самую олигархию. Тогда они вообще много чего и горячо обсуждали, а толку-то в тех обсуждениях?

И на тебе – вот так встретить, столкнуться в самом что ни на есть прямом смысле и не вспомнить, не узнать.

Впрочем... Что ей был тот далекий и недостижимый, как неосвоенный космос, господин Гарандин в те времена? Ничего.

– Вам неприятна эта тема? – сообразила Антонина Борисовна.

– Предпочитаю жить сегодняшним днем, – уклончиво ответил Владислав Олегович.

– Простите, – стушеввалась Антонина Борисовна, – я несколько увлекаюсь и слишком живо реагирую, когда разговор заходит о нашем интернате и наших детках. Это профессиональная деформация, как классифицирует столь сильную вовлеченность в работу мой муж.

– А в свете сегодняшних реалий, – быстро перевел разговор Гарандин, – хотелось бы узнать, как чувствует себя пострадавшая.

– Хреново, – тут же отозвалась пострадавшая и пожаловалась: – К тому же мне запрещено читать, смотреть телевизор, пользоваться телефоном и Интернетом и вообще что-либо делать. Нужно просто тупо лежать, желательно не двигаясь. Это ужасно. Я никогда даже представить себе не могла, что ничего не делать – это такая жесть невозможная. – И усмехнулась: – Наоборот, долгие годы уставала и выматывалась так, что мечтала только об одном: полежать, ничего вообще не делая, даже не шевелиться и только отдыхать. Как-то все же надо осторожней со своими желаниями, а то мечты, оказывается, сбываются.

– А общаться вам разрешено? – улыбнулся Влад.

– Ограниченное количество времени, – жалобно вздохнула она.

– Ох ты господи! – Антонина Борисовна торопливо поднялась со

стула, засобиравалась, засуетилась. – Я-то что сижу? Мне же на работу. – И, наклонившись к Дине, расцеловала дочь. – Вечерком приду. – И выпрямилась, повернувшись к Гарандину: – Очень рада личному знакомству, Владислав Олегович, и благодарю за то, что сумели не убить Дину.

Гарандин поднялся из кресла, когда женщина обратилась к нему.

– Я не делал этого осознанно или намеренно, – отказывался он от неуместной, как ему казалось, благодарности, – а действовал исключительно интуитивно.

– И тем не менее, – мягко возразила ему Антонина Борисовна, – вы приложили максимально возможные усилия, чтобы не убить Дину. За это я вас и благодарю. – И не удержалась-таки: – И за спасение нашего интерната, хоть вам это напоминание и не по душе.

Влад кивнул, принимая благодарность и прощаясь, постоял, дождавшись, когда женщина выйдет из палаты, и только тогда сел обратно в кресло.

– Маменьку на самом деле заносит, стоит заговорить о ее интернате, – извиняющимся тоном произнесла Дина, – а вообще, это так странно, что я вас не узнала и не вспомнила. Мы же тогда часто о вас говорили, да и вообще вы не сходили с экранов телевидения, с газетных полос и журнальных обложек.

– Меня сильно тяготят отголоски моей былой известности, поэтому давайте, Дина, оставим уже эту тему и поговорим о вас, – предложил он.

– А что обо мне? – удивилась такому предложению она.

– Ужасно выглядите, – прямолинейно сказал он.

Да, ужасно, Дина аккуратно перед его появлением успела рассмотреть себя в зеркало, которое принесла в числе прочих ее вещей мама, – полный кошмар! Рука под повязкой раздулась и приобрела устойчивый синефиолетовый цвет, нога и весь правый бок... ну они, слава богу под одеялом, а вот лицо... – полотно сюрреалиста-затейника: от удара и травмы головы правое ухо раздулось и посинело, правый висок и все вокруг глаза постепенно наливалось синюшным цветом, а кожа приобрела какую-то болезненную желтизну, оттеняя и подчеркивая синеву, расплзающуюся справа.

– Трудно выглядеть нежной розой, когда у тебя сотрясение мозга, разбита голова и половина тела составляет сплошной синяк, – ворчливо напомнила Дина.

– Не переживайте, Дина, – посмеиваясь, успокаивал ее Гарандин. – Моя мама, например, уверяет, что девушке плохо быть слишком

привлекательной и красивой, от этого у нее пропадает чувство юмора и реальности.

– Вряд ли ваша маменька имела в виду *такую* степень непривлекательности, – все ворчала Дина, с нажимом произнесла «такую», и язвительно поинтересовалась: – Вы зачем пришли, Владислав Олегович?

– По-моему, это очевидно, – отчего-то развеселился тот. – Навестить пострадавшую девушку, узнать, как ее здоровье.

– Вы навестили меня вчера, соблюли, можно сказать, все правила хорошего тона, принятые в такой ситуации. Даже познакомились с моими родными, которые поблагодарили вас и определенно дали понять, что не имеют к вам никаких претензий, а ровно наоборот, благодарны за мое спасение. Так зачем вы пришли, Владислав Олегович?

Он смотрел на нее, ужасался и на самом деле болезненному виду девушки, тихо млел от этой ее язвительной ворчливой колкости и думал, что больше всего на свете ему сейчас хотелось бы лечь с ней рядом, обнять, осторожно прижать к себе, не дотрагиваясь до ее синяков, порезов и ушибов, чтобы успокоить, подбодрить, передать ей свои силы, но главным образом для того, чтобы самому почувствовать ее в своих руках, своей, закрыть глаза, вдохнуть ее запах и так и лежать не двигаясь. Долго, прочувствованно, плаваясь в ощущении ее близости.

– Мне очень хочется вас обнять, – не удержался Влад, таки поделившись своими мыслями: – Подбодрить, посочувствовать.

– Это сложно было бы осуществить, – сказала Дина, не ожидавшая столь сильного признания. – В данный момент на мне больше синяков и царапин, чем неповрежденных мест на теле. – И, опомнившись, заметила: – Вы... странные вещи говорите, Владислав Олегович.

– Я встречался в Кнуровым, – совсем иным, каким-то ровным, лишенным эмоций тоном сообщил он так, словно говорил о том, что на улице подмораживает.

– С Сергеем Викторовичем? – поразила Дина, не успев еще опомниться от предыдущего его заявления про обнять и подбодрить.

– С ним самым, – подтвердил Влад.

– Вы знакомы? – никак не могла взять в толк, о чем он пытается ей сказать, Дина.

– Да, пересекались было по делам много лет назад, – ушел от прямого ответа Гарандин.

– Так вы по делам с ним встречались? – настороженно выясняла девушка.

– Да, по делам, – кивнул легонько Гарандин, – по вашим делам.

– Каким? Зачем? – снова напряглась Дина, почувствовав тут же, как напомнила о себе успокоившаяся было боль в голове.

Гарандин подался вперед, облокотился на колени, оказавшись таким образом вдруг совсем близко к Дине, внимательно посмотрел ей в глаза и пояснил:

– Вчера в коротком разговоре с отцом и сыном вы упомянули, что вам угрожает какой-то человек. Мне надо было узнать, почему вам угрожают, кто эти люди и степень серьезности их угроз. Проще всего было спросить об этом человека сведущего, и я позвонил Кнурову.

– Но зачем? – откровенно недоумевала она, не понимая столь пристального интереса к ее жизни. – Вам-то это для чего?

– Мне кажется, что вы понимаете, зачем. – Гарандин все смотрел ей прямо в глаза очень непростым, сосредоточенным взглядом своих темно-янтарных глаз.

И от этого его взгляда и слов, произнесенных тихим многозначительным, наполненным особым смыслом голосом, у Дины пробежали мурашки по спине и по телу прокатилась горячая волна.

– Я так и думал, – кивнул он, прочитав все правильно в ее глазах, в выражении лица и уловив поразительную реакцию ее тела.

– Но... это что-то... – недоуменно приподняв плечи, пыталась подобрать определение происходящему с ней... с ними Дина.

– Чего только не бывает в жизни, – ободряюще улыбнулся Влад. – Мне приходилось не раз сталкиваться с совершенно необъяснимыми явлениями.

– И что теперь? – растерянно смотрела на него Дина.

Странное дело, они словно договаривали друг за другом недосказанные мысли, не нуждаясь в лишних словах и объяснениях, как будто знали друг друга долгие годы и давно уже научились понимать и слышать друг друга без слов.

– Теперь ты будешь лежать и восстанавливаться, – незаметно и как-то органично-естественно для обоих Гарандин перешел на «ты», – а я буду приходить к тебе утром и вечером, и мы станем разговаривать и рассказывать друг другу о себе. Пока так.

– Пока так ... – повторила она эхом за ним и прикрыла глаза

– Что? – обеспокоился он и пересел с кресла на край ее кровати. – Голова болит? Плохо? Может, позвать сестру?

– Голова болит, – открыв глаза, посмотрела на него Дина, – сильно, но в пределах нормы. Просто все это... – Она неопределенно покрутила в воздухе здоровой рукой, не зная, как описать то, что чувствовала, и так же естественно, как и он, перешла на «ты»: – Все это так внезапно случилось,

а ты так легко...

– Принимаю то, что с нами происходит, – договорил он за нее и спросил: – А ты?

– У меня сотрясение мозга, мне простительно, легко могу списать любые душевные трепетания на это. Плюс мне еще препараты колют.

– Ты лучше не напрягайся, это вредно в твоем состоянии, – заботливо посоветовал Влад, – отпусти ситуацию и разреши всему идти, как идет. А там посмотрим, что будет.

– Хорошо, – легко согласилась она, не отрывая взгляда от его глаз.

Помолчали, глядя друг на друга. Он наклонился к ней и с какой-то проникновенной нежностью поцеловал в лоб и совсем осторожно в веки – сначала в желтое, а потом и в синее.

– Выглядишь ужасно, – повторил Влад, разглядывая ее лицо совсем близко.

Гарандин приходил к Дине в больницу, как и обещал, каждый день утром и вечером. И они разговаривали, тоже, как он и обещал. Первые дней пять его визиты были непродолжительными, не больше часа, поскольку доктора не приветствовали долгие разговоры и общение с больной, да и Дине, откровенно говоря, было сложно поддерживать длительную беседу. Если кто, к своему счастью, не знает – сотрясение это такая неприятная фигня с гадкими побочными эффектами, с временным нарушением нейронных связей в мозгу и запретом нагружать голову. В том смысле, что задачи решать категорически не рекомендуется, как и нервничать, эмоционально перегружаться и напрягать зрение и слух.

Вот она и не напрягала. Влад умело управлял их беседами, задавая вопросы в основном про детство и юность Дины, про родню, как-то так выстроив общение, что никаких серьезных и болезненных тем они не касались.

Папенька таки слово свое суровое отцовское сдержал, и через неделю на специальной машине для транспортировки больных сопротивляющуюся и возмущающуюся такой гиперзаботой Дину таки перевезли в клинику, где он трудился.

Поучаствовав в громкой и шумной эвакуации больной, в основном уговорами и смехом, Гарандин уехал на сутки по срочной деловой надобности, а вернувшись, привез какие-то совершенно потрясающие, наисвежайшие сыры, в основном козы, мед, обалденные бочковые соленья, сделанные по старинным рецептам, сушеные ягоды, грибы и много еще всяких щедрых даров фермерского хозяйства.

Наугощал и презентовал всему медперсоналу отделения, которым заведовал Нагорный, и, конечно, побаловал Динку, обожающую именно козьи сыры. Надо заметить, что он ее и до своего отъезда постоянно баловал всевозможными деликатесами. А она ничего – ела за милую душу вместе с сыном и дочерью, постоянно толкавшись у нее в палате.

Состояние Дины стремительно улучшалось, Влад стал проводить с ней гораздо больше времени, и теперь их беседы и откровения затягивались на несколько часов.

Первые, наверное, день-два родители Дины тушевались, особенно мама, чувствуя себя скованно, а отец все больше удивлялся, встречая в ее палате Гарандина. Они привычно воспринимали его как личность известную и откровенно недоумевали, что, собственно, он тут делает. И с чего бы человеку *такого уровня* ходить и навещать каждый день, да еще и по два раза, их дочь.

Но Константин Павлович со своей особой медицинской простотой нравов быстренько забил на всякий политес, статусность и все прошлые регалии господина Гарандина и общался с ним запросто, как с хорошим знакомым, правда, до определенных границ, разумеется, без лишнего панибратства.

Зато детям Дины – Кириллу и четырнадцатилетней Сонечке – было глубоко фиолетово на все статусы и регалии господина Гарандина, хоть былые, хоть настоящие, хоть возможные грядущие – они принимали его самого и его плотное участие в маминой жизни как нечто нормальное и естественное, нисколько не смущаясь и не чувствуя никакой неловкости перед ним. Дина только диву давалась простоте установившихся между детьми и Владом отношений, тихо радуясь про себя, что детки хотя бы сдерживаются и не используют при нем свои излюбленные подколы, язвительные подковырки и шуточки, не позоря мать родную и всю семью заодно.

Недолго, правда, радовалась. День на третий дети, видимо, решив, что вполне достаточно побыли хорошими и правильными – хватит, оторвались от всей души в своей привычной манере подколов, поддевок и своеобразного юмора.

А Гарандин ничего, посмеивался над их приколами и шуточками, похотывал, принимал все их «подачи» и так «отбивал»-отвечал, что детки рты открывали. А Дина расслабилась, увидев, что такая манера общения с Кириллом и Соней Влада совершенно не напрягает, хотя и очень тонко, как бы незаметно, легко и непринужденно, с шуточками и ответными подковырками, он очертил определенные рамки, за которые не следовало

заступать. Сонька-то по малолетству не поняла, только почувствовала эти границы своим чутким детским восприятием, а Кирюха и понял, и почувствовал, и оценил по достоинству.

Он и так-то не скрывал своего повышенного уважения к этому мужчине, особенно после рассказов деда с бабушкой, кем был в прошлом Гарандин, но в еще большей степени впечатлившись его мастерству вождения, а тут, как выяснилось, – и юмор у мужика на все сто, и в темах он, и в любых современных фишках сечет, да еще... В общем, проникся парень респектом к Владу всерьез.

Но отдельное, огромное спасибо детям, что они ни разу не сунулись к Владу и к самой Дине с подковыристыми, въедливо-язвительными расспросами на тему как бы повисшего в воздухе, естественно напрашивающегося вопроса: а что, собственно, этот мужчина так часто и так плотно делает в палате у их матери.

Сам Гарандин же ни намеком не обозначал своего отношения к Дине в присутствии ее родных и друзей. Стена.

Все терялись в догадках, Дина молчала, и родители до поры помалкивали, лишь недоуменно переглядывались по поводу столь явного внимания и заботы со стороны господина Гарандина к их дочери. Но недолго терпели затянувшуюся неопределенность и вскоре начали делать многозначительные лица и тонкие, как им казалось, намеки, а уж после фермерских подарков больше не сдерживались и стали позволять себе прямолинейные высказывания.

– Влад твой сегодня что-то запаздывает, – как бы мимоходом заметил батенька, осматривая во время утреннего обхода дочь.

– Ты считаешь, что мой? – со всей серьезностью спросила Дина.

Константин Павлович посмотрел на нее очень внимательным, сосредоточенным взглядом и честно ответил:

– Он так себя ведет и позиционирует. Говорить ничего конкретно не говорит, руки твоей у меня не просил, но его поступки и эта его повышенная забота о тебе со всей очевидностью указывают на то, что у него серьезные намерения и ты важная для него женщина. Я так это вижу и понимаю. И не я один.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Видишь ли, дочь, – вздохнул с нарочитой усталостью Константин Павлович, – главное, что ты думаешь и чувствуешь по этому поводу. А я буду рад любому нормальному мужчине, если он сможет убедить тебя бросить твое занятие и оставить твой Центр. Почему-то мне кажется, что у господина Гарандина для этого есть характер, умение убеждать,

достаточная сила воли и мотивация.

– И тебя не смущает, кем он был и что про него говорили и писали? – спросила она с большим интересом.

– По большому счету, пофиг, – отмахнулся Константин Павлович, – как-то мало верится во все, что тогда писали и говорили. Про меня, если помнишь, в свое время тоже много чего писали и говорили: прямо-таки врач-убийца, маньяк со скальпелем, после того, как депутат с двумя сквозными огнестрелами, несовместимыми с жизнью, у меня на столе помер.

– Ну так то депутат, – протянула Дина.

– А то Гарандин, – возразил ей отец. – Что твой депутат по сравнению с ним в те годы. Хотя, конечно, парень он жесткий, и грехов на нем, понятное дело, предостаточно. А на ком их нет, – тяжело вздохнул Нагорный и поинтересовался: – А ты что, дочь, со всей ответной пылкой страстью к нему?

– Шли бы вы, папенька, больных обходить, – посоветовала ему Дина. – Какая ответная страсть, лежу тут вся травмированная, а вы о телесном.

– Значит, пока исключительно в духовном смысле пребываете, – хохотнул Константин Павлович, поднимаясь со стула, и посоветовал ей то же, что Гарандин неделей раньше: – Не напрягай мозг, не гоняй лишние вопросы в голове, отпусти ситуацию, пусть все идет, как идет. Жизнь все расставит по своим местам. Там посмотрим, что дальше будет.

Наклонился, поцеловал в лоб, погладил по голове и вышел из палаты, проводить осмотр больных, как ему и советовала дочь родная.

А Дина осталась, задумчиво уставившись на кусочек неба в окне, доступный ее взгляду.

Ей все еще не разрешали читать-писать, смотреть телевизор и пользоваться гаджетами, но ведь думать никто не мог ей запретить, даже она сама.

Вот она, лежа на больничной койке, и вспоминала.

Дина родилась, когда ее отец, Константин Павлович, проходил интернатуру в Склифе, а мама училась на четвертом курсе консерватории по классу преподавания на клавишных и струнных инструментах.

Оба молодые, юные, необычайно одаренные и влюбленные до самозабвения каждый в свое дело, талантливые москвичи приблизительно одного социального статуса.

У Тонечки родители люди творческие – мама режиссер музыкальной редакции на радио, а папа виолончелист в оркестре Московской

филармонии, заслуженный деятель искусств, и она их единственная дочь. А вот Костя третий и очень поздний ребенок в семье, мама родила его, когда ей уж за сорок перевалило, а отцу Павлу Степановичу стукнуло пятьдесят.

Старшему брату за день до рождения Константина исполнилось ровно двадцать лет, а среднему было семнадцать. «Последыш» называли Костика в семье и очень любили, баловали всячески, но и строгость соблюдали, помужски воспитывали. Вся Костина родня так или иначе, напрямую или косвенно, имела отношение к медицине. Отец – Павел Степанович, прошедший всю войну полевым хирургом, известный всей Москве уролог, мама – терапевт с огромным стажем, так же, как и муж, прошла всю войну по госпиталям, старший брат учился в Первом меде, а средний брат заканчивал школу и собирался поступать туда же.

К моменту, когда родилась Дина, старшие сыновья Нагорных уже давно вылетели из «гнезда», и не только успели «опериться» и «встать на крыло» (как говаривал дед Павел, имевший привычку расцвечивать свою речь метафорами), но и изрядно подрастерять то оперение, достигнув солидного возраста. Старший Иван жил в Красноярске и был главврачом районной больницы, средний Сергей заведовал отделением в Первой градской больнице и давно жил отдельно от родителей своей семьей с женой и дочерью. И с невесткой среднего сыночка у Василисы Андреевны отношения как-то не сложились – уж больно та была заносчивой и с большой претензией к жизни. Ну, не сложились и не сложились, что уж теперь сделаешь, жаль только, что с внучкой из-за этого старики практически не виделись.

Зато в младшей невестке Тонечке Василиса Андреевна души не чаяла, полюбив и приняв безоговорочно не только жену Костика, но и всю родню Тонечки с первого же знакомства. А уж про Дину и говорить нечего – самая любимая, самая ненаглядная и родненькая внученька! Ну а раз так – получите: и забота, и воспитание Дины целиком и полностью легли на бабушку Василису, давно вышедшую на пенсию, – «бабуля Васюля», как называла ее Дина.

Квартира, в которой жили Нагорные, была большая и просторная – три комнаты, высоченные потолки, огромная, бестолково спланированная, но любимая всеми именно за свою бестолковость и угловатость, кухня и «прислужный закуток», как называл дед Павел темную восьмиметровую комнатушку, из которой устроили толковую гардеробную комнату. Просторы для маленькой Динки идеальные – хоть на велике катайся, хоть в прятки-ловитки играй, хоть разрабатывай легкие, перекрикиваясь через все комнаты, как на улице, – красота!

К тому же бабушка Васюля оказалась совершенно уникальным воспитателем, глубоко убежденная в том, что ребенку надо многое позволять, тогда у него отлично развивается мозг. Она и позволяла, до пределов, разумеется, определенных и не без строгости в некоторых вопросах, но ни разу в жизни Дина не слышала, чтобы бабушка повысила на нее голос или отчитала, поругала за что-то, не говоря уж о том, чтобы шлепнуть ребенка, – в семье даже такого понятия не существовало, как физическое воздействие на человека. Исключительно диалог.

Хорошо они тогда жили. Так хорошо!

Вспоминала прямо со слезой свое воистину золотое, беззаботное и счастливое, и какое-то наполненное, что ли, детство Дина, лежа на койке.

Она себе жила-росла и училась, бабушки ее заделались сразу же близкими подругами, невзирая на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте, и развивали ребенка каждая в своем направлении. Бабуля Васюля делала упор на точных науках и литературе, а бабушка Лида отвечала за музыкальную культуру. Красота! Две бабушки и внучка ходили втроем в консерваторию и в планетарий, в зоопарк и Зал Чайковского, в ТЮЗ и на аттракционы, и бог его знает куда еще они только не ходили и не ездили с целью развития ребенка и приобщения его к культурным ценностям, к немалому удовольствию и самих бабушек. Все исторические места изучили и обходили пешком, побывали и в музеях, и на выставках, и на концертах, и на спектаклях. А после мероприятия – в кафе!

Это вообще балдеж, который Динка обожала, – бабульки ее обязательно чинно так попивали кофе и делились впечатлениями о только что проведенном культурном мероприятии, вовлекая в обсуждение и внучку, лопавшую мороженое, которое она запивала соленым томатным соком – самое любимое лакомство, от одного вида которого у несчастных бабулек скулы сводило, но они стойко интеллигентно держались.

Господи – красота-то какая!

А дома частенько собирались друзья и знакомые бабушки-дедушки Нагорных, в число которых входили люди знаменитые и известные, и всегда было весело, шумно, интересно и ужасно вкусно. Бабушка Лида садилась за фортепиано, а дедушка Боря подыгрывал ей на своей прекрасной виолончели. И под этот великолепный аккомпанемент пели и танцевали гости, и снова пели, выпивали, смеялись, шутили и снова танцевали...

Ах, как же здорово они тогда жили! Как же здорово!

Почему, ну почему все самое хорошее и все самое замечательное в жизни так стремительно, так несправедливо быстро заканчивается, а

плохое, тяжелое задерживается надолго.

Развалился Союз, и пришли разрушительные девяностые, ударившие и по их семье, и по всем гражданам этой страны, правда, с разной интенсивностью, ведь, как известно, кому война, кому мать родна.

Им вот выпала «война».

Константин Павлович – гениальный, совершенно уникальный врач общей и экстренной хирургии, служивший в НИИ Склифосовского, как-то очень быстро и почти сразу, еще с девяностого года, вдруг стал получать такие жалкие копейки вместе со всеми медиками страны, что прокормить семью на них не было смысла даже и пытаться. А мама Тоня, к тому моменту уже возглавившая интернат, билась на той работе беспросветно, с утра до ночи, стучась в разные инстанции и обивая пороги государственных учреждений, пытаясь сохранить интернат, учеников и уникальный преподавательский состав, изворачиваясь чудесами какими-то, чтобы выбить хоть малую зарплату и финансирование.

Дед Павел умер в девяносто третьем, уж после очередного переворота и расстрела Белого дома, когда Динке исполнилось одиннадцать, в возрасте восьмидесяти пяти лет. И умер очень мирно – заснул, сидя в кресле и читая очередную «разоблачительную» газетную статью, поливающую все его прошлое помоями, и так и не проснулся.

Тихо и мирно, уже не тревожась страстями нового времени.

Бабушка Васюля очень тяжело переживала уход любимого мужа и как-то быстро начала сдавать, все чаще болея, и Костя с Тоней настояли и уговорили, чтобы мамины родители – дед Боря и бабушка Лида – переехали к ним. Те согласились, не заставили себя долго уговаривать, и зажили они теперь совсем уж полной семьей, к которой присоединились дети из маминого интерната. Антонина Борисовна постоянно приводила пожить каких-то своих подопечных, кто-то задерживался на несколько месяцев («Надо бы ребенка подкормить», – шепталась она с папой на кухне), а кого-то оставляла лишь на выходные. Одним словом, все те тяжелые времена ее одаренные ученики не переводились у них в доме. А квартиру маминых родителей они очень удачно сдали, хоть какое подспорье при тех-то «веселых» реалиях.

Жили, как подавляющее большинство населения страны в девяностых, – трудно, с натугой, не зная, что ждет завтра, считая копейки, в режиме бесконечной, затяжной экономии. Зато дружно, с юмором и шутками – так получалось легче выживать, когда с шутками-то.

У бабушки Лиды совсем плохо стало с работой, повылазили, как грибы после дождичка, одна за другой какие-то новые радиостанции,

молодые, острые, безбашенный, с новыми модными ведущими и тенденциями, интересующиеся исключительно современной музыкой, не нуждавшиеся в музыкальном редактировании. Помыкалась Лидия Юрьевна, пытаясь пристроиться в разные места по своей профессии, немного на телевидении поработала, за копейки почти, и дети настояли, чтобы она выходила на пенсию – хватит уже, наработалась. К тому же за Васюлей уход требовался, она стремительно сдавала, да и Динка без присмотра – уговорили.

Основными добытчиками стали дед Саша и Костя. Дед гастролировал с оркестром, и им таки что-то платили, бывало, неплохо, а Костя иногда брал взятки – куда ж без этого. Фильтровал, конечно, взяткодателей, принимал только у так называемых новых русских и достаточно обеспеченных граждан, категорически отказываясь от любой подачи от «братвы», и никогда не «взимал» с малообеспеченных и простых граждан.

Да и то смешно сказать – «взятки»! Во-первых, далеко не каждый день и не каждую неделю, а то и месяц ему конвертики в карман халата совали, и он же не пластический какой хирург, и не в клинике дорогущей работает, где по тарифу даже вход с выходом. Он трудится в экстренной хирургии и оперирует-спасает всех подряд, не разбираясь, какого они роду-племени, не выясняя их платежеспособность до того, как они окажутся у него на столе. И только позже, если больной пошел на поправку, родственники благодарят врача, спасшего их близкого человека, вручая тому благодарность в денежном эквиваленте. А он, в свою очередь, делится со всей своей операционной бригадой. Вот как-то так.

– А как ты стала матерью в столь юном возрасте? – спросил Гарандин у Дины во время одного из разговоров «за жизнь».

– Как водится в такой ситуации, случайно и «так получилось», – усмехалась Дина, вспоминая это самое «так получилось».

Она вполне реально, по-человечески дружила со своим одноклассником Мишей Зининым. Точнее, не она одна дружила – была у них сплоченная компания единомышленников, пять человек: трое парней и Дина с верной и самой близкой подругой Катюхой. Ничего эгоцентричного, криминального и подростково-экстремального, никаких протестов взрослым и нигилизма во всяком его проявлении. Просто у деток совпадали взгляды на жизнь и был талант остро, порой колко и язвительно пошутить.

Ну и, разумеется, группа сплотилась, сбегая с уроков, просматривая запрещенную эротику и боевики на видеке у Витьки дома, у которого родители «челночили» по тем временам очень даже неслабо. Пробовали

себя в качестве курильщиков – не понравилось, кстати, всем, и вино-пиво пробовали, а как же без них-то. И целоваться-обниматься по подворотням, не минули и этого.

Но дальше поцелуев и тисканья не заходили, во-первых, потому что все учились вполне серьезно и все пятеро собирались поступать в непростые вузы, а во-вторых, потому что, вот не поверите, девочки были правильно воспитаны. Да и парни все трое из вполне благополучных и адекватных семей, с нормальными родителями и тем же нормальным воспитанием. Гормоны, разумеется, шибали всех, и настроение скакало, как ему и положено в этом возрасте, но вложенной в деток родительской любви хватило, чтобы не ринуться во все тяжкие, куда призывно манили реалии времени и наступившая в стране полная вседозволенность с криминальной романтикой.

Но на выпускном балу Дина с Мишей, выпив с одноклассниками за школой шампанского и зацеловавшись от избытка радостных чувств до легкого головокружения и полной бесшабашности, решили продолжить – а-а-а, начинать так начинать взрослую жизнь! И сбежали с шумного мероприятия, не сев вместе со всеми выпускниками на катер кататься по Москве-реке.

А прихватив початую бутылку шампанского, поймали такси и поехали в квартиру Динкиных бабушки-деда, так неудачно... или, наоборот, удачно, пустовавшую в это время – предыдущие жильцы съехали, а новых еще не нашли. Где и осуществилась, так сказать, их любовь.

Дина пошла в первый класс в шесть с половиной лет, соответственно и школу она окончила в шестнадцать.

Впереди ждало поступление, о котором она совершенно не переживала и не беспокоилась вот ничуточки, точно зная, что поступит.

Дальнейший жизненный путь Дины родные определяли методом наилучшей предрасположенности. Понятное дело, что при таких раскладах – половина семейства музыканты, а другая половина – медики, выбор был очевиден с самого рождения.

Но поскольку, к великому разочарованию мамы и ее родителей, музыкальными дарованиями ребенок не блистал, порадовав лишь великолепным слухом и категорически отказавшись уже в третьем классе музыкалки продолжать и дальше эти мучения и издевательства над собой, выбор дальнейшего развития девочки стал очевиден всем.

Всем, кроме самого ребенка.

Хочет ли она стать медиком? А вот как вам сказать...

Поэтому решили, что пусть девочка поступит для начала в

медицинское училище, вернее, уже колледж к тому времени, а там посмотрим – и сама определится, и отец присмотрится к ее успехам, подскажет, стоит ли двигаться по этому пути дальше. Тем более что у семьи, увы, были довольно скудные финансовые возможности, и, честно говоря, институт-то они могли и не вытянуть.

Динка и поступила, легко и без затей, и начала с удовольствием учиться, влилась в новый коллектив, приноровилась к новому режиму и новой форме обучения.

И ба-бах тебе – беременность! И з-з-здрасте, не ждали! А мы вот...

– Как же так? – обалдела до оторопи мама, когда папенька, проведя обследование дочери в своем Склифе, вернулся вечером домой и сообщил потрясающую новость, хлопнув пачку анализов на круглый обеденный стол в кухне.

– Тонечка, – поинтересовался он с наигранной непосредственностью, – тебе сам процесс объяснить? Не думаю, что он сильно отличается от обычного, хотя... – протянул Константин Павлович и задумчиво посмотрел на дочь, – черт их знает, молодежь эту, может, достигли каких-то новых, небывалых открытий в этом вопросе. – И любопытствовал, старательно сдерживая улыбку: – А, доченька, Диночка, мама вот спрашивает: «Как же так?» Может, как-то особенно?

– Так получилось, – приподняв плечи и разведя ручки в стороны, скривилась Динка и уточнила, как именно: – Случайно.

– Значит, ничего нового, – констатировал папа, начиная тихо посмеиваться, – все как обычно. А ты, Тонюшка: как, как?

Виновника Динка сдала сразу же, без каких-либо мук совести. Семью Мишки и его самого тут же оповестили о беременности по телефону, не откладывая дело в долгий ящик. И уже на следующий день у Нагорных собрался Большой совет, в состав которого вошли все Динины родные во главе с Васюлей, Мишины родители и сам будущий папашка, все тушевавшийся; видать, уже имел «горячую» разъяснительную беседу с родителями.

Но ничего такого уж страшного не произошло – посоветовались и без особых дебатов и долгих прений договорились до здорового компромисса: ребенка рожать, а детям совершенно не обязательно из-за этого гробить свои жизни и будущее, и жениться не обязательно, тем более не Ромео с Джульеттой, и большой любви промеж ними как-то не наблюдается.

– Или у вас любовь такая сильная, неземная случилась-таки? – переспросила Васюля, сурово посверлив взглядом внучку и виновника ее положения.

– Нет! – в один голос признались дети.

Ну на нет, оно, как известно, и суда нет. Помогать всем, чем могут, родители Миши и сам Миша обязались с готовностью, не отказывались, на том и сошлись.

Дина родила Кирюшку в апреле, посещая занятия в колледже до самых родов, которые там, в колледже, у нее и начались, переполошив всех преподавателей и сорвав занятия в двух группах. А родив, взяла академический отпуск и на следующий год восстановилась снова на первый курс. Но, поскольку она сдала, между прочим, исключительно на отлично все предметы и зачеты почти за весь курс, то ее освободили от посещения лекций и практических занятий, обязав лишь во время сессии приходить и подтверждать знание предмета.

– Таким образом и получилось, – рассказывала Дина Владу, – что я год просидела с Кирюшкой дома и кормила его весь этот год. И сбежала в учебу с огромной радостью. Кстати, – улыбалась она ему, и лицо ее просветлело от тех теплых воспоминаний. – Я училась и заканчивала колледж вместе с Асей Волхонской^[4]. Уж ее ты точно знаешь и помнишь.

– Помню, – немного сдержанно улыбался Влад, – еще бы не помнить, я давал ей интервью несколько раз, и она делала про нас с Максом острый, местами обличительный, местами хвалебный большой репортаж.

– Аська, она такая, – рассмеялась Дина, – мы с ней по-настоящему дружили в колледже и дружим до сих пор. Но не близко-близко, – перестала улыбаться она, – в силу специфики моей деятельности я вообще мало с кем теперь дружу, чтобы не подставлять людей. Но про наши дела Аська тоже острые репортажи делала, пока не ушла из профессии. Она редкая молодец. Ты ее книги читал?

– Нет, – признался Гарандин.

– А я читала. – И повторилась: – Она молодец. Парня такого родила щекастого, умненького. Сейчас снова беременна, девочку ждут.

Динка погрузилась в учебу, а Кирюшу вырастила и воспитала прабабушка Лида. Нет, разумеется, вся семья принимала самое активное участие в воспитании малыша, но основная забота о ребенке, о Васюле и о доме-хозяйстве легла на плечи Лидии Юрьевны.

А остальные члены семейства все в работе – дед Борик продолжал разъезжать по гастролям, невзирая на свои шестьдесят пять; мама пропадала, дневала и ночевала, только не поселившись в своем интернате, который как раз начали отстраивать и ремонтировать; отец, ну это понятно, – его они видели урывками и в основном спящего между

дежурствами: полторы смены и приработок на стороне ухайдакают кого угодно. А Дина вместе с подругой своей, боевой Асей, на четвертом курсе колледжа устроились работать на одну подстанцию «Скорой помощи» в статусе медсестер, и пропала она для семьи и ребенка напрочь.

Домой приползала, как и отец, только поспать, падала в кровать трупиком, а просыпавшийся ранним утром Кирюшка самостоятельно выбирался из кровати, писал на горшок и залезал к маме под бочок, так они и досыпали еще часик-полтора. И это было единственное время в сутках, когда Дина могла пообнимать, расцеловать сыночка и побыть с ним хоть чуть-чуть, никуда не убегая и не опаздывая.

Так и жили. Перед самыми выпускными экзаменами Дины в колледже умерла бабуля Васюля. Последние три месяца она уже лежала, не вставала, обессиленная старческой немощью и болезнями. А ушла тихо, мирно, как и дед Павел – во сне.

– Благословил Господь, пожалел, – сказала про ее тихую смерть бабушка Лида, когда нашла ее утром, уже холодную, с застывшей улыбкой на губах, и заплакала.

После окончания колледжа пути подружек разошлись – Ася поступила в медицинский институт, как и мечтала, и продолжила учебу. А Дина поступать не спешила – захотелось ей отдохнуть хоть годик от напряженной жизни, нормально общаться с ребенком и проводить с ним хоть сколько-то времени, а то вон ему уже четыре годика, а мать родную скоро узнавать перестанет, потому что практически не видит. Вот как-то перевести дух и не мчаться в институт между дежурствами, не сидеть ночами над учебниками и тетрадями, отрубаясь от бесконечной хронической усталости, – так решила для себя Дина и не спешила продолжать учебу, оставшись работать в «Скорой помощи», но уже в должности фельдшера.

Как-то холодной промозглой осенью, в ноябре, произошел с их бригадой один случай, не совсем чтобы стандартный, хотя... этих нестандартных у них завались – что ни смена, то необычная ситуация: то «покойник» оживет, то алкаша с дерева снимают, то работягу с куском арматуры в груди транспортируют.

Но эта была особенная.

Они уже закончили смену и возвращались с последнего вызова, не потребовавшего транспортировки больного в стационар, – бытовая травма легкой степени тяжести, обработали, забинтовали, направление в травмопункт выписали – и на базу. Отъехали от «адреса» и уже заслуженно расслабились, предвкушая отдых. Доктор их, Петр Ильич Кольцов (который, понятное дело, носил позывной Чайковский), гениальный врач,

не в пример великому композитору, великий матерщинник, любитель острых анекдотов, уже было начал повествовать очередной свеженький анекдотец – верный признак окончания смены, когда пришел срочный вызов от диспетчера.

– Пятая бригада, Ильич, – с просящими интонациями обратилась диспетчер в эфире, что сильно не приветствовалось начальством, но допускалось в особо сложных ситуациях среди персонала: – Там рядом с вами экстренный вызов.

– Роды, смерть по причине упития, бытовой беспредел после совместного распития? – вредничая, не самым благостным тоном спросил Чайковский.

– Перестрелка. Произошла только что, прямо рядом с вами, – не приняла его тона диспетчер и назвала адрес. – По словам очевидца, от которого поступил вызов, у молодого человека два пулевых, сильное кровотечение, и он без сознания.

– А те, кто в него стрелял? – спросил Петр Ильич, жестом велел водителю ехать по адресу.

– Говорит, двое подхватили третьего и, торопливо, но тяжело хромя, ушли, похоже, что все трое тоже раненые. – И предупредила: – Вы там осторожней, один экипаж милиции уже едет, но будет минут через пятнадцать, а вы...

– А мы уже на месте, – перебил ее ворчливо Ильич, заметив выхваченную из темноты дальним светом фар группу людей, которые столпились над кем-то, лежавшим на асфальте. Какой-то человек, отделившись от остальных, призывно махал им рукой.

– Работаем, – строгим, недовольным тоном отдал распоряжение Ильич и первым выбрался из машины, бурча себе под нос, где он видал эту добровольно-принудительную сверхурочку.

Но стоило Дине с Валентином, медбратом их бригады, поспеть за Чайковским, который уже начал осматривать пострадавшего, как все в докторе Кольцове изменилось мгновенно, словно перед ними чудным образом материализовался совершенно иной человек.

Четким, командирским голосом, в котором звенел металл, он отдавал приказы, торопил, матеря по ходу всех и вся, и задал такой темп, что они, в пару минут затолкав в кузов каталку с пострадавшим, в четыре руки уже проводили экстренные действия, пытаясь остановить кровотечение, еще до того, как их водитель Василич врубил сирену с мигалкой и рванул вперед, без лишних слов со стороны начальства оценив ситуацию. Пострадавший оказался высоким, крепким, довольно симпатичным мужиком лет чуть за

тридцать.

– Валя, ноги ему подними! – орал Ильич. – Динка, давай сюда! – указал он на раненого. – Оседлай его, быстро! – И матерился в три этажа, пока Дина становилась на колени над раненым. – Слушай меня, – объяснял он ей. – Я сейчас покажу тебе, куда надо давить, зажмешь артерию, прямо кулаком нажмешь – придавишь со всей силы, почувствуешь сразу, как толчки крови остановятся. И будешь держать. Поняла?

– Поняла, – подтвердила Дина, неожиданно вспомнив, что читала в учебнике по хирургии о таком способе экстренной остановки кровотечения из крупных сосудов вен и артерий. Но только в полевых условиях.

А тут и есть почти полевые условия! Как парень до сих пор жив, вообще вопрос, кровопотеря страшная!

– Чувствуешь?! Нашла?! – орал Петр Ильич.

– Нашла! – прокричала в ответ Динка, почувствовав под пальцами пульсирующую мощными толчками кровь, и прижала со всей силы, помогая себе второй рукой.

– Зажимай! Зажимай, мать его так-разтак!.. – орал Чайковский. – Вот, молодец! – уловив изменения в состоянии больного, похвалил он: – Молодец, Динюга, держи, не отпускай!

– Можно же зажимом?! – прокричала Дина.

– А как я тебе на ходу в этой каше, что у него там разворотило, буду вену выделять, мать твою, умница ты моя?! – обматерил он ее в три этажа с выкрутасами и приказал: – Держи!

И она держала. А матерящийся, бушующий Ильич и подгоняемый им Валентин, перепачканные кровью с ног до головы, проводили экстренную реанимацию парня.

– Куда везти? – орал Василич, проникшись остротой момента и общей штормовой атмосферой экипажа.

– Петр Ильич, – предложила Дина, – давайте в Склиф, он ближе всего, и сегодня отец дежурит.

– К Шаману? – задумался буквально на секунду Кольцов и тут же решил: – Точно, Шаман вытащит. – И проорал новую вводную медбрату: – Валька, звони диспетчерам, скажи, в Склиф везем, и пусть свяжутся с Нагорным, предупредят, чтобы никого не брал, мы ему тут «подарочек» приготовили!

И в этот момент раненый открыл глаза. Посмотрел мутным взглядом в пространство, потом напрягся всем телом, попытавшись встать, за что тут же получил заряд трехэтажного мата от Кольцова, в вольном переводе звучащий приблизительно так:

– Лежи, не двигайся, даже не шевелись!.. – далее непереводаемая ненормативная лексика.

Мужчина принял к сведению рекомендацию и перестал напрягать тело, зато, чуть прищурившись, осмотрелся, как мог, сообразил, где и в каком положении находится, и, взглянув на Дину, попытался что-то сказать.

– Что? – спросил Ильич и снял с него кислородную маску.

– Девочка, – не просительным, а строго-приказным тоном обратился пострадавший, – запомни, пожалуйста, – и произнес странную фразу: – Квадрат семнадцать-двадцать, Левко и Бандоев, пятнадцатого, в восемь. Номер здесь: двадцать восемь, ноль три, местный, любимая марка, цвет.

– Бредит, – предположил Ильич.

– Нет, – твердо отверг его предположение парень и потребовал у Дины: – Повтори.

Она начала повторять, сбилась на этих дурацких, непонятных цифрах, он напомнил, повторяя вместе с ней, и потребовал, чтобы она произнесла еще раз.

– Все? – спросила Дина, когда с третьего раза произнесла всю фразу в точности.

– Нет, еще, – уже хрипел он, и в уголках его губ пенилась кровь.

– Хватит! – остановил его Ильич.

– Еще одно. – Мужик посмотрел на него таким взглядом, что гневливый Кольцов, ни от кого не терпящий приказных модуляций в голосе, отчего-то не стал настаивать и орать, а пострадавший перевел взгляд на Дину: – Запомни телефон, – и продиктовал цифры мобильного, который в то время был редкостью у граждан.

Прямо на глазах ему становилось хуже и хуже. Раненый начал стремительно бледнеть, вокруг глазниц ложились темные тени, а кожа на висках становилась желто-серой, но он все держался.

Как?! Совершенно непонятно.

– Повтори, – потребовал парень затухающим голосом.

Динка быстро повторила, запомнив с первого раза.

– Перескажешь все слово в слово и объяснишь Ринку: передал Кнут... – И его повело, повело, выключая на последних словах.

– Я тебе помру! – орал на него Кольцов, вводя очередной препарат. – Я тебе сдохну, ... такая! Как приказы раздавать, так он живой, ... героический, а как выживать, так он в отключке, а мы тут ... с ним! Дыши давай! – орал тот, реанимируя парня.

Они очень быстро доехали до Склифа, ни на секунду не выключая «светомузыку», нарушая правила, пролетая на красные светофоры. Их уже

встречал предупрежденный о состоянии пациента медперсонал с Константином Павловичем во главе.

Каталку с раненым и продолжавшей так и стоять над ним Диной, которая зажимала поврежденную артерию онемевшей рукой, выгрузили из машины и таким же порядком погнали сразу же в операционную. Кольцов бежал рядом и громко-четко читал протокол проведенных мероприятий. Лишь у дверей в оперблок он остановился и попросил, хлопнув Нагорного по плечу:

– Вытащи его, Шаман.

– Да иди ты, – без запала ругнулся Константин Палыч и проворчал на ходу: – Устроил мне тут полевую хирургию с ручным передавливанием!

Не принято было у так называемых экстренников просить об этом – дурной тон и плохая примета. Все скупое и без комментариев: сдал пациента, принял пациента, и все. И жди звонка, как он там. Лишь в крайних, особых случаях могли себе позволить подобное попустительство доктора, и то только бывалые, которые спасли не одну сотню жизней.

Видимо, этот парень оказался тем самым особым случаем. Чем он пробрал старого, битого, повидавшего изнанку жизни циника-матерщинника Кольцова, бог знает.

Дина долго отмывала руки от крови в служебном туалете. Как они умудрились перепачкаться? Ведь в перчатках была. Терла, терла, все равно до конца не оттерла, да и ладно. Посмотрела на себя в зеркало и снова, открыв кран с водой, принялась отмывать, ну хоть чуть-чуть, пока не доберется до душа, шею и щеку.

«Не выживет, – думала она про себя, и так ей становилось от этой мысли тошно и почему-то страшно обидно, и слезы выступили на глазах. – Ну чего ты? – дивилась и уговаривала она себя. – Что ты его хоронишь раньше времени, Динка! Такой мужик стойкий, вон на морально-волевых еще и разговаривал, требовал, приказы-просьбы отдавал, хотя, по логике, уже давно должен был отойти. Так что еще посмотрим, поборется он, да и отец будет биться за его жизнь до последнего», – подбадривала она себя.

Вышла к своей бригаде на тех самых морально-волевых и посмотрела на мужиков, аж посеревших от усталости. Их троих капитально «накрыло», стоило только немного расслабиться, передав раненого хирургам. Но деваться некуда – надо возвращаться и сдавать смену. Обессиленные, опустошенные, перепачканные кровью с головы до ног – как из боя вышли. Вообще-то, может, и вышли. Они забрались в машину и, не произнеся ни слова, в полном молчании доехали до родной подстанции.

Сдав смену, препараты и отчеты, расписавшись во всех журналах и

ведомостях, Дина долго стояла, не двигаясь, под струями горячей воды в душе, смывая въевшуюся в кожу засохшую кровь. Надо было найти в себе силы, чтобы нормально помыться и как-нибудь высушить волосы маломощным, вечно барахлившим общественным феном, а потом одеться-собраться и еще доехать до дома.

Да, еще позвонить.

Выживет мужик или нет, а позвонить надо, она обещала. Хотя мутная какая-то это история, и сообщение его явно же непростое, а если это... отморозки какие-нибудь? А? Но вот что-то подсказывало Дине, чутье какое-то внутреннее, что не похож этот раненый на отморозка. Хотя смешно, какое там чутье у девчонки двадцатидвухлетней. Ну вот какое есть.

Преодолевая всю свою предельную усталость, Дина заставила себя последовательно и поэтапно предпринимать необходимые действия – мыться-сушиться, одеваться-собираться. И ничего так, взбодрилась даже.

В комнате отдыха Валентина Григорьевна, доктор второй бригады, специально для них заварила настоящего, душистого чаю в большой фарфоровый чайник, прекрасно понимая и видя состояние пятого экипажа. Спасибо ей огромное – прямо спасла!

Можно было, конечно, вколоть себе препаратик да еще витаминчику какого добавить, кто-то так и делал от переутомления и стресса, но Дина такими делами не баловалась – на фиг, так подсядешь на искусственное расшатывание организма: не наркота, понятное дело, но тоже привыкаешь. На фиг.

«А внутренние резервы?» – как говорит ее батенька по этому поводу. Вот она на тех самых внутренних справляется.

А чай прямо в тему пошел – взбодрил так хорошо, по крайней мере глаза перестали сами собой закрываться.

По громкой связи объявили вызов второй бригады.

– Куда? – спросила Дина у Валентины Григорьевны.

Та посмотрела в лист вызова и назвала адрес. Дина быстро прикинула маршрут и вдруг, мгновенно приняв неожиданное решение, попросила:

– Возьмете с собой? Мне в Склиф надо, высадите где-нибудь поближе, вам по пути.

– Давай, – разрешила Валентина Григорьевна.

И Дина, быстренько затолкав в сумку шапку-шарф с перчатками и подхватив куртку, заскочила в машину второй бригады.

– В Склиф собралась? – спросил внезапно оказавшийся рядом с машиной Кольцов.

– Угу, – кивнула Дина.

– Ну давай, – одобрил он ее инициативу и попросил: – Позвони сразу, как там будет.

Операция все продолжалась. Дина с разрешения дежурной зашла в пустую ординаторскую, устроилась за столом, подтянула к себе телефонный аппарат и застыла, глядя на него, задумавшись. И именно в эту самую минуту прочувствовала, насколько зверски она устала, до невозможности даже шевелиться – догнало все-таки всерьез, как ни хорохорилась, как ни бодрилась, видать, внутренние резервы закончились.

Нет, нет, приказала она себе, сейчас нельзя, надо еще немного потерпеть, продержаться, а то, если дать себе волю, упадет спать прямо здесь, а ведь всем медикам известно: последнее дело спать после смены на кушетке или даже на свободной койке на работе.

Глубоко вдохнув, Дина задержала дыхание, резко выдохнула и набрала номер сотового телефона, который запомнила с первого раза и, видимо, на всю жизнь.

– Да, – коротко ответил строгий мужской голос уже после второго гудка.

– Здравствуйте, – усилием воли Дина заставила себя собраться и говорить четко и размеренно, – я фельдшер «Скорой помощи», вам просил позвонить и передать информацию мужчина, который назвал себя Кнут.

– Что с ним? – быстро спросил мужчина.

– Проникающее огнестрельное ранение брюшной полости и легкого, – озвучила она первичный диагноз.

– Живой?

Дина ответила не сразу, понимая, что состояние пострадавшего не внушает больших надежд.

– Живой? – повторил с чуть большим нажимом в голосе мужчина.

– Идет операция, – уклончиво ответила она.

– Где?

– В Склифосовского.

– Сейчас буду, – безапелляционным тоном сообщил мужик.

– Подождите, – заторопилась Дина, понимая, что он собирается прервать разговор, – я не знаю, кто вы, из какой организации, вы даже не представились.

– Как вас зовут? – неожиданно спросил мужчина достаточно мягким тоном.

– Дина, – чуть растерялась она от такой резкой перемены и тона, и темы разговора.

– Дина, – обратился он к ней не то чтобы просительно, но мягко, без прежнего нажима, – дождитесь меня, пожалуйста, я буду минут через пятнадцать-двадцать, представлюсь вам лично, и вы мне все подробно передадите. Договорились?

И отчего-то, скорее всего от оупляющей усталости или из-за искренности тона, которым он произнес свою просьбу, но она согласилась. И чтобы не заснуть, поплелась к автомату с напитками, который недавно поставили в холле приемного отделения. Кофе был совершенно дрянной, а спать хотелось ужасно – организм требовал хотя бы прилечь, хоть минут на десять, просто полежать с закрытыми глазами. Но она держалась, отдавая себя ясный отчет, что вырубится мгновенно, стоит только коснуться подушки головой, и тогда ее вряд ли кто-то уже разбудит, и все бродила, бродила, как сомнамбула.

Накинула куртку и вышла на улицу, постояла, вдыхая промозглый воздух, кислотовый от близости Садового кольца и опревших, чуть примороженных к ночи листьев, побродила немного у входа в приемное отделение, даже поприседала, и вернулась обратно, почувствовав, что подмерзает.

Он приехал через пятнадцать минут, как и обещал, и не один. В холле приемника собралось человек пять родных и близких тех, кого привезли «по «Скорой», ожидавших вердикта докторов. Среди них была и Дина, решившая не утруждать себя с комфортом в ординаторской, а взять в автомате

второй стаканчик того же дрянного кофе и сесть на неудобном, жестком кресле в продуваемом от постоянно открываемых дверей холле.

С улицы вошли двое мужчин. Они остановились всего на пару мгновений, успев быстрым взглядом окинуть всех ожидающих, почему-то выбрали Дину и совершенно определенно двинулись к ней.

Шедший чуть впереди мужчина был высокий, широкий, даже, можно сказать, мощный какой-то, лет за сорок, с коротким ежиком чуть поседевших волос на голове, с таким интересным волевым лицом, смягченным легкой дружеской улыбкой, с которой он смотрел на девушку. При всей монументальности его фигуры двигался он с поразительной, необыкновенной грацией хищника, абсолютно расслабленного, но готового к атаке в любой момент. Второй мужчина, шедший чуть сзади и сбоку, практически плечо к плечу за первым, был несколько иного типажа: немного пониже первого и менее массивен, такой жилистый весь, сухопарый. Двигался он с не меньшей грацией, чем первый, но более пружинисто, что ли.

То, что оба эти мужика были очень-очень непростыми дядечками, при всей их улыбчивости, предназначавшейся исключительно ей, было совершенно понятно с первого же взгляда.

– Вы Дина? – подойдя к ней, спросил первый мягким, очень приветливым голосом.

– Да, – кивнула она и поднялась с неудобного дерматинового скрипящего кресла, оказавшись больше чем на голову ниже его.

– Здравствуйте, – все улыбался ей мужчина и представился: – Меня зовут Антон Александрович.

– А Ринк, это кто? – осторожно спросила Дина, не спеша улыбаться в ответ.

– Ринк – это я, – произнес он все тем же мягким, улыбчивым тоном. – Фамилия моя Ринков, иногда ко мне так обращаются, – пояснил он и, поведя рукой вправо, представил своего товарища: – А это Сергей Викторович Кнуров.

– А вы, наверное, Кнур? – позволила себе усмехнуться Дина.

– Нет, – неожиданно искренне заулыбался тот в ответ. – У меня несколько иное прозвище, не столь экзотичное.

И Дина присмотрелась повнимательней: у этого Сергея Викторовича были поразительные, необыкновенные длинные, темные и густые ресницы – предмет мечтаний любой женщины.

И отчего-то именно от этой удивительной детали внешности незнакомца она вдруг моментально перестала напрягаться, нервничать,

опасаться и ожидать чего-то плохого.

– Вы знаете, что производите впечатление очень опасных людей? – спросила она у первого – того, который назвался Ринком.

– Мы не нарочно, – улыбнулся он ей.

– Хочется спросить: «Ребята, вы на чьей стороне? За белых или за красных?» За Мао или за Сяо, как в том старом анекдоте.

Анекдот был бородатый и с «душком», как говорится, на грани фола, из обширного арсенала доктора Кольцова, и по реакции мужчин Дина вдруг, мгновенно смутившись, поняла, что он явно знаком этим двоим.

– Мы за добро, девочка, – уверил ее со смешком Сергей Викторович.

– Вы волнуетесь, что информация, которую вам передал Кнут, может быть использована во вред? – прямолинейно спросил Ринков.

– Ну есть такой момент, – наивно призналась Дина. – Какие-то цифры, фамилии, мало ли. А у нас Дубровки всякие случаются.

– Вам придется нам поверить на слово, Дина, – перестав улыбаться и излучать приветливую открытость, каким-то совсем уставшим тоном произнес Антон Александрович. – То, что просил передать Игорь, очень важно, как раз чтобы предотвратить возможность какой-нибудь еще Дубровки.

– Сказать можно все, что угодно, и убедить человека в чем угодно, – заметила Дина и объяснила ему: – Я не знаю почему, наверное, потому, что полтора часа назад практически держала в руке сердце вашего Кнута и видела его поразительное мужество, его волю, может, поэтому, а может, из-за того, что я просто глупая девочка, но я передам вам то, что он просил.

И она пересказала все, что так старательно запоминала, под руководством практически умирающего человека.

Мужчины обменялись очень быстрыми, буквально секундными понимающими взглядами, и Ринков, коротко извинившись, отошел в сторону, на ходу доставая телефон из кармана пиджака.

– Что вы пьете? – спросил ее Кнуров, оставшийся возле Дины, кивнув на пустой картонный стаканчик в ее руке.

– Ужасный, дрянной кофе из автомата, – призналась она и отчего-то немного пожаловалась: – Но он все-таки бодрит, при всей его гадости, а я сейчас в таком состоянии, что без него меня давно срубило бы. – И вздохнула устало: – Смена была тяжелой.

– Как он? – спросил Сергей Викторович, словно отпуская себя на какое-то краткое мгновение.

И только сейчас Дина поняла, насколько он весь напряжен, собран и натянут, как струна, что его духовные силы и переживания направлены на

мысли о раненом, увидела, как по-настоящему важен для него тот человек и что это его личное горе и трагедия. И все эти улыбки, шутки и легкость тона, казавшиеся ей очень естественными, на самом деле лишь великолепное умение владеть своими эмоциями.

– Идет операция. Мы его сюда специально везли, сегодня смена одного из самых классных хирургов, повезло вашему Кнуту, или как его там, – Игорю. Если кто и сможет его спасти, так только он. Коллеги в своей среде его Шаманом называют за то, что он совершенно безнадежных вытаскивает, – попыталась она, как могла, подбодрить мужчину. – И раз все еще идет операция, значит, он точно до сих пор жив. Надо ждать.

– Да, – кивнул он с улыбкой, соглашаясь, и спросил: – А вы, Дина, тоже решили ждать?

– Мне бы поспать, – вздохнула она тяжело, сдаваясь перед обстоятельствами. – И желательно часов двенадцать, и хотелось бы так, чтобы никто не будил и не трогал. Но этого вашего героя раненого теперь, наверное, можно считать моим крестником в какой-то степени. Моим и доктора Кольцова. Хотя, скорее, наоборот: сначала его – потом моим. Поэтому я буду ждать. И «Чайковский», как мы называем нашего доктора, потому что Петр Ильич тоже не спит, ждет моего звонка. Так что пойду, возьму себе еще кофе.

– Я принесу, – остановил ее Кнуров.

Подошел сначала к Антону Александровичу, продолжавшему говорить по телефону, что-то коротко сказал тому и двинулся совсем в другую сторону от автомата. Минут через пятнадцать, когда Дина начала клевать носом, вздрагивая всякий раз, когда чуть не валилась из кресла, Кнуров вернулся.

– Вот. – словно из ниоткуда перед ней появился большой картонный стаканчик кофе с логотипом известной дорогой кофейни, даже из-под крышки которого шел бесподобный аромат.

– О господи, это чудо, что ли? – даже как-то немного проснулась Дина, принимая стакан, предусмотрительно обмотанный дополнительным слоем бумаги.

– Вам надо подкрепиться, как я понял, – ответил Кнуров и протянул ей еще и большой, какой-то прямо раскрасавец-сэндвич, завернутый в бумагу той же кофейни.

Ах, какой же это был сэндвич! Ум-м-м! Динка слупила его в рекордное время, минуты за полторы, прикрыв глаза от удовольствия и запивая волшебным кофе. Он ее прямо спас, этот непонятный мужик с черными длинными ресницами.

А как только она доела и выбросила в корзину мусор, к ним вышел Константин Павлович. Уставший, взмокший, замученный сверх всякой меры, с посеревшим от запредельной усталости лицом, он взглядом нашел Дину и махнул ей. К отцу она подлетела одновременно с Ринковым и Кнуровым.

– Это друзья и родственники раненого, – торопливо представила мужчин Дина.

– Жив, – коротко оповестил Нагорный, посмотрев по очереди на мужиков. – Состояние критическое, но жив пока. Все покажет эта ночь, первые часы после операции.

– Жив! – Дина повернулась к мужчинам, радостно улыбаясь, и внезапно для самой себя почему-то кинулась и обняла Кнурова, разделяя свою радость с этим чужим ей человеком. – Жив!

Вот так они и познакомились. Раненый Игорь по фамилии Веснин выжил и, благодаря своему здоровому, молодому, натренированному организму, довольно быстро восстанавливался. Ринков с Кнуровым всучили Константину Павловичу увесистый пакет. Тот принял, а как не принять? Дома шестеро по лавкам и все есть хотят, а зарплаты... нет, почитай, у него зарплаты. Как и Дина приняла, и вся их бригада «Скорой», даже Василичу перепало за великолепную скоростную езду.

А когда мужчины забирали еще лежащего Веснина, объяснив Нагорному, что там, куда они его везут, медицинский уход за парнем будет гораздо выше и качественней, чем даже в знаменитом Склифе, Антон Александрович протянул Константину Павловичу и Дине по визитной карточке и очень весомо произнес:

– Если возникнет необходимость, звоните в любое время. Поможем.

Кто поможет, при какой такой необходимости, Дина с отцом спрашивать не стали. Понятно же и так.

Промолчали, кивнули благодарно, в полной уверенности, что больше никогда не увидятся и никакой *такой* необходимости у них – тьфу, тьфу, тьфу – не возникнет. А с чего бы?

Кто бы тогда сказал Дине, что через год помощь этих мужчин ей ой как понадобится.

– Не могу об этом, – глядя в глаза Гарандину, призналась она. – Мне сейчас лучше обойтись без эмоций. А это... Столько лет прошло, а я до сих пор... И казалось бы, такого уже понавидалась, с таким кошмаром бытовым и трагедиями сталкивалась, а как вспомню тот день...

– Ну ладно, ладно, – придвинулся Влад к ней и погладил по голове,

успокаивая и подбадривая, – потом расскажешь. Вот отвезу тебя в усадьбу, сядем там вечером на террасе, будем чай гонять и смотреть на закат. Там и расскажешь.

Дина глубоко вдохнула, останавливая неожиданно яркие и четкие воспоминания, загоняя внутрь предательские слезы, и посмотрела на мужчину внимательным, изучающим взглядом.

– В усадьбу? – уточнила она.

– А почему нет? – спросил он. – Батюшка твой говорит, что тебе в лучшем случае при условии строгого соблюдения режима нужно восстанавливаться после сотрясения еще месяца два. Компьютером и телевизором можно пользоваться не больше двух-трех часов в день, руку на перевязи держать после выписки еще две недели. И что, будешь дома сидеть?

– Предлагаешь сидеть у тебя в гостях?

– У нас там красота, – с чувством произнес Влад. – Усадьба стоит на пригорке, и оттуда ви-и-ид открывается – закачаешься: на километры вокруг. Такой простор, такое спокойствие и тишина. А прямо за усадьбой лес стеной, из него часто зайцы выскакивают и лисы. Птицы по утрам поют многоголосьем. А на большом лугу дикие куропатки водятся. И ферма видна, и левады. Это тебе не у телевизора сидеть.

– Подожди, какая ферма? – поразилась Дина. – Ты и ферма? Это как-то совсем не монтируется, – с большим сомнением посмотрела она на него. – Как красный «Феррари», севший на брюхо в раскисшей российской колее.

– Ну-у, не такой уж я и «Феррари», если это метафора про меня, скорее старый, подержанный «Роллс-Ройс», а на ферме у нас раскисшей колеи нет, – протянул Влад неопределенно, легонько пожав плечами, и усмехнулся.

– Так, твоя очередь рассказывать, Гарандин, – преувеличенно-наигранно возмутилась Дина, торопясь уйти от нахлынувших трагических воспоминаний. – Начнем с детства-юности, а там дойдем и до фермы, на которой нет раскисших дорог и где из твоей усадьбы открывается прекрасный вид. А то меня спрашиваешь, а сам помалкиваешь. Давай, объясни простой советской девушке, как ты заделался крутым до невозможности бизнесменом?

– Как и ты матерью в семнадцать лет, – усмехнулся Влад и повторил ее объяснение: – Случайно и «так получилось».

Ну случайно, это Гарандин сильно преувеличил, понятное дело.

По большому счету, люди делятся на тех, кто имеет способности, некий внутренний заряд, нацеленность и мощную энергию, чтобы что-то

делать, созидать, творить, в том числе и серьезный бизнес, и на тех, кто такими свойствами не обладает.

Самое примитивное деление, но если убрать всю словесную шелуху, красиво расцвеченные фразы, классификацию типов людей по характерам и поведению, то, пожалуй, самое точное.

Отец Владислава Олег Дмитриевич Гарандин был уроженцем крупного уральского города, после школы закончил ремесленное училище и пошел на завод работать токарем, отработал год и был призван служить в армию, а после армии, даже не заезжая в свой родной город, сразу же из ворот части прямым маршрутом отправился в Москву и поступил в Политехнический институт. Очень одаренный был человек, обладавший от природы уникальной памятью и техническим складом ума.

Окончив институт, вернулся по распределению в свой город, на свой же завод, где начинал трудовую деятельность, но уже на должность ведущего специалиста в составе инженерной группы, а через три года, из-за нехватки инженерных кадров, Гарандина назначают главным инженером этого огромного завода всесоюзного значения. И посылают в командировку в Москву на учебу для руководящих кадров.

И вот там-то Олег Дмитриевич и встретил любовь всей своей жизни – Леночку Девятову, только-только окончившую институт легкой промышленности и бытового обслуживания по специальности модельер верхней и сезонной одежды, которая была младше его на тринадцать лет.

Они поженились через три месяца, когда у Олега Дмитриевича закончились курсы, и он увез свою молодую красавицу-жену на Урал, где через девять месяцев и родился их сынок Владислав.

С самых первых дней жизни мальчика всей родне стало очевидно, что ребенок у них родился с характером – криком не заходился никогда, если что-то ему требовалось, он даже не плакал, а словно гудел на одной низкой ноте и сразу же успокаивался и мирно засыпал, стоило получить желаемое.

С каждым месяцем и годом жизни маленького Влада все больше и явственней раскрывалась суть его неординарной натуры. Он был целеустремленной личностью и умел реализовать идеи, даже, казалось бы, самые безнадежные для воплощения.

Например, в три годика Влад сам себе выбрал садик. Тот, в который его отдали поначалу родители, мальчику категорически не понравился – ни с кем из деток в группе он не нашел общего языка, не сдружился, а уж с воспитательницей так и вовсе с первого же дня у них возникли напряженные отношения – она сказала что-то неприятное, обидное, и Влад тут же закрылся, отгородился, игнорируя любое ее обращение к нему.

Другой бы ребенок орал-плакал, капризничал, уговаривал родителей вообще в садик его не водить, бузил бы всячески и мучился непониманием взрослых.

Но это же не наш путь, решил трехлетний Владюша и в выходные дни порасспросил подробно (как мог, в три-то года) дворового друга Даньку про садик, в который тот ходит. Полученных сведений вполне хватило для того, чтобы в понедельник во время прогулки деток перед сном выбраться через дыру в заборе с территории своего сада и добраться до другого, благо тот находился недалеко. Деловито поднявшись по ступенькам и войдя в здание, Влад попросил первую встретившуюся воспитательницу проводить его в группу друга Даньки, а когда вошел в игровую комнату, протопал напрямик к молоденькой воспитательнице и столь же деловито поинтересовался:

- Вы хорошая тетя?
- Надеюсь, что да, – обескураженно ответила девушка.
- Вы детей не обижаете, не говорите им, что они негодные?
- Нет, определенно, такого деткам я не говорю, – заверила его она.

А Владик, оглядев деток, которые заинтересованно подтягивались к ним с воспитательницей, спросил:

- А дети у вас тут хорошие?
- Хорошие, – уверила его девушка.
- Тогда я тоже к вам приду, – сообщил Владик.
- Ну приходи, – заулыбалась та.

Скандал, конечно, имел место, а как же без него – нелюбимую Владом воспиталку серьезно пропесочили за то, что у нее дети сбегают посреди дня. А Влада родители пожурили, но лишь за неосмотрительный риск: маленькому ребенку нельзя самому, без взрослых, ходить по улицам.

– И все? – подивилась директор садика.

– А за что еще? – спокойно спросил отец. – В общем, ребенок все сделал правильно: не сложились у него отношения в коллективе и с руководительницей, он нас об этом уведомил, мы действий никаких не предприняли, что ж ему теперь, страдать и мучиться? А то, что мы не услышали просьбу ребенка, так это сами виноваты.

Вот такой у него был отец, с очень особенным взглядом на жизнь, сильно отличающимся от общепринятых стандартов в глухие семидесятые годы.

И уже на следующей неделе Влад радостно бегал и орал в полное удовольствие, играя с детьми в новой группе у той самой молодой воспитательницы, заверившей малыша, что она любит деток. Любит, как

показал дальнейший опыт, и не обижает.

Точно так же Влад сам себе выбрал школу. Расспросил родителей, воспитателей в саду и бабушку, какая школа в их городе самая лучшая, и попросил бабулю его туда сопроводить. Доступ в школы в те времена был свободным, вот они с бабушкой и походили по коридорам, позаглядывали в классы, а у встреченного учителя ребенок спросил со всей серьезностью:

– У вас тут детей хорошо учат, не обижают?

– Не обижают, – поджимая губы, чтобы не рассмеяться, заверил его преподаватель. – И учат хорошо. Качественно.

– Ну ладно, – объявил ему свое решение мальчик Влад, – тогда буду у вас учиться.

Он всегда все решал сам, и если ему не нравилось то, что заставляли или обязывали его делать взрослые, а взрослые не могли убедить его в важности этого, то Влад это просто не делал. Нет, и все. Точка.

Правда, родные никогда и не принуждали Влада делать что-то насильственно и против его воли, и уж тем более попусту, и от бессилия никогда не наказывали, лишь за дело, предварительно подробно объяснив, в чем он был неправ, и уж тем более никогда не грозили наказанием.

Да в общем-то и не требовалось в их семье наказания, как-то умели мирно-разумно договариваться, доступно объяснять все ребенку, находить компромиссы, если в таковых возникала необходимость.

В восемь лет Влад записал себя в конноспортивный клуб.

О, это вообще отдельная история.

Бабушка Рая, папина мама, была страстной любительницей лошадей и скачек. Нет, нет, не заядлым игроком, проигрывающим на тотализаторе последние шляпки и платья (это совершенно разные вещи – пристрастие к тотализатору и беззаветная любовь к этому красивейшему зрелищу – скачущих во весь опор породистых лошадей). Ну так, иногда ставила по малой копеечке на ту лошадь, которая ей больше всех нравилась, и проигрывала легко, без сожаления. Да у них в городе и ипподрома как такового не было, но спортивные скачки проводились. Вот однажды бабушка и взяла Влада с собой.

И когда мальчик увидел великолепных породистых скакунов на старте, гарцующих от нетерпения, он влюбился в этих животных мгновенно и на всю жизнь. И тут же уговорил бабулю отвести его в конюшню, чтобы спросить об уроках верховой езды.

Сверкая от непередаваемого восторга глазами, Влад долго и дотошно расспрашивал тренера, к которому им посоветовали обратиться, и уже на следующий день пришел на занятия. И с первого же раза сел на лошадь,

как влитой, чувствуя себя абсолютно органично в качестве наездника и ощущая какую-то небывалую, лихую радость.

– Наездник врожденный, – улыбался тренер, довольный учеником.

Вот такой был мальчик. С характером.

А тем временем в семье происходили серьезные перемены. Еще пять лет назад отца назначили сначала временно исполняющим обязанности, а потом и постоянным директором завода, что сильно изменило социальный статус семьи и, соответственно, ее возможности. Мама сразу же перешла из руководительницы швейного цеха центрального Дома быта в должность его директора, а Влад вдруг стал пользоваться небывалой популярностью у ровесников и их родителей.

По малости лет он на такие перемены не обратил особого внимания, жил да и жил себе, как раньше, – учился, занимался конным спортом, дружил с теми же ребятами. Кардинально ничего особенно не изменилось.

А вот когда ему исполнилось десять, отца назначили на место главы администрации их города – вот тогда Влад в полной мере ощутил, что значит на самом деле такое явление, как деление на классы (хотя официально оно отсутствовало в Стране Советов), и что такое глубокое социальное неравенство между «слугами народа» и тем самым народом, которому они «служат». Но тогда еще эти различия Влад почти не ощутил.

Поскольку завод, с которого ушел Олег Дмитриевич, был в большой степени градообразующим предприятием, то и нужды горожан он знал очень хорошо и справлялся со своими новыми обязательствами прекрасно. За что и был через два года переведен в Москву, в Министерство тяжелой промышленности, заведующим отделом.

Вот что было не отнять у коммунистов и правителей того времени, так это умение ценить кадры. И толковый, грамотный руководитель, умеющий брать на себя бремя ответственности и видеть перспективы, умеющий воплощать планы в жизнь, часто вопреки обстоятельствам, и обладавший мощным талантом управленца, нужен был всем.

К непередаваемому счастью мамы Елены Игнатьевны, коренной москвички, семья переехала в столицу и поселилась в огромной министерской квартире в самом центре Москвы.

Владу двенадцать лет, он, провинциальный паренек с Урала, попадает в элитную московскую школу, где, как в особом питомнике, учатся сплошь детки высокопоставленных управленцев и партийных деятелей.

Вот где и когда в полной мере Влад понял и осознал простую и вечную истину: общество жестко разделено, и каждый сверчок должен знать свой шесток. И попасть с одного шестка на тот, что повыше, весьма непростая

задача, поскольку те самые «повыше» плотно забиты «сверчковым» потомством, не желавшим пускать на свою территорию чужаков.

Вот такая жизненная реальность. Такой вот классовый фэн-шуй.

Влад был тем самым чужаком, которого следовало заклевать, унижить, опустить, указать его место внизу иерархической лестницы, что и ринулись с веселым задором воплощать его новые одноклассники.

Но! Такое большое, обломистое «но» для мажорчиков лихих всех мастей.

Во-первых, Влад был крупным и сильным для своего возраста и, не в пример московским холеным, тщательно оберегаемым от жизни и общения с низшим классом детишкам, пареньком закаленным, прошедшим нормальную такую, пацанскую, дворовую школу жизни, которому драться приходилось не раз, отстаивая свое достоинство. И дрался он жестко, без поблажек и страха – бил сразу, как только чувствовал агрессию, направленную на него, и имел поставленный, очень сильный и очень жесткий удар правой.

А во-вторых, и, пожалуй, это было еще важнее, – он был не одинок.

Вместе с ним в класс пришел еще один новый ученик – Максим Варгин, с которым они, только обменявшись взглядами, все поняли друг про друга, навсегда подружившись.

Макс, в отличие от большинства детей этой школы, был не партийно-чиновничьим отпрыском, а сыном военного. Его отца перевели из должности командующего округом в Министерство обороны, и сразу на высокий пост.

И вот пацаны как сели вдвоем за парту, так на долгие годы и стали как одно целое – они слышали, понимали и чувствовали друг друга, порой не нуждаясь в лишних словах.

И стояли спиной к спине в любой драке, и не сдавали друг друга никогда, что бы ни случилось. Дружили до такой степени, что родные забывали, кто из этой парочки их собственный сын, настолько плотно мальчишки проводили время вместе то в одной семье, то в другой, практически не расставаясь.

Вот так вдвоем, спина к спине, они быстро отбили все нападки, разбив кучу мажорных личиков, не забыв и про психологический прессинг, мол, побежите жаловаться, а как же: давить – так толпой, а как получили, так к папкам-мамкам сопли утирать – обидели маленьких. Никто не побежал, хотя могли бы, и чем бы это закончилось для мальчишек – большой вопрос: папеньки-то у ребятешек-одноклассников и на самом деле непростые были.

Упрочив путем нескольких серьезных кулачных разборок свой

авторитет и застолбив нейтралитет с одноклассниками, старшекласниками и учителями, мальчишки всерьез взялись за учебу.

Влад, который на следующий же день после их приезда в Москву отправился на ипподром, нашел тренера-учителя, к которому его направил теперь уже его бывший уральский тренер, и продолжил всерьез заниматься конным спортом: выездкой и конкурном. Привел как-то в конюшни и Максима, но тот восторга особого не почувствовал. Да, шикарные кони, да, впечатляют, но как-то это не его, ему бы машины, вот это да. А еще борьба, карате – это тоже его.

Вот так и разошлись в пристрастиях к спорту.

Макс был великим, необычайным генератором идей – постоянно что-то придумывал, какие-то мероприятия, грандиозные идеи-дела, разрабатывая какие-то планы, заражая своей увлеченностью и Влада.

Так, например, произошло с английским языком. Семья Макса несколько лет жила в Германии, когда его отец служил здесь в частях Советской армии. Имевший врожденную склонность к языкам, Макс очень быстро выучил немецкий и говорил на нем совершенно свободно.

А тут новая школа, новый язык, который Макс никогда не учил.

– Так, Влад, – посвятил он друга в свою новую новаторскую идею и серьезный стратегический план, – учим английский. И не просто так учим со всеми, а чтобы как родной нам стал. Поступать будем в МГИМО, в него все, у кого предки при чинах, поступают. Закончим, будем работать в капстранах, а для этого языки нужны, и в первую очередь английский. Значит так, слушай, брат: не просто учим, а теперь будем между собой разговаривать только на английском. И еще скажем предкам, чтобы наняли нам одного на двоих учителя.

Что возразишь против такой продуманной идеи? Только одно – ни в какой МГИМО Влад поступать не собирался и близко, нацелившись на серьезный технический вуз. Но знание английского не мешает в любом вузе и при любой профессии, решил он, и пацаны принялись воплощать в жизнь большой план Макса.

Это было круто! Они тащились, получая какое-то особое веселое удовольствие от того, что на них оглядывались на улицах прохожие и недоумевали одноклассники, когда они чинно и степенно общались между собой на английском. Прикольно.

Максу язык давался легко и без натуги, а вот Владу приходилось заучивать новые слова – посложней у него и шло это изучение. В классе девятом Макс решил, что им надо бы еще и испанский выучить ради все той же будущей работы в капстранах, к которой он так стремился всей

душой.

– Ты не представляешь, как они живут, Влад, – восхищался друг. – Это совсем другая жизнь. Даже восточные немцы – это другая жизнь, а уж фээргэшники и подавно. Вот сам увидишь.

И, вздохнув, Влад согласился с тем, что да, неплохо было бы увидеть эту самую счастливую богатую жизнь, и начал вместе с Максом учить еще и испанский язык.

И друзья внезапно обнаружили массу возможностей с использованием этого языка. Если, разговаривая между собой по-английски, они знали, что их могут понимать (ведь многие в этой спецшколе владеют им в совершенстве, поскольку их родители служат не в котельной или столовой, а часто и подолгу работают за границей), то испанский – это ж раздолье для безнаказанного и откровенного стеба – вы болтаете, а вас никто не понимает, смотрят, хлопают глазами, и все.

И вот они и девчонок обсуждали, не скрываясь ни от кого, и дела свои пацанские, и просто прикалывались-отрывались, пока их не остановила одна девчонка из старшего класса, отчитав, как шкодливых щенят, на хорошем таком испанском.

Повинились перед ней, посмеялись, поболтали втроем, согласившись, что все-таки прикольно, когда тебя не понимают. Но урок запомнили: не надо считать, что все вокруг тебя сплошные идиоты и ничего не понимают. А если понимают, но делают вид, что нет? А ты, на полном расслабоне, в полной уверенности, что вы с другом одни тут умные и веселые, секреты свои обсуждаете. А то ж. Призадумались.

А между тем Влад давно стал серьезным спортсменом в своей категории по конктуру и побеждал в соревнованиях, и даже выезжал за границу несколько раз, но пока только в страны Варшавского договора, то есть в социалистические.

В стране начались какие-то непонятные, поразительные движухи, новый, современный лидер Горбачев, перестройка, гласность, запрещенный рок: «Кино», «Авария», «ДДТ», «Наутилус Помпилиус» – и даже этот «Ласковый май» и «Мираж» и диво-дивное – видаки, появившиеся у министерских семей, и «Асса», и просачивающиеся через все прорехи и трещины в «железном занавесе» зарубежная эстрада и рок. Страна бурлила и кипела, и обновления чувствовались уже во всем, неотвратимо надвигаясь под лозунгом Цоя «Мы ждем перемен».

Макс с Владом закончили школу, и оба благополучно поступили, куда и хотели – Макс в МГИМО, к которому так стремился, на факультет международных экономических отношений, по специальности экономист,

нацелившись работать в торговом представительстве не меньше, чем в Америке. А Влад... – в Бауманский институт.

Ну вот так. Гарандин был инженером, технарем и всегда чувствовал себя таковым, знал с детства, что хочет быть инженером-конструктором, и это совершенно удивительным образом сочеталось в нем со страстью к лошадям и конному спорту.

Влад учился уже на втором курсе, когда однажды, вернувшись после полуночи с веселой студенческой гулянки, с удивлением обнаружил отца, сидящего за столом, на котором стояла початая бутылка дорогого марочного коньяка, рюмка и пепельница с дотлевающей сигаретой. Это было более чем странно – сколько Влад себя помнил, отец никогда не курил, да и выпивал-то редко, по праздникам и в застолие, а чтобы вот так, в одиночку, посреди ночи – никогда.

– А, Влад, – заметив его присутствие, отец кивнул, даже не спросив, как обычно, где сын задержался и как у него дела-учеба, и указал на стул: – Проходи, садись.

Влад сел напротив, внимательно присмотревшись к отцу, выглядевшему тяжело уставшим и глубоко озабоченным. Тот помолчал, находясь в каких-то своих, явно нелегких размышлениях, похлопал сына по руке и вдруг спросил:

– Как тебе, сын, то, что происходит в стране?

Происходило и на самом деле что-то темное, непонятное, создавалось ощущение приближающейся бури. Конфликт между Арменией и Азербайджаном, Спитакское землетрясение, конфликт в Приднестровье, национальное движение. Страну трясло, и, насколько было известно Владу, отцовское министерство вкупе с остальными трясло не меньше, чем всю страну, – шла какая-то постоянная ротация кадров, создавались некие группировки по принципу принадлежности или противостояний руководству, в связи с которой отец внезапно вдруг стал заместителем министра, появились какие-то левые «специалисты», сплошь западные и американские.

– А что происходит, пап? – напрямую спросил Влад.

– Херня, вот что, – резко ответил Олег Дмитриевич и повторил с нажимом: – Херня и откровенное предательство. Знаешь, Влад, миром управляют и делают политику далеко не самые умные люди. Крайне редко странами руководят на самом деле гениальные правители, которые вершат историю, и только при таких правителях государство становится выдающимся, значимым в мире, и только при таких правителях рождаются империи, которые потом, насколько тебе известно из курса истории,

разрушаются до полного забвения следующими за ними бездарностями с непомерными амбициями. Нашей стране как повезло с мощными харизматическими личностями правителей, начиная с Рюриковичей, так и не повезло катастрофически с вождями и правителями. – И замолчал, гоня желваки на скулах.

Отец был из тех, кто не одобрял политики Горбачева и, как грамотный, серьезный управленец, отлично понимал, к чему толкает и ведет страну политика этого человека, его откровенная дружба с Америкой и пристрастие к европейским ценностям и «друзьям». Страна разваливалась, и это было уже совершенно очевидно высшему управленческому аппарату, к которому относился и Гарандин-старший. Некоторые грамотные и дальновидные управленцы, кстати, предлагали реальные, вполне вменяемые и продуктивные меры к предотвращению полного ее развала, но... а-а-а, да ладно...

Вот к этой-то условной группе достаточно молодых, грамотных и серьезных специалистов и относился Олег Дмитриевич, вошедшей в негласное противостояние с так называемыми прозападниками, подталкивавшими страну к развалу. Это если обозначить грубо и примитивно, то, что происходило в те годы в управленческом аппарате страны.

– Запомни навсегда, сын, – продолжил Олег Дмитриевич, – на самом деле выстраивают этот мир, развивают цивилизацию и по-настоящему двигают прогресс не правители в большинстве своем, а умные, талантливые и гениальные личности. Ученые, выдающиеся деятели культуры, гениальные ремесленники. Люди создающие, творящие нечто неповторимое, уникальное, от самого, казалось бы, незначительного сапожника, делающего хорошие туфли, до какой-нибудь поварихи в далеком сибирском городке, готовящей неподражаемый борщ и котлеты.

Замолчал, плеснул себе в рюмку коньяка, выпил, резко опрокинув в рот, втянул воздух, прижав губы к тыльной стороне ладони, поставил рюмку на стол и посмотрел на Влада.

– Когда-нибудь, сын, ты станешь руководителем, при твоём-то характере, уме и таланте управлять людьми. Обязательно станешь. И вполне возможно, что и весьма крупным руководителем. Но в любой сфере деятельности ты всегда будешь зависеть от работы подчиненных тебе людей. И если хочешь по-настоящему делать свое дело, добиваться успехов, опираться необходимо на людей, на тот самый простой народ. И работать они с тобой будут по-настоящему, с отдачей, а не «на, отвяжись», только если будут всерьез уважать. А уважать они тебя станут только в том

случае, если ты будешь уважать их. Запомни, никогда не позволяй себе пустой фамильярности и презрения к людям, они это чувствуют сразу. Им нужен лидер, руководитель, человек, стоящий выше их, на которого можно возложить ответственность, потому что он знает, видит и умеет намного больше каждого из них, при этом может строго, но по справедливости спросить и наказать, если понадобится. Человек, который знает все их нужды и их жизнь, понимает, как они мыслят и чего ждут. Хочешь преданности и глубокого уважения, а значит и работы качественной – уважай людей, которые по-настоящему талантливы в чем-то, не позволяй себе тупого снобизма только от того, что ты богаче, круче и выше стоишь. Но научись и жестко спрашивать, и наказывать, не унижая достоинства человека. Чайковский никогда не имел денег и жил в основном на меценатскую помощь, как и Бальзак, как и Моцарт, как Достоевский и Гоголь. Кто-то помнит имена их благодетелей? А ведь это все были сплошь богатейшие люди страны и Европы. Вот то-то же. Всегда об этом помни сынок, если человек гениален в чем-то, он уже достоин особого уважения, невзирая на его финансовый и социальный статус. Не придавай себе чрезмерного значения, чего бы ты ни добился в жизни и какого бы уровня ни достиг, это ломает психику и лишает разума, реального видения действительности.

Он замолчал, и Влад понял, что отец сказал все, что давно вынашивал и хотел ему сказать. Передать опыт, мудрость или предупредить. И что-то очень напряженное было во всем этом его монологе, трагическое.

– Пап, – спросил Влад осторожно, – происходит что-то нехорошее? У тебя проблемы?

– Да херня какая-то творится вокруг, – задумчиво протянул Олег Дмитриевич и приоткрыл немного интригу происходящего. – Я ж для них человек пришлый, как бы со стороны. Они ж плотно, годами и десятилетиями сидят в министерстве, плавно сменяя в креслах друг друга, а тут такой мужик с Урала образовался. Дел на меня скинули выше крыши, сами принимать решения бздят, совещаются бесконечно по любой мелочи, отфутболивая решения от одного к другому. И мутят что-то, мутят. А я и половину их интриг и раскладов не знаю, да и не копаю особенно. – Олег Дмитриевич снова надолго задумался и, словно вспомнив о присутствии Влада, удивил: – Вот что, Влад, я дам тебе конверт запечатанный, ты его с собой поноси какое-то время. Если со мной что случится...

– Что случится? – озабоченно перебил Влад.

– Да мало ли, – отмахнулся, не конкретизируя, отец, – не важно. Скорее всего, все нормально будет, но на всякий случай. Я потом его заберу

у тебя. Ты только спрячь его. А если что, сам прочтешь, запомнишь и уничтожишь.

– Бать, ты меня пугаешь, – не на шутку разволновался Влад.

– Да ладно, сынок, ладно, – заулыбался вдруг отец, встал, подошел и обнял поднявшегося ему навстречу сына, – все хорошо будет. Нормально, сынок.

Этот их разговор Влад запомнил на всю жизнь самым подробным образом: каждое слово, отцовский голос и тон, с которым он говорил, его мимику, запах дорогих сигарет и тонкий аромат коньяка, приглушенный свет лампы над столом, в которой был включен всего один рожок из четырех, и ощущение какой-то неотвратимо надвигающейся беды.

Она и пришла, не задержалась, чуть больше чем через месяц после того их ночного разговора. Отца арестовали, как подозреваемого в коррупции и взяточничестве в особо крупных размерах.

Такая четко расстрельная статья.

В тот же день вскрыв конверт и прочитав отцовское письмо и приложенные к нему бумаги, Влад абсолютно точно узнал, что отец не виноват, как и выяснил многое другое, в том числе имена тех, кто его так грамотно подставил, подведя под статью.

Взятки отец не брал и ни в каких схемах коррупционных не участвовал, поскольку не входил ни в одну группировку по интересам министерских чиновников, даже по мелочи не брал, просто потому что это было не по его характеру, да и не надо. Олега Дмитриевича вполне устраивали условия жизни высокого министерского чиновника с его льготами, привилегиями и зарплатой. Вот чего никогда не было в старшем Гарандине, так это стремления к какой-то особенной богатой жизни, к наживе и роскоши, как и тяжелой зависимости от этого статуса – он всегда был человеком дела, талантливым руководителем, человеком совершенно иного склада характера и мировоззрения, чем большинство чиновников министерского уровня.

Даже следователи, ведущие его дело, поняли это сразу же, как только начались первые допросы. Те высокие чиновники, которые подставили Гарандина, таким образом уводя свои делишки в тень, просчитались лишь в одном – неверно оценив силу характера и ум этого человека.

Подобное развитие событий Олег Дмитриевич предполагал и подготовился, на всякий случай, чтобы обезопасить себя и семью, собрав компромат на тех, кто его недооценил, четко отдавая себе отчет, что его начальники и коллеги по большей части относятся к разряду тех, кто живет по принципу «вовремя предать – это предвидеть».

Влада с мамой и бабушкой выселили из министерской квартиры, конфисковав на время следствия практически все их имущество, в том числе мамины шубы и драгоценные украшения, которые дарил ей за всю их совместную жизнь отец. Даже ту шубу, которую она шила сама еще во времена, когда отец работал главным инженером завода, – все забрали, подчистую. А саму Елену Игнатьевну сняли с руководящей должности директора быткомбината и уволили в никуда.

Влада из института не отчислили бог знает почему, может, потому что он был одним из лучших студентов, а может, из-за его спортивных достижений: буквально накануне отцовского ареста он победил в престижном международном соревновании по конкуру. Но на всякий случай все-таки исключили из комсомола на общем собрании. Да и хрен бы с тем комсомолом, главное, что учиться можно.

Влад с мамой перебрались к бабушке с дедушкой Девятовым в их скромную двухкомнатную квартиру, в которой, слава богу, успели сделать шикарный, капитальный ремонт заботами высокопоставленного зятя. Стариков власть пока не трогала, ждали вынесения приговора.

А вот с этим дело обстояло непонятно: следствие затягивалось, начали вскрываться такие дела и схемы, от сумм и масштабов которых следователи впадали в ступор, откровенно охреневая. Появились новые подозреваемые, и уже арестовали парочку чиновников пониже рангом, а Генеральная прокуратура совсем близко подбиралась к основным фигурантам.

И все понимали прекрасно: еще чуть-чуть – и такие повываливаются «скелеты» из высокопоставленных шкафов, что до «самых до небес» легко может дойти. И кто знает, чем бы это расследование закончилось, если бы...

Если бы Гарандин не умер в тюрьме от сердечного приступа.

Молодой, здоровый, полный сил мужик пятидесяти четырех лет, не куривший, выпивавший крайне редко, делавший по утрам регулярно зарядку, никогда не жаловавшийся на здоровье, внезапно умирает от сердечного приступа? Серьезно? Ну да.

Следователь, ведший это громкое министерское дело, практически открытым текстом сказал Владу, что отца убили, и очень настоятельно посоветовал не лезть и не поднимать никакой волны по этому поводу.

Олега Дмитриевича Гарандина признали невиновным, оправдав по всем предъявленным статьям, дело закрыли за недоказанностью, перед вдовой и сыном официально извинились, выплатили какую-то немалую компенсацию за его полугодовое сидение в следственном изоляторе и вернули все личное имущество.

Министерство организовало помпезные похороны, на которых, стоя над дорогушим лакированным гробом, те самые люди, которые и убили Олега Дмитриевича, произносили траурные речи со слезой.

Влад смотрел на этот спектакль, на эти сытые холеные лица довольных исходом дела чиновников и, как ни удивительно, не испытывал ни ярости, ни ненависти, ни жгучего желания наказать, покарать – нет. Он чувствовал холодную, спокойную уверенность, что сделает все, чтобы восстановить справедливость. Все.

Не отомстит – нет, он не мыслил такой категорией «отомщу» и «я вас всех...», он даже не плакал на похоронах, удерживая внутри себя ощущение странного глубинного знания, что непременно восстановит справедливость, которой не смогли добиться правоохранные органы, испугавшись последствий для своих задниц.

Он не испугается. Отец достоин истинного упокоения и воздаяния.

Влад не клялся страшными клятвами, не давал про себя обещаний и зарок – просто знал, что сделает это, и не испытывал никаких сомнений.

В день отцовских похорон девятнадцатилетний Влад Гарандин окончательно трансформировался из молодого, умного, талантливоего, но все еще беспечного в силу молодости парня во взрослого, целеустремленного, уверенного в себе мужчину, первым пунктом жизни которого имелась цель номер один – стать значимым и по возможности очень богатым человеком, чтобы обладать механизмами для восстановления справедливости.

Он был теперь не просто взрослым мужчиной – он был опасным в своей холодной намеренности.

– И ты...

Завороженная его рассказом, Дина как будто погрузилась в его жизнь и видела внутренним взором то, что вспоминал Влад. Сперва видела его маленьким мальчиком, посапывающим от сосредоточенности, когда он поднимался по лестнице в садик; потом подростком, наездником на великолепном коне, побеждающим на соревнованиях по конкуру; смотрела, как они сидят за столом с отцом той памятной ночью; наблюдала, как он стоит у могилы с изменившимся выражением лица и желанием восстановить справедливость.

– ...воздал то, что намеревался, этим людям? – осторожно задала она свой вопрос.

– Да, всем четверым. И их детям, и семьям, – абсолютно ровным тоном подтвердил Гарандин.

– А... – Дина растерялась от одной мысли о том, какого рода это могло быть воздаяние.

Но он понял. Как понимали они теперь мысли друг друга, частенько продолжая не произнесенную еще фразу, не высказанную вслух мысль.

– Я, конечно, не святой Иероним и много чего насOVERшал в своей жизни неприглядного и незаконного, но не сторонник крайностей, – усмехнулся Влад обескураженному виду Дины и поделился жизненной философией: – Считаю, что физическое устранение конкурентов или людей, мешающих бизнесу или опасных лично тебе, говорит скорее о слабости человека, при всех его возможностях и рангах, чем о мощности его личности, если, конечно, нет непосредственной угрозы жизни. – И усмехнулся, заметив, как осторожно расслабилась Дина. – Хотя не могу не признать, что этот метод самый действенный и простой и решает много проблем одним махом.

– И-и-и?.. – подтолкнула его к дальнейшему повествованию Дина.

– Никакого смертоубийства, никаких подписаний под пытками раскаленным утюгом, – все посмеивался Гарандин. – Зачем? Во-первых, все это прошлый век. Особые препараты в сочетании с работой грамотного гипнотерапевта, без нервов и крови дают великолепный результат со стопроцентной гарантией, а человек потом даже не вспомнит, что рассказал абсолютно все. А во-вторых, существует проверенный веками, безотказно действующий механизм под названием: «жадность фраера сгубила». Жадный человек – человек ограниченный и неумный, и рано или поздно на этой самой своей жадности и прогорает. А когда он к тому же долгое время безнаказанно ворует и грабит, то еще и напрочь теряет осторожность, облегчая задачу экспроприаторам. – И процитировал песенку из «Буратино»: – «Мы не сторонники разбоя, на жадину не нужен нож, ему покажешь медный грош, и делай с ним что хошь». А уж в начале девяностых, при существующей анархии и беспределе, единственное, что требовалось, это грамотно обставить антураж и рассчитать все до мелочей, предлагая какую-нибудь «верную» схему для сверхприбыли.

– И что, они все попались на эти твои схемы?

– Легко, – кивнул Влад, – только для торжества этой справедливости мне пришлось сначала стать весьма небедным человеком.

Даже не обсуждалось и не подлежало сомнению, что Макс был посвящен во все проблемы и беды Влада, это-то понятно. Как и то, что, когда арестовали Олега Дмитриевича, все знакомые и так называемые друзья из числа новоприобретенных Гарандинами после переезда в

Москву, стали демонстративно игнорировать вчерашних друзей.

Семьи Гарандиных и Девятовых вмиг оказались в изоляции. Для всех, кроме Варгиных. Отец Макса Анатолий Андреевич, даже рискуя нарваться по службе на крупные неприятности за поддержание семьи опального помощника министра, ни в своей дружбе, ни в своем доме, ни в своей помощи любого порядка Гарандиным не отказал, а ровно наоборот – предложил все, что мог.

Помня слово, данное отцу, Влад даже другу Максиму не раскрыл содержания всего письма и документов, приложенных к нему, сообщив лишь интригу и имена тех, кто убил отца. И, разумеется, поделился самым главным планом на данном этапе своей жизни – восстановить справедливость и воздать всем участникам этого дела по заслугам.

Прямо, етить его, эдакий Монте-Кристо российского разлива образовался.

Сам понимал, как это по-книжному звучит, – «воздаяние» и все такое, но чувствовал, что оно ему необходимо. Вот и выложил Максиму все честно и подробно про свои замыслы.

– Значит, придется богатеть сейчас, не дожидаясь работы в капстранах, – задумчиво протянул верный друг, уже что-то там прикидывая в уме.

И придумал-таки, чертушка талантливый! И такое придумал...

В стране всюду процветает кооперация вместе с коррупцией и бандитизмом: зарабатывай – не хочу! Была бы голова на плечах, смекалка да умение вертеться-крутиться, как прожженный «цеховик» со стажем из Одессы.

Голова у них была, даже две, со смекалкой все обстояло на должном уровне, а вертеться-крутиться, щелкать моменты, разбираться в реалиях зарождающихся капиталистических отношениях и в потребностях рынка они научились быстро.

А какие такие особые потребности? Ничего нового в мире не произошло и не изменилось – люди все так же, как во все времена, жаждут хлеба и зрелищ. В категорию «хлеб» входят продукты, шмотки-аппаратура, бытовая современная техника и машины, желательны импортные, а в категорию «зрелища» – любые и разнообразные развлечения.

Люди, как дети, – ничего не меняется: накорми вкусно да потряси новой игрушкой. Как там у Шекспира: «Все то же солнце ходит надо мной, но и оно не блещет новизной».

Итак, – почесал умненькую головушку генератор идей Макс Варгин, «хлеб» мы, пожалуй, оставим барыгам всяким, а вот зрелища – это

перспективная сфера. И придумал такой небывалый «замут», что парни и сами офигели от простоты и дерзости идеи.

Открыли и зарегистрировали кооператив на Гарандина, поскольку Макс, учившемуся в МГИМО, требовалась совершенно безупречная репутация, а Владу уже и пофиг на ту репутацию, он даже не комсомолец.

Макс вызвонил своего немецкого друга детства, с которым сошелся, когда они жили в Германии, и принялся договариваться о предмете сделки. ГДР и ФРГ еще в прошлом году счастливо объединились и теперь считались одной капиталистической страной. Три дня ушло у Макса для полной договоренности, осталось подписать документы, оплатить и вывезти товар.

Вот с «оплатить» вышла небольшая закавыка. У Влада с мамой были только те деньги, что они зарабатывали: мама, занимаясь пошивом одежды на дому, а Влад – переводами с английского и испанского, написанием курсовых и разгрузкой вагонов. Пенсию бабушки с дедом можно даже не рассматривать.

Макс попросил помощи у отца, посвятив того в их план. Анатолий Андреевич призадумался, прикинул что-то в голове и спросил у сына:

– А как вы вывозить товар собираетесь?

– Арендуем фуру, я уже просмотрел предложения.

– И они благополучно скинут ваш товар по дороге, аж пиццать от счастья будут, кинув таких лошаков, а вам справку из милиции предоставят, что их ограбили.

– И что, нанимать охрану? – задумался над нерадостной перспективой Макс.

– Зачем нанимать? – хитро усмехнулся Анатолий Андреевич. – Я тебе ее предоставлю. Только товара вы с Владом возьмете не на одну фуру, а на три, деньги найдем. Сопровождать вас будут наши солдатики. Слышали про вывод войск из Германии? А после продажи вы отстегнете Минобороны десять процентов за сопровождение и обеспечение безопасности. Ну и долги отдадите, разумеется. Что у вас там получится?

И офигевший от роскоши перспективы Макс кинулся считать новую схему и такого насчитал, что решил: борзеть так борзеть, если сопровождают. И, попросив у отца достать чуть побольше средств, закупил еще видеоплееров и компьютеров до кучи.

Но денег все равно не хватало. Влад, крутившийся по друзьям и знакомым, пытался занять у кого сколько можно. Однажды вечером, сидя на кухне, он подсчитывал, что удалось насобирать. За этим занятием его и застала мама.

Присела рядом за стол, расспросила сына о проблемах и, подумав, решительным тоном распорядилась:

– Продай мои шубы и драгоценности.

– Ты что, мам? – поразился Влад. – Это же память об отце.

– Память об отце в другом, – улыбнулась она грустно и провела рукой по волосам сына. – И не измеряется вещами, сынок. – Погладила еще раз, притянула к себе, поцеловала в голову и, выдохнув, безапелляционно произнесла: – Продавай.

Оставила себе лишь обручальное кольцо и кольцо с сапфиром в бриллиантах, что подарил ей муж на юбилей их свадьбы.

И, как ни парадоксально, но именно полученной от продажи вещей и драгоценностей суммы akurat и недоставало для осуществления грандиозных планов парней.

А план был прост и незатейлив, как сколоченный на уроках труда в школе табурет. Что из «зрелищ» пользовалось повышенным спросом в то время? Не считая концертов знаменитостей, собиравших стадионы? Правильно – видео! Видео – это было наше «все» в те годы! Западные фильмы любого уровня, любого качества, любого жанра – лишь бы западные.

И мальчишки через хваткого германского друга Макса закупили какие только возможно было найти в Германии видеокассеты с голливудскими и европейскими фильмами, специальную воспроизводящую видеоаппаратуру для маленьких кинозалов и записывающую аппаратуру для наложения перевода. И две фуры чистых видеокассет к ним, на которые собирались перегонять оригиналы.

И закипела у мальчишек работа – сняли помещение в аренду: в одной большой комнате сделали кинозал на тридцать человек, в котором крутили фильмы сутками, ночью, по особому тарифу, так называемую тяжелую эротику для любителей. В двух других комнатах сами накладывали перевод на запись, чтобы не плодить конкурентов и не отдавать фильмы известному на весь Союз гнусавому переводчику, и перегоняли копии на чистые кассеты.

А когда накопилось тех копий до фига и гораздо больше, настал момент самого главного пункта в планах Макса – так называемого сбора урожая.

Летом, после отлично сданной в своих институтах обоими парнями сессии, Макс с Владом, купив за копейки с помощью Варгина-старшего списанный почти новый военный грузовик и наняв в качестве водителей и силового сопровождения отставных военных ребят, рекомендованных

тем же Анатолием Андреевичем, загрузили машину драгоценным добром, сели в «Ниву» Макса и двинулись такой мини-колонной: парни на «Ниве» впереди, грузовик за ними по просторам любимой широкой Родины – в Сибирь. Нести, так сказать, «просвещение» в массы практически в прямом смысле этого слова.

– Мы прямо Агитпроп какой-то за капиталистические ценности, – похохатывал Макс над их «передвижным кинопрокатом».

Народ в глубинке непуганый, небалованный, но кооперацию принявший на ура, а вот с культур-мультиур у людей в медвежьих углах полная напряженка – пока-а-а до них доберутся новые веяния и свежие фильмы. Вот наши мальчишки и наладились помогать устраивать местным дельцам видеосалоны, продавая аппаратуру и кассеты впятеро, а то и еще дороже, чем в Москве, и за свой малый процент в бизнесе, особо не нагляя в этом вопросе.

Денег подняли... Охренеть сколько! Они даже в самом сладком сне представить себе не могли, что можно столько заработать на одной простой идее.

Понятное дело, что не без приключений и нервов. Ограбить их пытались не один-два и даже не пять-шесть раз, а постоянно. Кинуть и наехать местным бандитским авторитетам – так практически в каждом городе, а то и по два раза, а уж на трассе и говорить нечего – и догоняли, перегораживая дорогу, и тормозили пару раз так и вовсе с автоматами.

Да вот только... Только Министерство обороны еще не получило от граждан Гарандина и Варгина свой обещанный откат, да и отец любимый Варгин не дремал на службе, вот и сопровождали их «просветительский» караван служивые люди на бронированных машинках, передавая с рук на руки, от части к части.

Так до Москвы и добрались с полной, не пощипанной никем мошной. Деньги (наличные, разумеется) в нескольких картонных коробках!

Еще раз, чтобы понятно было, – несколько больших картонных коробок из-под телевизора!

Первое, что сделал Влад, вернувшись домой и проспав практически сутки, пошел в ювелирный и купил маме великолепные бриллиантовые серьги, кольцо и подвеску к ним. А в самом шикарном по тем временам в Москве магазине песцовую шубу. И Елена Игнатьевна от счастья, что у нее такой замечательный сын, все плакала и плакала, обливая благородного песца слезами, когда вечером Влад торжественно вручил ей эти подарки, и все гладила сына по голове.

– Надо покупать недвижимость и какое-нибудь производство! –

сверкая глазами, как кот Базилио, уже строил грандиозные планы на будущее Макс. – По законам бизнеса, в смутные времена надо покупать недвижимость!

– Остынь, сынок, – вмешался Анатолий Андреевич, сидевший тут же за столом, заваленным деньгами, – какую недвижимость? Квартиры? Ну можно, тем более что вот только приняли закон о пробной приватизации жилья. Да только что тебе эти квартиры?

– Подорожают сто пудов! – предрек Макс

– И что, ты ждать будешь, когда это произойдет?

– Зачем ждать? – подивился Макс. – Сделать ремонт и сдавать в аренду. Пусть деньги с них капаят, все в копилку, вместе с видеозалами хорошо так получится. А если понадобится для дела – продадим в любой момент и вложимся.

– В какое? Цеховиками, что ли, станете? – поинтересовался старший Варгин.

– А придумаем, и ты подскажешь. У вас вон какие перемены в армии происходят, скоро все имущество с молотка продавать начнете, а мы и купим.

Анатолий Андреевич на эти слова сына лишь выматерился от души.

Квартиры они купили. Три. В трех разных районах в центре Москвы.

Представляете? Девяностый год, народ слыхом не слыхивал ни о какой пока еще приватизации, а пацаны закон принятый проштудировали про эту самую «пробную платную приватизацию» и нашли-таки того, кто хотел продать. Оформили куплю-продажу на квартиры и даже отремонтировать не стали: так, мебелишку дешевенькую поставили и сдали внаем, определив специального человека, который присматривал за этим новым бизнесом. И открыли еще пять видеозалов в разных концах города.

Деньги полились устойчивым потоком.

А они их переводили в валюту всеми правдами и неправдами и копили. Для чего, и сами не знали, но вот чувствовали оба, что так правильно будет. Купили еще две квартиры, наняли еще трех человек следить за квартирами и заниматься сдачей жилья.

Влад спустя много лет прочитал как-то в справке по недвижимости, которую ему подготовили его специалисты, сделав небольшой экскурс в историю вопроса, о том, что в девяностом году после того мало кому известного первого закона о приватизации по всей стране им воспользовалось всего несколько тысяч человек. Очень дальновидных тысяч.

И они с Максом были в их числе.

Бизнес раскручивался и наращивал обороты, когда грянул развал Союза и девяносто первый год, словно выстрелом «Авроры» ознаменовавший новую революцию, анархию и полный беспредел в стране.

И началось.

Час Макса! Просто песнь его души! Бенефис!

Да вы что?! Грядет время самых широких возможностей, а они к ним подготовились! Это же пир души просто какой-то для начинающего гениального предпринимателя! Вот когда понадобились все накопленные ими деньги – на безумные проекты будущего мирового финансиста.

Для начала они пооткрывали счета в европейских банках, ну и в российских немного. Потом настала пора первых серьезных приобретений – не все ж квартиры выкупать, надо бы и делом заняться.

С помощью Варгина-старшего буквально за копейки приобрели небольшой военный заводик, специализировавшийся на выпуске фурнитуры для обмундирования: пуговицы, звездочки, шевроны-погоны, знаки различий и эмблемы родов войск – да все. Какого хрена это производство попало под программу разоружения и ликвидации, одному военному богу известно или какому-то чудаку в Министерстве обороны с крутого бодуна, не иначе.

Но не суть. Главное, купили парни это добро в очень приличном состоянии. Причем как купили: пришли с сумкой денег в соответствующее учреждение, занимавшееся в тот момент сделками с недвижимостью оборонки. В самом что ни есть прямом смысле – с большой дорожной сумкой, набитой наличностью.

И уже через месяц, поставив новое оборудование, закупив необходимые материалы для производства, наняв самых талантливых специалистов, собрались запускать *свое* производство. Свое!

И на этом моменте Макс неожиданно впал в ступор – а где мы рабочих грамотных возьмем, чтобы не похерили нам тут все на свете?

А Влад, прикинув так и эдак, взял в аренду автобус, проехал по округе, по местным фабрикам и заводам, и нанял, прямо не отходя от автобусных дверей, нормальных работяг с определенным договором: платить они будут так, что им последние годы и не снилось, и на трудовую оформляют, все чин по чину, только прямо сейчас, мужики, вы едете со мной и проходите кодирование от алкоголя, оплату которого Влад берет на себя. Из пятидесяти человек отказались только двое.

И уже через неделю на их фабрике шили сумки, зимние и демисезонные сапоги и полусапожки, выкроенные по лекалам известных торговых европейских марок, полученных путем банального воровства.

Несколько знакомых были отправлены Максом в Европу со спецзаданием – купить сумки и обувь известных марок, а Влад самолично слетал в Америку с той же целью, да не один, а с мамой, куда теперь после распаханного «занавеса» можно было свободно поехать при наличии визы.

Все привезенное добро было самым аккуратным образом разобрано на составляющие части, с которых скопировали лекала, и работа закипела. А в соседнем цехе на станках, на которых долгие годы делали пуговицы для обмундирования, клепали теперь лейблы известнейших фирм. Один в один, прямо и не отличишь.

Кстати, обувь, что они тогда делали, была отменного качества, дерьма не тачали и материал брали дорогой, не опускались до уровня «только бы нахапать». Она и так уходила, как горячие пирожки, даже транспорт, который парни приобрели для транспортировки товара, простаивал, потому как за обувью закупщики сами приезжали со всех окрестных городов и из самой Москвы.

Вот так. А бизнес все раскручивался и раскручивался, стремительно обрастая новыми приобретениями, новыми идеями, а вместе с ним менялся масштаб мышления Влада и Макса, а ведь, на минуточку, они все еще продолжали учиться в институтах, каждый в своем, и отлично учиться, совмещая учебу с бизнесом. Ни на что другое ни сил, ни тем более времени у парней не оставалось.

К девяносто третьему году, когда Влад с Максом закончили институты и получили образование, они заработали уже миллионы долларов. И вроде как бы легко, веселясь и играючи, пробуя что-то новое, закручивая какие-то мудреные схемы, на наглости, на здоровом аферизме и пофигизме. Правда, выматываясь до полного изнеможения и забросив спорт, которым занимались большую часть жизни, забыв, когда последний раз секс был, но ведь...

Миллионы дол-ла-ров!

Казино открыли, сеть игровых автоматов по магазинам раскидали, еще одну разорившуюся фабрику купили и запустили на ней производство самых дешевых макаронных изделий, пользовавшихся небывалым спросом в те времена. Продали все видеосалоны и поучаствовали в ликвидационной продаже продуктов Минобороны из хранилищ длительного стратегического назначения, у которых заканчивался срок годности. Нехило так поучаствовали.

И сели думу думать, что дальше?

Макс, по идее, ни в одном из их бизнесов не засветившись личным участием, мог начать свою новую трудовую деятельность блистательного

дипломата, о которой так мечтал и к которой так целенаправленно стремился – работать в каком-нибудь торгпредстве в европейской загранице, делать карьеру. А вот Влад в выборе деятельности был совершенно свободен.

– Нельзя мне сейчас на государеву службу, – рассуждал Макс, – надо наращивать обороты, капиталы, работать на перспективу, обрастать мощностями и производством. Возможность получать почти халявные «пирожки» очень скоро закончится, и начнется новое время, когда надо будет застолбить и удержать то, что ухватил. И дальновидные люди начнут вкладываться и создавать свои производства, а глупые и недалковидные... Так что никак нельзя. Да и как ты тут без меня.

– Будет трудно, но справлюсь, – смеялся Влад.

– Справиться-то справишься, а вдвоем все-таки надежней. – И возмутился искренне: – Да вообще, о чем мы рассуждаем? Какая там карьера-работа, о чем мы говорим, когда у нас с тобой тут деньги куются!

– И что предлагаешь делать?

Идеи Макса были дельными, только грянул «Октябрьский путч». И вот тогда-то и настало смутное время темной водицы, в которой лучше всего «ловились» рыбка.

Парни решили разделить капиталы, активы и направления деятельности – Владу, как технарю и специалисту в этой области, отводилось все, что связано с производством: все фабрики-заводы, сырьевая добыча (небольшой рудник, выкупленный у государства, даже нефть-газ имелись благодаря Варгину-старшему). А сам Макс брал на себя всю логистику: дорожно-транспортные структуры, судоходство, как морское, так и речное (это на перспективу), авиацию туда же и все, что связано с продажей-реализацией продовольствия и промышленных товаров.

Вроде как вместе, но у каждого свой отдельный бизнес.

И поперли вперед со страшной силой.

И настал тот самый момент, которого так долго и хладнокровно-дальновидно ждал Гарандин, чтобы рассчитаться по всем «долгам» за отцовскую смерть.

– Ну что, друг мой Владислав, – поднял бокал с вискарем пятидесятилетней выдержки Макс, когда они сидели вдвоем в приватной комнате принадлежавшего им же элитного клуба за дорого-богато накрытым столом и отмечали очередную победу. – Будем бить врагов, не считая, но по очереди?

– Самое время, – согласился с ним Гарандин, поднимая в ответ свой

бокал.

Обменявшись все понимающими улыбками, молодые бизнесмены молча чокнулись и выпили до дна.

– Не люблю я эту можжевелевую хрень, – скривился Влад.

– Да ты вообще никакую алкогольную хрень не любишь, – хохотнул, напоминая, Макс, – из тебя собутыльник, как из Чубайса спаситель нации.

Ну да, Влад очень редко выпивал и еще более редко до состояния опьянения. Привычка, выработанная за годы спорта и общения с лошадьми, которые, как правило, не любят запах алкоголя и могут весьма агрессивно и неадекватно на него отреагировать.

– Ладно, – отодвигая в сторону свой бокал, перешел к делу Максим: – Доставай бумаги, будем думу думать, с какой стороны к ним лучше подобраться.

Все эти годы Влад не выпускал из поля зрения всех четверых деятелей, которые подставили отца, пользуясь помощью и поддержкой Варгина-старшего и через его структуру получая сведения об их жизни и предпринимательской деятельности.

Разумеется, предпринимательской, а для чего они годами воровали и под себя гребли? «Над золотом чахнуть», довольствуясь малым? А тут – оп! – и такая выгодная фигня со страной стряслась.

Самое время легализовать награбленное, заделаться крутым бизнесменом, разве ж не красота. Правда, все четверо грамотно «отступили» в тень, выйдя на заслуженную пенсию, понемногу якобы отходя от дел, передавая бизнес детям, но это не имело ровно никакого значения – дети этих деятелей в список «справедливости» Влада тоже входили, как и жены, и внуки. Все эти годы он скрупулезно и добросовестно собирал на них компромат и данные.

Год! Неполный год, без нескольких недель, понадобился им с Максом, чтобы полностью разорить всех четверых. Совсем. И их семьи, и их детей. При этом, восстанавливая справедливость, они с Максом очень неслабо приподнялись в бизнесе, приобрели банчок карманный и парочку достойных производств, в том числе и месторождение с добычей одного из редкоземельных элементов, между прочим, стратегического значения для страны (чиновнички-то как-то оттяпали и перевели чудесным образом в собственность, как и заводик по производству металла из этого элемента). Теперь вот Владу это добро перешло вместе со многим прочим.

Понятное дело, что матерые, закаленные в имперских кабинетах министерские «секачи» так просто не сдались и поборолись всерьез, особенно когда поняли, кто именно стоит за всеми их неприятностями.

Приезжали к Гарандину с Максом, требовали и угрожали, стращали всеми доступными способами, кстати, вполне реальными.

– Не советую обольщаться. Вы сломаетесь о мой характер и о силу моих намерений, – спокойно ответил им Влад, не впечатлившись угрозами. – Думаю, вы недооцениваете разницу в наших весовых категориях, как когда-то недооценили и моего отца. Могу дать единственный совет: подберите те крохи, которые еще не растеряли, и бегите, причем вместе со всей родней. Пока еще у вас есть шанс. Другой возможности я вам не предоставляю.

Они ответили делом, наняв киллера. Дважды.

На Влада с Максом покушались три раза – спасли то самое нереальное чутье Гарандина и четкая, великолепная работа службы его безопасности. Киллеров уничтожили, но и Владу прилетело сквозное пулевое чуть ниже печени. Чуть – это миллиметры. Миллиметры между жизнью и смертью. Фигня.

Но парни таки сделали этих матерых министерских волчар.

Все. Теперь это простые граждане, реально живущие в малогабаритных квартирах только на пенсию, как и большинство населения страны. И никакие старые связи и знакомства, никакие взятки и «помощь друга», никакие судорожные метания от неотвратимого катка правосудия Гарандина не помогли бывшим крупным деятелям страны. Он не собирался и не планировал устранять их физически – ни в коем случае! Он понимал, что простая жизнь среди того самого народа, которому они «служили», для них страшнее и горше любой смерти.

Детки их мажорные, рулившие бизнесами папаш с презрительными мордами в адрес тех, кто ниже их по социальному статусу, рассекавшие с чувством властителей мира на спортивных тачках за миллионы долларов по улицам Москвы, сидевшие в креслах владельцев банков и предприятий, ни хрена никогда не сделавшие в жизни сами, не заработавшие ни рубля – они сломались самыми первыми, не бойцы оказались. А оставшись голыми – без работы, без тачек, бабок, связей и папочкиной поддержки, такое принялись вытворять, что «мама дорогая!».

Влад посодействовал, чтобы двоих из этих деток посадили по очень неприятным статьям: групповое изнасилование, участие в принудительной сексуальной эксплуатации, распространение наркотиков и педофилия. Между прочим, все обвинения совершенно обоснованы и доказаны, эти упырьки, министерские отпрыски, совершили их с особым упоением, тащась от собственной вседозволенности и теща свое извращенное существо, насилуя малолетних девочек.

Когда Гарандина увидел в зале суда отец одного из обвиняемых, он дико заорал каким-то истеричным, бабским фальцетом, покраснев лицом от натуги и ненависти и тыкая во Влада пальцем.

– Ты! – брызгал он слюной. – Ты все подстроил!!! Обокрал, разорил, по миру пустил!!! Все ты!! Сына моего посадил, – задыхался от ярости этот некогда могущественный и недостижимый человек.

Влад посмотрел ему прямо в глаза, без сожаления или торжества и без улыбки, и обозначил легкий намек на поклон головой.

– Убью! – орал поверженный враг. – Найду и убью! Раздавлю гадину! Раздавлю...

И вдруг захрипел горлом, закатил глаза и начал заваливаться на спину под перепуганные крики сидевших в зале.

Владислав Олегович Гарандин развернулся и неспешной походкой удовлетворенного хорошо сделанным делом человека вышел из зала суда, отчетливо понимая, что те двое, которые получили сегодня реальные сроки, вряд ли протянут на зоне с такими статьями дольше года. Лично он больше чем на восемь месяцев не поставил бы.

И прямо от здания суда, сопровождаемый охраной, ставшей в последнее время неотъемлемой частью его жизни, Влад поехал на кладбище к отцу, по дороге купив букет разноцветных роз, которые больше всего нравились Олегу Дмитриевичу.

Он долго сидел возле могилы, не чувствуя никакого сожаления или мутного осадка прошлых обид, поднимающегося из глубины сознания, лишь какую-то необычную, незнакомую пустоту внутри, и разговаривал с ним, словно отчитывался о проделанной работе. И неожиданно подумал: и что дальше?

Все эти годы его вела главная цель – восстановить справедливость и «воздать всем по делам их». Ради этого он и пер вперед буром – не ради наживы как таковой, не из «любви к деньгам», он относился к растущему богатству исключительно как к инструменту для достижения своей главной цели.

Ну вот восстановил и воздал. И что? Какая теперь цель жизни? Устремленность к чему?

– А теперь будем становиться самыми богатыми людьми мира, – указал ему новую цель Макс.

– Зачем? – спросил его Влад.

– Потому что можем, потому что это высший пилотаж и потому что это другая жизнь, в которую вхожи единицы, – разъяснил Макс. – Неограниченные возможности, мир в его лучшей, виповской, лакшерной,

версии принадлежит тебе. Все самые великие достижения доступны тебе. Это круто, брат. И я хочу это испытать.

– Ну ладно, – без особого энтузиазма согласился Влад. – Давай!

И их с Максом понесло конкретно.

Влад изменился, как-то очень быстро перестроившись с четкого спокойного достижения определенной цели на деловитое зарабатывание денег и увеличение капитала, просто потому, что это стало делом его жизни. Ну и потреблял сопутствующие его статусу удовольствия, стремясь испытать, посмаковать вип-жизнь самой верхушки богатых людей мира.

Дотянуться до небес и устроиться там с комфортом.

Он и не заметил, да и не мог, наверное, заметить, как меняются его мышление, его привычки, его жизнь, его мировоззрение и чувствование мира, жизни, восприятие себя как личности, как делового человека, как человека, облеченного немалой властью.

– А жены? – спросила Дина, когда Влад надолго замолчал, и пояснила, когда он, посмотрев на нее, вопросительно приподнял одну бровь: – Ты забыл, что мне уже можно заходить в Интернет на целых три часа в день, и я им таки воспользовалась и прочитала всю информацию, что могла найти про тебя.

– И что, есть что-то интересное?

– Многое, – со значением склонив головку набок, заверила Дина. – Самое интересное то, что после две тысячи одиннадцатого года про тебя вообще нет никакой информации, словно ты пропал неведомо куда. Желтая пресса выдвигала в основном дикие версии на твой счет, да на телевидении несколько раз было какое-то мимолетное упоминание: сменил род деятельности. Ни громких разоблачений и триумфального побега в Лондон, ни судебных разбирательств с арестом, ни конфискации с миллиардными исками. Размыто-непонятно: смена деятельности. Считай, как хочешь. И в соцсетях тебя нет.

– Тебя, кстати, тоже, – смотрел на нее веселыми глазами Гарандин.

– Ну, я-то понятно почему, а вот ты лошадка темная.

– Это точно, – от души рассмеялся Влад.

– Так что с женами? – напомнила свой вопрос Дина. – По данным из Интернета и сетей, которые, как известно, никогда не врут, у тебя было три официальные жены.

– Это ужасный моветон – рассказывать женщине, за которой ухаживаешь, про своих бывших женщин, – посмеивался Влад, принимая ироничность ее тона.

– Я потерплю, – «героически» пообещала Дина.

– Тебе придется запастись терпением, поскольку завтра тебя выписывают, а про такие важные дела, как мои жены, я не могу рассказывать второпях, – остудил ее ожидания Гарандин и вдруг серьезно спросил: – Ты едешь ко мне?

– Вот так сразу, что ли? – немного оторопела Дина.

– Есть повод тянуть? – спросил он, всматриваясь в выражение ее лица.

– Повода нет, но как-то это...

– Дина, – многозначительно произнес Влад.

Это был вопрос...

Оба они отчетливо понимали, что именно предлагает он ей и о чем конкретно спрашивает.

«Да что я, господи боже ты мой! – негодуя на себя, рассердилась Дина. – Все было понятно еще тогда, когда я на асфальте валялась, и ничего с того момента не изменилось, только стало гораздо определенной!»

– Ну еду, еду, – проворчала она, сдаваясь. – Батенька настоятельно рекомендует, да и дети мать гонят в поля фермерские, как неродную.

– Я купил их лоббистские голоса, пообещав нечто заманчивое, – усмехнулся Влад.

– Ну вот, что за дети, а? – наигранно возмутилась Динка. – Продали мать родную ни за что ни про что, за полушку какую-то!

– Это очень весомая полушка, пожалуй, что и на рубль потянет, так что детки твои не продешевили, – уверил ее Гарандин со всей серьезностью.

– Люблю дорогу, – призналась Дина, как только они выехали за МКАД, – люблю куда-нибудь вот так ехать и ехать в машине. В любое время года, но почему-то больше всего зимой, когда снег. Странно, да?

– Да нет, не странно, срабатывает глубинная генетическая память: когда вокруг холод, а ты в пещерке, да еще в тепле и относительной безопасности. Во времена выживания это было сродни счастью, – сказал Влад.

– Наверное, – согласилась Дина. – А ты дорогу любишь?

– Как сказать, – задумался Влад, – сейчас, пожалуй, ничего, иногда в радость, но вот несколько лет назад, нет. – И пояснил: – Слишком много и слишком интенсивно долгие годы я ездил, летал, бесконечно перемещался. Это было частью работы и моего существования.

– Кстати, о «слишком долго», – ухватилась за мысль Дина. – По-моему, самое время рассказать, как ты жил-был олигархом.

– Я не был олигархом, – посмотрел на нее Гарандин.

– Но ты был долларовым миллиардером и даже входил в списки «Форбс», – напомнила ему Дина.

– Был и входил, – кивнул Влад. – Но олигархом не был. Я не принадлежал к составу правящей олигархии, не имел прямого влияния на правительство, хотя, конечно, проплачивал некоторым лобби для проталкивания своих интересов и в какой-то степени имел влияние.

– Ну, хорошо, не хочешь быть олигархом, не надо, – легко согласилась Дина. – Но ты входил в списки самых богатых людей мира! – с нажимом повторила она. – А это все же не Гиви, держащий фруктовый ларек, согласен?

– Согласен, – легко посмеялся Влад.

– Ну? – потребовала ответа Дина.

– Конкретизируй это свое «ну», – предложил Гарандин.

– И каково это – быть миллиардером мирового уровня?

Он не ответил сразу. Молчал, смотрел вперед на дорогу, думал.

– Чем выше поднимаешься, – заговорил Влад тихим голосом, не отрывая взгляда от дороги, – тем более одиноким становишься, тем меньше людей, способных тебя понять в полной мере, находящихся с тобой наравне. На вершине всегда одиноко. И этот закон работает не только для богатых людей и политиков высшего эшелона, но и для уникальных ученых и вообще людей в чем-то гениальных. Есть один выдающийся ученый у нас в России, занимающийся новым направлением в науке, которое еще не сформировано до конца, что-то вроде симбиоза нанотехнологий-физики-астрологии и математики. И во всем мире существует только два ученых такого же направления. То есть во всем мире есть только два человека, которые могут понять его мысли, логику, ход его размышлений и формулы.

Замолчал. Машина шла очень ровным, мягким ходом, за окном начал брызгать ленивый дождик, и Дине казалось, что их накрывает какой-то тонкой паутиной печали.

– Чем выше ты поднимаешься, тем меньше становится людей, которые могут каким-то образом повлиять на тебя и на твой бизнес. Только те, кто поднялся еще выше. Но в сфере и рамках твоего влияния это абсолютная, чистейшая вседозволенность.

– То есть, – тихо спросила Дина, – тебе позволено, и ты можешь делать все, что угодно, в рамках твоей сферы влияния?

– Да, именно так, – подтвердил Влад и, не поворачиваясь и не глядя на нее, продолжил объяснять: – Никита Хрущев сказал однажды: «Власть – слаще бабы!», сейчас бы выразились точнее: круче любого оргазма. Власть всегда развращает, любая. И ты, как никто, понимаешь это, потому что

именно с этим явлением имеешь дело и понимаешь, что абсолютная власть развращает абсолютно. И на протяжении всей истории человечества никогда исключений из этого правила не было.

– И ты не был исключением?

– Разумеется, – Влад только теперь повернулся и посмотрел на нее. – Как у Маркса сказано: «Бытие определяет сознание», умнейший был человек. Оно и определяет, что ты с ним ни делай. Какими бы нравственными скрепами человек не был наделен, но в условиях, скажем, выживания будет думать о том, где бы раздобыть воды и хоть какой-то еды и одежды, и вся его деятельность будет сосредоточена вокруг решения этих вопросов, определяя его сознание. А когда ты обладаешь неограниченным ресурсом и возможностями, ты мыслишь масштабами мировой экономики, учитывая в каждом своем решении тысячи, десятки тысяч факторов. Человеческая личность меняется, человек становится другим, у него совершенно иная жизнь, реальность, даже состав крови меняется кардинально. Понять это может только тот, кто находится на этом же уровне.

Он снова замолчал. Дина не торопила, очень тонко чувствуя его настрой и состояние.

– Ты постоянно учишься и все время узнаешь что-то новое, овладеваешь новыми навыками и знаниями. Тот поток информации, который поступал ко мне и требовал осмысления, был колоссальным. И вот, по специальной методике, разработанной конкретно для меня одним гением, я занимался расширением возможностей сознания и памяти. Ты словно находишься в центре некоего компьютера, а вокруг тебя экраны с разной информацией; когда тебе требуется решить какой-то конкретный вопрос или рассортировать поступающую инфу, ты как бы активируешь один из этих экранов и вспоминаешь-соединяешь подробности всего, что связано с этим вопросом. И так, в режиме non stop, двадцать четыре на семь ты постоянно внутри этой информации. Если бы тот объем знаний и инфы, которую я имел на определенном уровне, вложить в меня двадцатипятилетнего, я бы наверняка помер, не выдержала бы нервная система, мозг бы перегрузился. Ну, или стал овощем. Все тот же великий мыслитель Маркс сказал, что нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал ради прибыли в триста процентов, даже под страхом виселицы. И он прав. Только старик Маркс не понял до конца механизма. Это, говоря современным языком, круто вштыривает. Это непередаваемый кайф, упоение самим процессом: придумать и реализовать блестящую многоходовку с учетом сотен и сотен составляющих, «сделать» кого-то,

переиграть, победить. Это зависимость. Я никогда не играл в казино и азартные игры, четко зная, что это всегда поиск неудачника в пользу владельцев. Я был азартен по-другому, увлекаясь интригой большого дела.

Гарандин замолчал, видимо, тяжело ему давались откровения такого рода.

– В сфере большой политики и бизнеса роли давно уже распределены, и менять что-то в этом механизме, встраиваться с систему, делая это рискованно и дерзко и при этом чувствуя грань – вот в чем азарт и некий кайф. Вот в чем страсти, куда там Шекспиру. Но человек, хоть и способен на многое, не может постоянно находиться в режиме максимальной напряженности, ему необходимо перезагружаться, скидывать избыточное напряжение, отключаться хоть ненадолго. Лучше всего сделать это помогает секс, спорт, классическая музыка в исполнении гениальных музыкантов. Спорт был каждый день, для меня специально разработали комплекс гимнастики, включающий в себя спецкурс системы самообороны с инструктором из разведки ГРУ. И, разумеется, была верховая езда при каждой возможности. На великие концерты великих исполнителей я старался попасть по возможности. Макс иногда втягивал меня во всякие экстремальные безумства, когда пристрастился к такого рода отдыху. Ну а секс... С этим и сложнее, и проще.

Сложней, потому что человеку такого уровня тупо некогда, и ты не поверишь, но и негде знакомиться. Круг допущенных до общения с ним людей настолько узок и ограничен, что людям иного ранга и уровня проникнуть в него невозможно. Поэтому такие деятели, как Павел Литерман, поставляющий бизнесменам VIP-уровня девушек на выбор – от эскорта до невест, – очень даже востребован.

И проще, потому что жена ты, не жена, любовница постоянная или временная – не важно, но мужчине большого бизнеса и занятости, каким был Гарандин, нужен именно секс как средство переключения, чтобы скинуть напряжение и перезагрузить мозг. Поэтому все усилия женщины направлены исключительно на него с целью как можно сильнее завести, чтобы голова у мужика отключалась. И когда вдруг этот «инструмент» для достижения удовольствия начинает требовать к себе какого-то особого внимания, любви-отношений, втягивает мужчину в выяснения и говорит что-то там про себя и свои особые права, мужик совершенно искренне удивляется: о чем ты, собственно, девочка. Кака така любовь? Каки таки права? Каки таки отношения? Ты находишься где-то на такой далекой периферии его сознания, как в другой галактике. О чем вот ты сейчас?

Такой была первая жена Гарандина – молодая, амбициозная моделька

из Саратова, покорившая Москву и с помощью грамотной раскрутки ставшая ведущей на телевидении.

Очень красивая. На самом деле очень.

Он сказал ей после первой их ночи:

– Хочешь меня сопровождать?

– Где? – пискнула она кошечкой-завлекашкой.

– Везде, – усмехнулся Гарандин.

– Хочу, но больше всего я хочу быть твоей женой. Богатенькой-богатенькой, – честно призналась девочка.

Он подумал, посмотрел на нее, вернулся в кровать, трахнул еще разок и решил: а почему нет? Годов-то уже нормально, так и дети будут красивыми. И выкатил девуле целый список условий и требований, составленный его юристами, вместе с брачным договором, которые она и подписала. Видимо, богатенькой ей хотелось быть больше, чем даже известной.

Гарандин же покрасовался имиджа ради на обложках журналов и на телевидении с женой в обнимку, полгода пожил с ней в режиме «красивейшая пара современности». Ну и все – жена «на полку» до востребования, а у него новый проект. Через год девочка взбрыкнула что-то там про свои права и начала принимать активное ухаживание своего фитнес-тренера. Все, с вещами на выход – вознаграждение в виде небольшой квартирки и спортивной машинки за действительно достойный секс – свободна.

Со второй женой история была совсем иная. Посложней и с какими-то все же серьезными чувствами.

Великолепная Изабелла из очень хорошей семьи: мама испанка, папа русский эмигрант, оба музыканты достаточно высокого уровня, корни, традиции, родословная у обоих родителей, вилла на берегу моря, принадлежавшая материнской семье уже больше четырехсот лет.

В Изабелле, в каждом ее жесте, взгляде, в осанке чувствовалась настоящая порода. Это узкое белокожее лицо, алые полные губы, трепетные крылья тонкого носика и потрясающие глаза насыщенного цвета спелых маслин.

Влад по-настоящему запал, увлекся и даже влюбился, наверное. Свадьба была шикарной, в испанском старинном стиле, а потом был двухнедельный круиз по Средиземноморью на фантастической уникальной яхте Макса.

Секс был просто улетный, вот уж кто мог завести Влада и довести до полного бессилия, так это Изабелла. Она была невероятно страстной и

столь же ненасытной, порой с очень большим перебором.

Но Владу нравилось. Первое время. А через год выяснилось, что вместе со своей прекрасной породой и влажными глазами цвета спелых маслин Изабелла унаследовала и сумасшествие, передающееся по женской линии из поколения в поколение, которое тщательно скрывала вся ее родня. Саркастически посмеиваясь над собой, Гарандин в полной мере ощутил, как маялись английские аристократы со своими сумасшедшими от частого кровосмешения в роду женами, запирая тех в башнях родовых замков и пряча от всего мира. Между прочим, повальное для европейской знати явление.

Ну Гарандин запираить молодую жену не собирался, а подал в европейский суд на ее родню за обман. Те умоляли его не бросать девочку, уверяя, что при должной терапии и возможностях современной медицины проявления нездоровья у Изабеллы сведены к минимуму и не опасны. Ну, насколько они «неопасны», эти самые проявления, Влад убедился на собственном опыте, но это не имело ровно никакого значения. Его юристы дело выиграли, и брак признали недействительным.

Третьей женой Гарандина через несколько лет после Изабеллы стала замечательная девочка Марина. Не модель, не певица, не актриса и даже не «династическая» дочь, а необыкновенно привлекательная, молоденькая переводчица с китайского языка, работавшая с Владом на международной конференции. И так она что-то ему запала своей милой улыбкой с ямочками, веселым, легким нравом, спокойным отношением к жизни и даже наличием двух образований, одно из которых было техническим.

Взял и женился. И в общем-то они неплохо ладили и жили, Марина постаралась приноровиться к образу его жизни, к масштабу его личности и к огромному количеству ограничений, которые неизбежно накладываются на жизнь жены очень богатого и значимого человека, например, к постоянной охране и отсутствию возможности свободно передвигаться и жить.

Через полтора года у них родился сын Иван Владиславович Гарандин.

Мальчишка великолепный! Такой умненький, такой спокойный, уравновешенный, миротворец по натуре, улыбчивый необыкновенно. Влад сразу же перевез в свой дом маму и деда с бабулей, которые раньше не хотели жить вместе, отстаивая свою независимость. Независимость он им оставил, правда, под охраной, а счастье быть с внучком и правнучком подарил в полной мере.

А через три года Маринка пришла к нему в кабинет, бухнулась на колени и, заливаясь слезами, призналась, что влюбилась до потери разума в

молодого китайского бизнесмена, между прочим, партнера Гарандина по одному из совместных проектов. Она каялась, рыдала и просила ее отпустить.

– Марин, – произнес спокойным, ровным тоном Влад, – ты же понимаешь, что сына я тебе не отдам? Хотя бы потому, что ему будет постоянно грозить опасность?

– Я понимаю, понимаю, – принималась рыдать она еще пуще и смотрела на него с мукой в глазах, – ты разреши мне только видеться с ним, навещать. Умоляю.

Жену он поднял, и вдруг ему стало так ее отчего-то жалко. И так... так завидно, что ли. Прямо кольнуло такой острой завистью вот к тому, что она способна испытать такие сильные чувства, такую сильную, настоящую любовь. Он прижал ее к себе, обнял, и она понемногу успокоилась в его объятиях.

Гарандин был бизнесменом, деловым человеком, как нынче говорится, новой формации, современным, креативным и, как он считал, достаточно разумным. Понятное дело, что грехов на нем числилось немало, но такой фигней, как «моя собственность» и не достанешься ты никому с желанием наказать, растоптать, раскатать и уничтожить за то, что предпочла ему, великому, кого-то другого, это, извините, к современному российскому кинематографу. Это у них там сплошь и рядом олигархи-самодуры с явными клиническими отклонениями психики любимый типаж.

Марину он отпустил. Кстати, с ее новым мужем они неплохо поработали и в тот раз, и в последующие разы. Иван остался жить с Гарандиным, и, чтобы проводить с сыном как можно больше времени, Влад какое-то время брал малыша во все свои поездки. Но очень скоро понял, что столь стремительное перемещение по миру вредно для здоровья малыша, и оставил ребенка дома, под присмотром бабушки и прабабушки с прадедушкой, еще двух нянек и охраны. Но при любой возможности Влад старался приехать домой, хоть на час между перелетами, чтобы провести их с Ванькой, обожавшим отца и всегда бежавшим тому навстречу с радостным криком.

– То есть ты таки дотянулся до своих небес? – совсем тихо, как-то особенно проникновенно спросила его Дина. – Потрогал их руками?

– Да, – кивнул Влад, усмехнувшись совсем не весело, и пояснил: – Жесткие наверху небеса, Диночка. – И резко вздохнув-выдохнув, посмотрел и улыбнулся ей. И спросил, меняя тему: – Ну а у тебя как с детьми сложилось? Кирилл с отцом в хороших отношениях? Он ведь твою фамилию носит, а не отцовскую.

– Ну а чью еще, – легко рассмеялась Дина. – Ты же их с дедом рядом видел – одно лицо, одни повадки. Папенька сразу с гордостью заявил, как только внука на руки взял: «Моя порода, наследник». Да и какой он ему внук? Отцу же сорок один год был, когда Кирюша родился, какой там дед, о чем ты, он его как сына воспитывал и воспринимал и был для Кирюшки замечательным отцом. Да ты что, там такая любовь и взаимопонимание между этими двумя, ты же наверняка заметил, что у них какие-то особые отношения сложились. К тому же уже в пять лет парень проявил склонность и интерес к медицине. Так что без вариантов: Нагорный – и в медицину. А с Мишей, – вздохнула она задумчиво, – первое время он и его семья, как и обещали, принимали участие в жизни Кирилла и деньги подбрасывали, и продукты деревенские, часто приходили с внуком посидеть и к себе брали. А на третьем курсе института Миша женился по любви и «по залету», у него создалась другая семья, и помогать нам они уже не могли. Сейчас у них трое детей, и с Кириллом Миша практически никаких отношений не поддерживает, так, поздравляют друг друга с днями рождения и Новым годом, и не более. А он и не рвется поддерживать отношения с той семьей, у него и в нашей все хорошо и гармонично. Год проработал у отца в клинике санитаром, еще заканчивая школу, и поступил в Первый мед.

– А Сонечка? Кто ее отец? – заинтересованно спросил Гарандин и расширил свой вопрос: – Как я понимаю, о нем никому ничего не известно? Ты очень успешно скрываешь его личность.

– Сонечка, – улыбнулась Дина и задумчиво посмотрела в боковое окно, на пролетающий мимо чуть размытый пейзаж, помолчала несколько секунд и, решившись, повернулась к Владу: – Сонечка моя приемная дочь.

– Да ладно, – удивился Гарандин, внимательно всматриваясь в выражение Дининого лица, – она же на тебя похожа. Да и сведений об удочерении нет никаких. А я умею добывать информацию, поверь мне.

– Верю, – искренне заверила Дина и хитро усмехнулась: – Ты забываешь, с кем я сотрудничаю и кто меня прикрывает. Кнуровские ребята гении, то, что они выдвывают с Интернетом и сетями, даже представить трудно. Из всех официальных источников удалена информация о ее удочерении. Моя дочь, и все.

– Зачем такая секретность?

– Ну не такая уж и секретность. Те, кому надо, знают, и родные знают. Но для того, чтобы всерьез подстраховаться, имелся очень веский повод.

– Странно, что Кнуров не сказал мне, а ведь я его спрашивал о Сонечкином отце и слово давал о сохранении информации, – удивился

Влад.

– Одно дело рассказать о делах, которыми я занимаюсь. И совсем другое – информировать о моей личной жизни. Почему он должен был тебя посвящать?

– Потому что я сказал ему, что надеюсь на тебе жениться, – объяснил Гарандин.

– Ну не женился же пока, – усмехнулась Дина. – Значит, человек мне посторонний, почему он должен доверять тебе такую информацию? К тому же между намерением и его реализацией путь не близкий. Как в том анекдоте: «Из пункта «А» в пункт «Б» лежала дорога через «Ж».

– Кнуров прекрасно знает цену данного мной слова, – мягко возразил ей Влад.

– Ты бы на его месте сказал? – спросила Дина.

Гарандин подумал буквально пару мгновений и честно ответил:

– Нет.

– Вот так, – согласилась с ним Дина.

– И что ж такого случилось с родителями Сони, если это такая страшная тайна?

– Не страшная, – уточнила Дина. – Просто тайна. Та самая, которую я не смогла начать тебе рассказывать в клинике.

– То есть все настолько дерьмово? – заглянул в ее фиолетовые глаза Гарандин.

– Настолько, – тяжело вздохнула Дина.

С Катюхой Ситиной Дина дружила с первого класса, с того самого первого дня сентября, когда девчонки сели за одну парту, все такие торжественные, немного испуганные, в огромных белых бантах, ухватившись мысленно друг за друга – вдвоем оно и пропадать легче.

Ничего, не пропали. Освоились уже на третий день учебы, хихикали, шушукались постоянно, но учились очень хорошо. И дружи-и-или, что называется, не разлей вода.

Катерина жила с мамой в соседнем с Нагорными доме, поэтому девчонкам встречаться и после школы было проще простого. Частенько Дина оставалась у подружки ночевать, потому что у Катеньки имелась целая своя комната в полном ее распоряжении, не в пример перенаселенной жилплощади Нагорных, в которой до полного счастья постоянно жили, сменяя друг друга, еще и интернатовские дети.

Мама Катерины Инга Валерьевна Дину очень любила и относилась к ней, как к родной, и между ней и семьей Нагорных сложились очень

близкие, почти что родственные отношения. Все праздники вместе, все Новые годы и дни рождения. Как-то сразу и без долгого процесса притирания Ситины вошли в большую семью Нагорных в качестве близкой родни.

Так и учились, и росли девчонки.

После школы Дина поступила в свой медколледж, а Катюха в кулинарный, имея талант и большие способности к поварскому делу. Потом у Дины родился Кирилл, которого Катька обожала. Девчонки учились, жизнь шла себе своим чередом, пока Катька не влюбилась до головокружения.

Виктор Дерюгин, уроженец небольшого городка в Краснодарском крае, отслужив в армии в войсках ВДВ, поступил в школу милиции и жил в милицейском общежитии.

Влюбляться молоденькой девице там было во что – высокий, мощный, с хорошей фигурой, с копной упрямых русых кудрей, ярко-голубыми глазами и таким очень мужским, несколько суровым лицом. Они познакомились самым распространенным в те времена образом – в ночном клубе, куда Катюха пришла со своими одноклассницами, а Виктор со своими.

Катька пропала в любви.

Их роман развивался бурно и повышенно романтично, с некоторым даже постановочно-театральным перебором. Парень залезал к окну любимой по водосточной трубе на ее четвертый этаж, чтобы положить утром на подоконник букет полевых цветов, пел серенады под тем же окном, а друзья подыгрывали ему на гитарах, кричал на улицах, что любит эту девушку, носил ее на руках так часто, что Дина посмеивалась, предполагая, что Катька разучится ходить. Дарил подарки, признавался в любви витиевато и частенько со спецэффектами в виде огромных сердец из надувных шаров или надписи на асфальте под ее окнами. В общем, было в этом что-то лубочное. Но Катьке нравилось до визгу, а Дину отчего-то напрягала эта провинциальная театральщина.

Может, от того, что Виктор не понравился ей с первого взгляда.

Не понравился, и все тут. Было что-то в нем такое... такое, что она не могла бы объяснить, нечто порочное, что ли? Или нет, не порочное, но какое-то... И она поделилась своими сомнениями с родителями.

А те неожиданно поддержали впечатление дочери от героя-любовника подруги, и Константин Павлович высказался очень точно:

– Глаза шныряют. Вы заметили, что он не может смотреть в глаза больше пары секунд. И чувствуется в парне что-то скрытое, темное, и этот

его подбородок срезанный и маленькие ладони при большом теле.

Дальше остановились на том, что он им не нравится, и все. Бывает.

А вот Дина останавливаться не собиралась и свои сомнения подруге высказала. Чуть не разругались, еле утихомирила влюбленную Катю Дина, уболтала как-то, извернувшись, как великий балабол, чтобы не давать клятву-обещание никогда не говорить ничего плохого против «святого» Витеньки.

Ладно, проехали, решила Дина, махнув мысленно на безнадежную Катю рукой. Всем давно известно, что любовь в острой ее фазе не способствует четкой работе ума. Пройдет, поутихнут страсти, тогда и сама разберется и поймет.

Поженились Витя с Катей как-то очень быстро, всего через три месяца после знакомства. Свадьбу грандиозную затеять не удалось, как бы ни хотелось молодым, – обе семьи жили очень скромно, если не сказать бедненько, а жених к тому же был не москвичом, и его родители хоть и привезли продуктов всяких от щедрот Краснодарского края, но в деньгах тоже были стеснены. Так что скромненько: расписались, покатались по городу и дома за стол, никаких ресторанов, и платье, уж извините, не от Кардена, а напрокат из местного свадебного салона.

Витенька такой скромностью торжества был явно недоволен.

Успокоила новоявленного зятя лишь новость о том, что теща предоставляет им в полное пользование всю квартиру, сама же перебираясь к своей матушке в другой район.

Ну это хорошо, согласился Виктор. Еще бы – двухкомнатная квартира в старом фонде с метражом нехилым и потолками под четыре метра в центре Москвы, и там же его новая прописка – еще бы не хорошо.

Зажили, одним словом.

И как-то совершенно незаметно и очень быстро Катю отделилась от Дины, и вскоре девчонки почти перестали общаться. Да и с Ингой Валерьевной разговаривали все больше по телефону, практически не встречаясь. Нет, вообще-то оно и понятно. Дина крутилась, как пресловутая белка в колесе: учеба-работа, маленький ребенок, но ведь раньше это подругам не мешало хоть пару раз в месяц пересечься, да и забежать друг к другу в гости, перекинуться словами.

А сейчас глухо. Нет, и это можно понять: подруга недавно вышла замуж, с головой окунулась в любовь и новую жизнь, но... как ни позвонишь, она отговаривается чем-то, и ни встретиться никак не получается, ни толком поговорить.

Дина прорывалась несколько раз через эту странную «блокаду», сама

приходила, но разговора не получалось: то Виктор уставший с работы вернулся, то Катька вся в хозяйстве занята, то у Витеньки голова с бодуна болит, то... До хрена этих «то» как-то набиралось.

Но однажды Катька объявилась сама.

Звонит, стучит в дверь посреди ночи, открыли, а у нее кровь из носа по подбородку течет, халат порван, одна нога босая, на второй тапочек еле болтается, и глаза какие-то дикие, глаза загнанной лани. Рыдает, ничего толком объяснить не может, находясь в шоке. Константин Павлович укольчик быстренько сделал, умыли-успокоили, переодели, накормили, чаем напоили.

А отойдя от стресса, успокоившись и почувствовав себя в безопасности, Катюха рассказала, что произошло. Витенька вернулся поздно с работы немного выпивший, уставший, конечно, она его кормить кинулась, он себе еще рюмочку налил, выпил-закусил. А потом спрашивает: как ее день прошел, она ему давай рассказывать про нового шеф-повара на работе, и он вдруг в лице изменился, стал таким страшным, суровым и... в общем приревновал ее к новому шеф-повару.

Она объясняет, уверяет, что и близко такого не может быть, а он словно не слышит. Вскочил и залепил ей оплеуху, она испугалась его страшного лица, кинулась в спальню, он догнал, ухватив ее за полу халата, рванул так, что тот вмиг порвался, и второй раз оплеуху дал, да такую, что Катьку откинуло на пару метров, прямо к входной двери. Все, что она успела сообразить и сделать, это открыть дверь и бежать к Нагорным.

– Разводись, – твердо сказала ей бабушка Лида. – Немедленно разводись с ним, Катюша. Инга, насколько мне известно, сделала ему временную прописку на три года? А квартира приватизирована на вас двоих?

– Да-а-а, – растерялась несчастная Катька.

– Ну вот и хорошо, – резюмировала бабушка Лида.

– Но как же я от него уйду? – переводила Катька испуганно-непонимающий взгляд с бабушки на Дину, с нее – на старших Нагорных и обратно. – Я же его люблю. Он же не специально, он просто не понял...

– Послушай меня, детка, – остановил ее стенания Константин Павлович. – Пойми и запомни навсегда: если мужчина хоть раз напал на тебя и ударил так, как это сделал Виктор, немотивированно приревновал, и если ты после этого останешься с ним, дальше будет только хуже и страшней, и уйти от него тебе будет трудней, почти невозможно. – И, погладив Катьку по голове, уверил: – Бабушка Лида права: тебе надо срочно разводиться и уходить от него. Сейчас ты поспишь, а утром

поедешь со мной ко мне на работу. Составим акт о снятии побоев, отнесешь в милицию и напишешь на него заявление. И иди, подавай на развод.

– Но Витя же сам работает в милиции, – напомнила им Катька и вдруг изменилась в лице, став решительной и собранной: – Я не могу опозорить его перед коллегами. Нет, нет, что вы вообще такое говорите, дядь Костя, как я на него могу подать заявление, он же мой муж, и я его люблю! Я сейчас вернусь домой, все ему нормально объясню, он просто меня не понял. Я не стану делать ничего, что может навредить его карьере.

Какой карьере на хрен?! Сержанта патрульно-постовой службы? Прямо генерал подворотен, етить его!

Дальнейшие разговоры были абсолютно бесполезны, как ни старались Нагорные. Катька, разобидевшись на них за то, что настраивают против любимого Витеньки, ушла в ночь домой.

– «Попал коготок в пасть, всей птичке пропасть», – тягостно вздохнув, произнесла бабушка Лида за спиной Дины, закрывавшей за подругой дверь. И, вздохнув еще раз, пояснила: – Не совладает она с ним. Характер не тот, и самооценку он ей уже успел притопить. Пропадет девчонка.

Дина, тогда еще не понимавшая в полной мере то, о чем говорит бабуля, сильно удивилась эдакому пессимизму. Да ладно, с чего бы? Ну подрались-поругались от ревности, чего не случается в молодых семьях.

И хоть Константин Павлович с мнением тещи своей был совершенно солидарен, но все же с Виктором поговорил, отчетливо понимая всю бесполезность этих разговоров. Виктор в ответ хоть откровенного пренебрежения не выказал, все ж таки авторитет одного из известных докторов в Москве куда как покруче его нынешнего статуса будет, но улыбочку себе позволил. Ну и ладно, главное, Нагорный обозначил, что девочка не одна в этой жизни и за нее есть кому заступиться. Да только...

После той ночи Катька прибегала к ним из-под тяжелой руки мужа, битая, перепуганная насмерть, еще пару раз. Не прислушивалась ни к каким разумным доводам и уговорам, отказываясь от помощи и спасения – только пересидеть, утереть кровавые сопли, зализать раны, пока муж не утихомирится там дома и не заснет.

– Выгони его! – кричала ей Дина, настаивая: – Разведись! Что ты терпишь, идиотка!

– Я его люблю, – как заклинание, произносила подруга. – А он любит меня.

– Ты дура, что ли?! – заводилась от бессилия вразумить ее Дина. – Какое любит! Он колошматит тебя! Это какая-то извращенная, прямо лютая

любовь! Ты знаешь, сколько я на своей работе таких, как ты, идиоток насмотрелась? Их от такой любви своеобразной мужья калекками делают! До полусмерти избивают! Опомнись, Кать!

Все было бесполезно – все! Уговоры, слова, обращение к разуму – Катерина очень быстро, практически сразу же освоила навыки игнорирования реальности, собственных интересов и безопасности.

А вскоре выяснилось, что она ждет ребенка.

И все, ловушка захлопнулась.

Вот тогда первый раз Виктор избил Катерину буквально до полусмерти. Соседи вызвали милицию, «Скорую» и позвонили Нагорным. Катьку срочно отвезли в больницу, Виктора задержали, и поскольку его жена находилась без сознания, заявление в милицию на него написала Инга Валерьевна. Катька не приходила в себя трое суток. Как врачам удалось спасти и сохранить ребенка – непостижимо, чудо какое-то.

А когда пришла в себя... Виктор, отпущенный коллегами под подписку о невыезде, несколько часов подряд стоял на коленях перед койкой, на которой лежала его «любимая» жена. Рыдал, клял себя последними словами, каялся, божился, прямо-таки на крови, что больше никогда и ни за что пальцем ее не тронет, пылинки сдувать будет.

И далее красочный перечень обещаний.

Выйдя из больницы, Катерина забрала заявление из милиции.

Никакие разумные доводы матери, бабушки, Дины и всех Нагорных она не слышала и не принимала.

И уже совершенно по иной причине, чем первый раз, – какая там любовь, какая на фиг семья: она дико, до животного ужаса боялась своего мужа. А он, в свою очередь, контролировал каждый ее шаг и вздох, полностью оградив от влияния внешнего мира, от родных и друзей.

Трагичная в своей обыденности жизнь.

Потом случилось еще одно страшное избиение, когда Катерина была на восьмом месяце, в день рождения этого скота. На этом семейном празднике присутствовали только Витины друзья-коллеги с подругами. Беременная Катька готовила два дня, не отходя от плиты, накрыв шикарный стол, расстаралась украшениями и сервировкой, подарила шикарный подарок... Ну и получила в ответ.

Она снова попала в больницу и пролежала в ней до самых родов.

Заявление на мужа в милицию она не подавала.

Все соседи и знакомые Катьки были лично предупреждены Диной при любом шуме-крике из ее квартиры немедленно звонить в милицию, «Скорую» и им, Нагорным, и стучать-колотить, биться в дверь, чтобы

остановить бесноватого Витеньку. Это все, что она могла сделать.

Они и позвонили, когда Сонечке, доченьке Катьки, исполнился месяц.

– Дина! – кричала соседка подруги в трубку перепуганным до ужаса голосом: – Там что-то дикое творится! Катя так кричит, так кричит!

– Стучите к ним в дверь и звоните, тетя Полина! – орала в ответ Дина, прижимая трубку плечом, торопливо засовывая ноги в ботинки. – Зовите других соседей на подмогу, взламывайте дверь!

Она вызвала милицию и «Скорую помощь» и ринулась домой к подруге.

Младенческий истерический крик Сонечки Дина услышала, как только влетела в подъезд и понеслась, перепрыгивая через две-три ступеньки, наверх. Возле распахнутой настежь двери в квартиру Катерины столпились соседи.

– Боимся заходить, – объяснила соседка, – ждем милицию. Витя все еще там. Открыл нам дверь, когда мы тарабанили, и пошел в кухню.

Дина залетела в квартиру и... Дальше она все довольно смутно помнила, хотя действовала четко и продуманно, но скорее на рефлексе, на привычке, выработанной за время работы в «Скорой».

Виктор спал, раскинувшись на кровати в спальней, а Катя...

Катька лежала возле детской кроватки в луже собственной крови и была мертва, это Дина поняла с первого взгляда, хоть и проверила пульс и посмотрела глаза – все, не было больше Катеньки. Вся прихожая, кухня, коридор, комната, мебель, стены, даже потолки были в брызгах и разводах ее крови. Он забил ее до смерти! Забил, руками, кулаками, ногами, как беззащитную дворовую собаку!

До смерти!

Дина выхватила из кроватки заходящуюся криком Сонечку и прижала к себе. И это было единственное, что она могла еще сделать для своей подруги в тот момент. Милиция на этот раз приехала быстро, как и «Скорая», но помощь уже была бесполезна. Но Дина, слишком хорошо знавшая протокол действий в таких случаях, ушла, унося с собой ребенка и успев сказать Полине Андреевне:

– Скажите, что Соню забрала бабушка.

– Поняла, – кивнула мудрая женщина.

Дина совершенно четко осознавала, что передавать Сонечку в руки органов опеки и попечительства категорически нельзя – не вызволишь потом оттуда ребенка. Так же точно, как то, что она Сонечку никому не отдаст, даже ее бабушке. Никому.

И началась для Дины эпопея. Битва по всем фронтам.

Инга Валерьевна, получив известие о страшной смерти дочери, упала без сознания, и у нее случился инфаркт. А Дина, ринувшаяся бороться за справедливость, столкнулась с такой фигней, как «корпоративная этика и круговая порука» в милицейском исполнении. Жесть полная.

Стеной стояли менты – оказалось, что Виктор Дерюгин у нас героическая личность, прекрасный человек и хороший семьянин, с такой характеристикой только на пьедестал в виде образца для подражания. Для начала героического борца с криминалом на улицах освободили под подписку о невыезде до суда, потом пропали свидетельские показания из дела, и судебная экспертиза как-то вдруг показала, что Катерина в состоянии психической разбалансированности после родов носилась бешеной курицей по квартире и калечила сама себя, пока не убилась, множество раз налетев на твердые предметы. И дело начало разваливаться на глазах.

Дина кинулась сопротивляться: поговорила с родными-близкими, с друзьями и бывшими одноклассниками из числа тех, кто побогаче, собирала со всего мира по копейке и наняла адвоката – защищать интересы Инги Валерьевны. Во-вторых, воспользовавшись связями отца и мамы, дотянулась до телевидения, даже до Первого канала, где сняли репортажи о гибели Катерины и ментовском беспределе, постоянно обращалась к каким-то знакомым и незнакомым, имевшим влияние и вес, писала заявления в особый отдел милиции, требуя проверки деятельности следствия, – все бесполезно!

На предварительном слушании, когда рушились один за другим доказательства и слетали выдвигаемые обвинения в адрес Дерюгина, и свидетели отказывались от своих показаний, Виктор смотрел прямо на Дину и улыбался торжествующей, презрительной улыбочкой.

И уже нанятый ею адвокат с сожалением объяснил девушке:

– Дина, вы ничего не добьетесь, и никакая общественность вам не поможет, и даже самые крутые программы на Первом канале. Милиция не склонна сдавать своих на так называемых «семейных делах». Не коррупция же. Максимум, что он получит, года четыре, а то и вовсе закроют дело за недоказанностью. Убийство вашей подруги уже не доказать.

Она чувствовала такое опустошение и такую беспомощность перед творящейся несправедливостью, что начала задыхаться настоящими приступами, совсем как астматик. И тогда от накрывавшего с головой отчаяния Дина достала визитную карточку, что дал ей Ринков, позвонила и попросила помощи.

И получила эту помощь в таком объеме, в каком и не ожидала.

Дело вернули на доследование, следственную группу сменили, как и судью, и Виктор был приговорен к четырнадцати годам строгого режима. А Дина легко и очень быстро смогла получить опеку над Сонечкой, а потом и удочерить ее без каких-либо препятствий.

Через месяц после вынесение приговора Виктору Дина поступила на вечернее отделение юридического факультета в университет. Она больше не собиралась быть настолько беспомощной в правовом поле против такой мрази, как Дерюгин, но главное – за время этой битвы она отчетливо поняла, что хочет стать адвокатом, что это по-настоящему ее дело и к нему она испытывает природную склонность, а главное, у нее есть способности.

Инга Валерьевна встала на ноги, оправилась, как могла, но была совсем слабенькой. И... Нагорные забрали ее к себе жить, вместе с ее престарелой матушкой. А как же – родня, теперь уж законная, раз Сонечкина бабушка и прабабушка.

Квартиру Кати поменяли на другую, почти такую же, тоже в Центре, но в соседнем районе, руководствуясь несколькими причинами. Самое главное конечно, чтобы не напоминала о трагедии и чтобы друзья-приятели, да и родня Виктора не появлялись с «приветом» на пороге. Сдали и эту квартиру жильцам в аренду, и однокомнатную, из которой женщины переехали.

Вроде бы на жизнь хватало. В тесноте, правда, но фигня: в одной комнате родители с детьми, бабушка с дедом в другой, Инга Валерьевна с мамой в третьей, а Дина на диване в кухне, тем более ее практически и дома-то не бывало с ее посменной работой и учебой. Отсыпалась на смене, во время езды на адрес и в перерывах между вызовами.

Жили. Между прочим, очень весело и дружно. Сложности и трудности сплачивают людей нормальных, а ситуаций и поводов для иронии более чем достаточно при такой-то скученности народа.

– Знаешь, – поделилась Дина, – за годы работы на «Скорой» такого понасмотрелась, на такие трупы ужасные приходилось выезжать, казалось бы, привыкла ко всему. Но пока... – замолчала, справляясь со слезами, сглотнула – ... пока это не касается тебя лично... – продолжила она, – первый год после гибели Катюшки я почти каждую ночь видела ее такой, какую нашла там, в квартире.

Она прижала пальцы к губам, прикрыла глаза, не разрешая себе плакать, – держалась, держалась.

– Иди сюда, – позвал Влад.

Протянул руку, прижал к себе, насколько это возможно, когда сидишь за рулем. Погладил по голове.

– Я понимаю, – поддержал он ее. – Очень хорошо тебя понимаю.

Как она ни сопротивлялась, как ни дышала-глотала, но не совладала-таки со слезами, выкатились две, а за ними еще две. Вытерла торопливо ладошкой, шмыгнула носом и прижалась поплотней к Владу.

Помолчали, словно сплотившись в этом своем единении. Влад наклонился, поцеловал ее в голову, поддерживая, передавая свои силы, утешая.

– Пока я боролась против системы, против такой откровенной гадости, как покрывание убийцы теми, кто вообще-то нас именно от них и обязан защищать, я как бы отдавала Катюшке дань, как ты когда-то, восстанавливая справедливость после смерти отца. И это поддерживало меня, придавая силы, словно отгораживая от полного осознания всего ужаса и трагедии произошедшего. А когда эта борьба закончилась, я вдруг поняла совершенно отчетливо, что стала совсем другой и моя жизнь изменилась. Изменилась совсем. И откуда-то пришло осознание, что я хочу владеть инструментами для защиты своих прав, прав своих близких и вот таких несчастных женщин, и это моя необходимость и внутренняя потребность: знать законы и уметь ими апеллировать.

Она поцеловала Влада в щеку, благодаря за поддержку и понимание, выпрямилась, вытерла слезы, перевела дыхание и продолжила рассказ.

Это было так удивительно, что она с первого раза умудрилась поступить в университет. Ну да, готовилась, да и пройдя закалку в борьбе с системой, многое узнала и во многих правовых вопросах стала прекрасно разбираться, но ведь при поступлении не это главное. Но казалось, что кто-то словно вел ее, помогал свыше даже в мелочах. Забыла одну справку, а ей почему-то сделали поблажку – «принесете завтра». Опаздывала на экзамен – бежала прямо со смены, так у другой бригады вызов на ту же улицу, куда ей надо, ради нее даже «светомузыку» пару раз включали, чтобы не опоздать, и – опа – она успевает вот тютелька в тютельку, и все экзамены прошли как-то легко и достаточно просто.

Ну явно же прямо какая-то рука сверху! Может, Катюшка?

Жизнь сделала очередной странный кульбит, и вот уже Дина студентка, но и с работы нельзя было уходить, все-таки семья большая. И хоть они и сдавали целых три квартиры в аренду за приличные деньги, но девять человек народу: четверо пенсионеров и двое маленьких детей – это многовато на троих работающих за смешные оклады, пожалуй, что и с большим перебором. Так что работала.

А где-то в октябре, чуть больше месяца после начала учебы Дины,

случилось два знаковых события, окончательно направивших ее жизнь в очень конкретное русло, словно опять кто-то свыше вел или подталкивал именно к этому.

Однажды в выходной, редким образом совпавший с выходным днем Дины, в дверь их квартиры кто-то позвонил долгим, продолжительным звонком. Пошел открывать дед Боря. Женщины, затеявшие лепить пельмени всем своим сплоченным дамским коллективом в пять человек, насторожились, прислушавшись к приглушенным, неясным голосам, доносившимся из прихожей.

Голоса замолкли, и через пару минут дед Боря вернулся в кухню в сопровождении незнакомой женщины.

– Вот, Диночка, женщина к тебе пришла, – с удивлением представил он посетительницу.

Женщина лет за пятьдесят, внешний вид и облик которой выдавал в ней человека опустошенного, словно придавленного бедой или тяжелой болезнью, смотрела измученным горем взглядом только на Дину, не замечая никого да, наверное, и ничего вокруг.

Дина медленно поднялась, сделала шаг навстречу женщине, как та вдруг тяжело, словно из нее вырвали удерживавший стержень опору, как-то грузно и обессиленно рухнула перед ней на колени, сложила жестом отчаявшегося просителя ладони на груди и, заглядывая снизу вверх в глаза, взмолилась:

– Помогите. Умоляю вас, помогите нам!

Инга Валерьевна с Антониной Борисовной вскочили с места, кинулись поднимать женщину, а та, не обращая внимания ни на требование встать, ни на руки, которые ее поднимали, все смотрела скорбным, умоляющим взглядом прямо Дине в глаза, как на самую распоследнюю надежду.

И замороженная этим взглядом, Дина не могла отвести своих глаз, так и продолжая стоять столбом и смотреть на замершую у ее ног просительницу.

Но повысивший децибелы общий гомон «курятника» вывел из ступора и Дину, и зарыдавшую вдруг внезапно женщину. Незнакомку подняли-таки с колен, усадили за стол, налили валериановых капель, а потом и крепкого сладкого чаю. Она все благодарила, растерянно и чуть заискивающе улыбаясь через льющиеся слезы, все извинялась и извинялась, и все кидала на Дину осторожные взгляды, полные ожидания и той самой крайней, самой распоследней надежды.

– Так чем я могу вам помочь? – спросила Дина, когда знакомка немного успокоилась.

– Только вы и можете, Диночка, – поставив чашку с чаем на блюде, сказала та неожиданно твердо. – Я увидела по телевизору репортаж о судьбе вашей подруги и передачу по Первому каналу, в которой вы рассказывали о том, как разваливают уголовное дело, возбужденное против ее мужа. Я стала искать материал об этом деле, и принимала участие в вашем пикете у здания суда, и ходила на все судебные заседания. Все мы понимали, что этого Дерюгина отпустят и обвинения с него снимут, но когда вдруг ему дали четырнадцать лет... – Она внезапно нервно, в два всхлипа, втянула в себя воздух: – Я поняла, что только вы сможете нам помочь. Только вы. – И зарыдала навзрыд: – Он убьет ее! Убьет мою дочь!

Ситуация у Вики, дочери Валентины Николаевны, так звали ту женщину, была еще более тяжелой и неразрешимой, чем у Катерины, хотя казалось бы, что может быть страшнее и тяжелее, чем та дикая, чудовищная смерть, которой она умерла.

Оказывается, может, да еще как!

Муж Вики был не просто милиционером, он был следователем одного из райотделов милиции, и именно того района, в котором и проживал с семьей. Мало того, ситуация усугублялась еще и тем, что Николай, как звали этого деятеля, был москвичом, и они жили в квартире, принадлежавшей ему.

Бить молодую жену Коля начал через три месяца после свадьбы, перед этим грамотно и целенаправленно ограничив все ее связи с миром. То есть Вике запрещалось общаться с подругами, друзьями и родственниками, потому что те на нее якобы плохо влияли и пытались вмешиваться в их жизнь. Ну, понятно: подруги такие-сякие, слишком вольные-свободные и чуть ли не проститутки, родственники хотят только одного – его помощи в своих делах, а маме родной (ну тут вообще банальная претензия) просто не нравится зять.

Вика практически сразу оказалась под его постоянным и неусыпным контролем – сотового у нее не было, звонить можно было только на домашний телефон. А вот с ним дела обстояли неоднозначно. Ее муж, пользуясь своим служебным положением, ежемесячно брал распечатки входящих-исходящих звонков их домашнего телефона и даже поставил жучок для прослушки разговоров. Однажды он до полусмерти избил Вику в наказание за то, что она пожаловалась маме, что он ее бьет.

Он контролировал каждый шаг молодой жены: какие планы на день, куда собралась идти, где была, что делала, требовал полный отчет и проверял, звоня по нескольку раз на день, дома ли она. И бил, понятное дело, в воспитательных целях за все – за мимолетный разговор с соседкой у

подъезда, за то, что задержалась в магазине дольше отведенного времени, за то, что оделась на работу слишком фривольно, с его точки зрения, за то, что к ней на работу он никак не мог дозвониться, за то, что какой-то мужик проводил ее взглядом.

О, это отдельная статья для претензий – ревность.

Как большинство тиранов и неверных мужей, Николай страдал патологической ревностью и избивал жену за любой привидевшийся ему намек на ее интерес к другим мужчинам. По сути, как и любому тирану, ему, собственно, не нужна была причина для избиения как таковая, лишь повод распалить себя, а так, как говорится, «была бы спина – будет и вина».

Первый раз он избил ее совсем уж люто, по-настоящему страшно, когда узнал, что жена беременна.

Именно тогда первый раз Вика попала в больницу с переломами, гематомами, сотрясением мозга, и у нее случился выкидыш. После которого муж стал более осмотрительным и в следующую ее беременность ногами в живот уже жену не бил, и она умудрилась каким-то чудом выносить и родить сына при непрекращающихся «экзекуциях» мужа, а через год дочку, которой на тот момент, когда к Дине пришла Валентина Николаевна, исполнилось три месяца.

Она практически не общалась и не виделась с дочерью полтора года. И только совсем недавно Вике удалось позвонить маме из уличного телефона-автомата и умолять помочь ей.

– Мама, спаси меня! – рыдала Вика в трубку. – Спаси, мамочка! Я так больше не могу! Он меня убьет! Меня и детей! – и бросила трубку.

Несчастливая женщина помчалась к дочери, дежурила у подъезда, дожидаясь, когда она выйдет с детьми на прогулку, а когда та наконец вышла, кинулась было к ней, но Вика, увидев мать, испугалась и показала жестом, чтобы она не подходила. И все поняв, Валентина Николаевна начала следить за дочерью день за днем, чтобы улучшить момент, изыскать хоть малую возможность поговорить. И им таки удалось несколько раз коротко переговорить.

– У нас с Викой в Москве родных не осталось. Моя родная сестра с семьей живет в Сибири, и брат там же, недалеко от нее, – все рассказывала и рассказывала торопливо женщина, словно боялась, что ее остановят в любой момент и попросят уйти: – Я продала свою московскую квартиру и с помощью сестры купила две квартиры: одну в ее городе, а другую в областном центре, недалеко от брата.

– Но если Вике удастся все же сбежать, ее муж будет искать ее именно там в первую очередь, – указал на очевидный факт дед Боря.

– Я это понимаю, – кивнула Валентина Николаевна, – поэтому-то и прописалась там, а потом сменила фамилию, снова продала обе квартиры и купила другие, уже на новую фамилию. Вернулась сюда, живу у моей близкой подруги, и мы голову ломаем, как вырвать дочь из его лап. Я ведь понимаю, что мы ни сделай, он нас найдет, но и ничего не делать невозможно. Невозможно же! – обвела она больным, измученным взглядом сидевших за столом. – Однажды он просто убьет ее, и ему ничего за это не будет, а дети останутся с ним. И это настолько ужасно, что я каждый день умираю, думая о жуткой участи моей Виконьки.

Забросив лепку пельменей, все женщины зарыдали, и даже дед Боря пустил короткую, скупую слезу, сердечно сочувствуя горю матери. Дине пришлось сделать уколы Инге Валерьевне и ее маме, которым стало плохо с сердцем от воспоминаний о своей Катюшке.

– Но что я могу? – мягко и осторожно спросила женщину Дина.

– Но вы же смогли, вы добились справедливости, хотя вам противостояла целая система, – настаивала та.

– Мне помогали люди, одна бы я не справилась, – все так же мягко отказывалась Дина.

– Так попросите всех этих людей, чтобы они помогли моей Викуле! – прокричала в отчаянии мать. – Если надо, я на колени перед ними встану, умолять буду! Продам все, что есть, заплачу, только помогите! Помогите, иначе моя дочь и мои внуки погибнут!

– Хорошо, – не выдержала такого материнского крика о помощи Дина, – я постараюсь что-то придумать.

Оказалось, что придумать, как вывезти и спрятать Вику с детьми, было не так уж сложно – поиграли в детективов и шпионов. Узнав, к какой поликлинике приписаны дети Вики, используя связи начальницы своей подстанции, Дине удалось договориться с педиатром, которая вела Викиных детей, и врач вызвала ту якобы на необходимый профилактический прием. Поскольку в поликлинику следовало идти со всем пакетом документов: паспортом мамочки и свидетельствами о рождении детей, это не вызвало подозрений у ее мужа, не поленившегося позвонить в регистратуру и перепроверить, был ли на самом деле сделан вызов к врачу. Был, убедился Николай.

В кабинете врача Вику поджидала Дина, которая рассказала, что к ней обратилась Валентина Николаевна и что она, Дина, готова помочь...

Казалось бы: вот оно спасение – ура! Беги, пользуйся небывалой удачей, люди пришли тебе на помощь! Но Вика впала в истерику – она панически боялась мужа! Она реально испугалась до животного дикого

ужаса и все твердила, оглядываясь по сторонам:

– Он нас найдет, он найдет! Вы его не знаете, это не человек, это... – и отталкивала руки Дины и врача, пытавшихся ее успокоить, дать воды или вколоть успокоительное.

Дина, никак не ожидавшая столь бурной, неадекватной реакции, растерялась от такого поворота событий, не понимая, что делать дальше. Но, слава богу, педиатр оказалась дамой решительной, компетентной и всякого повидала за свою долгую практику. Дала звонкую пощечину пациентке, которая тут же перестала причитать и дико озираться по сторонам, а Дина, воспользовавшись моментом, сразу же вколола той успокоительное.

Вику с детьми они все-таки эвакуировали, в чем им очень помогла все та же педиатр, спасибо ей огромное. Вывели через черный ход, тогда еще не оснащенный камерами видеонаблюдения, посадили в неприметный «жигуль» с заляпанными грязью номерами, который подогнал участвовавший в операции по спасению Чайковский, он же Петр Ильич Кольцов. К нему же домой и отвезли женщину, где ее уже ждала Валентина Николаевна.

Все это, конечно, хорошо и замечательно и где-то даже захватывающе, но возникает естественный вопрос – и что дальше?

Тогда еще наивная и неопытная в этих делах Дина не знала практически ничего о проблеме семейного насилия и, главное, о всех тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться, оказывая помощь пострадавшим от насилия женщинам.

Ну на самом деле: вот она сбежала, а дальше-то что? На что она будет жить, как кормить-обеспечивать детей? Где будет жить? Где найдет работу? Как ей легализоваться, если вот, например, муж Виктории может, что называется, «вычислить» ее везде, стоит той хоть куда-то официально обратиться. И тогда все – ее свободе конец и, скорее всего, жизни.

И что делать? Разводиться срочным порядком? Тогда требуется подать заявление, о котором суд обязан уведомить мужа. И лично явиться на бракоразводный процесс надо обязательно.

– Пусть пока поживет у меня, – сказал Кольцов, – здесь он ее точно не найдет и не достанет, а там посмотрим, что можно сделать.

И это была их катастрофическая ошибка!

Муж Виктории, поняв, что она сбежала, и не сумев быстро отыскать ни жену, ни ее мать – единственного человека, к которому она могла обратиться за помощью, составил официальное заявление о пропаже и

возможном похищении его семьи и подал во всероссийский розыск.

И все – это полное фиаско! Все!

Теперь Вику и ее детей искала вся милиция страны, и любое появление ее где бы то ни было влекло за собой возвращение мужу. А Николай для коллег стал несчастным мужем и отцом, пострадавшим от сволочей, решивших отомстить следаку через его семью.

И ничего бы они не смогли сделать и потеряли бы Вику и ее детей, это стопудово, если бы снова самым мистическим образом не появился в жизни Дины господин Ринков со товарищи.

Буквально через два дня после побега Вики с детьми среди ночи раздался звонок на домашний телефон Нагорных. Семья потомственных врачей давно привыкла к таким ночным «побудкам» и даже не роптала по этому поводу. Но этот звонок оказался особым.

Дина, спавшая в кухне, позевывая и почесываясь и дежурно поругивая свою и отцовскую работу, прошлепала к телефону и подняла трубку:

– Да, – прошелестела в полусне.

– Простите, Диночка, что разбудил, – услышала она в трубке смутно знакомый голос, – но мне нужен Константин Павлович.

– А кто его спрашивает? – решила все же сначала уточнить Дина, прежде чем будить папеньку.

– Это Ринков, – представился говоривший и чуть усмехнулся: – Помните такого?

– Конечно, Антон Александрович, – тут же проснулась Дина и заспешила: – Сейчас разбужу.

Бросила на тумбочку трубку, судорожно ногой подцепила и надела слетевший было тапок и побежала в комнату родителей.

После приветствий отец надолго замолчал, сосредоточенно слушая, что ему говорят на том конце провода, а выслушав, четким голосом продиктовал названия препаратов и оборудования, сказав лишь вместо прощания:

– Хорошо, жду. – И положил трубку.

И повернувшись к Дине, отдал четкий приказ:

– Одевайся-собирайся. Там у них какой-то боец с тяжелым ножевым, которого по каким-то причинам нельзя везти госпитализировать. Тайна, итить ее напрочь, – беззлобно ругнулся он своим любимым ругательством и велел дочери: – Постоишь на крючках, поможешь.

«Постоять на крючках» на хирургическом сленге значило ассистировать на операции в качестве технического помощника, который в основном не вмешивается в ход самой операции.

У парня и на самом деле оказалось два тяжелейших ножевых ранения:

одно в область сердца, а второе в брюшину. Первую помощь ему явно оказали те, кто знает, как это делать в боевых условиях, но парень умирал, и это было совершенно очевидно.

Его друзья сделали все, что могли, соорудив что-то вроде полевого госпиталя: примитивный операционный стол, «люстра» над ним годов эдак восьмидесятых, зато аж два стерильных хирургических набора известных фирм, причем очень качественных, набор препаратов и кое-какая аппаратура. Ну, что смогли, то смогли.

Ладно. Встали к столу. Так четыре часа и стояли. Вытащили мужика.

– Почему все трупики ко мне? Или меня к ним? – наигранно с ленцой жаловался уставший, но явно довольный сделанной работой Константин Павлович внимательно слушавшему его Ринкову, попивая крепкий черный чаек с лимоном и медом. – Полно прекрасных докторов. Гениев, слава богу, пока в России не перевелось, как ни старались. Вон, Степка Больших^[5], и Ванька Полянский, да и Григорьич в Первой травме талант, а не мужик. Да по всей Москве докторов валом, а все трупики ко мне свозят. Даже дочь родная, как ее смена, так тяжелых к папке тащит.

– Потому что ты Шаман, пап, забыл, – напомнила ему Дина, сидевшая вместе с мужчинами за столом и пившая свой такой же вкусный, бодрящий да горячий чай.

– Да какой там Шаман, – отмахнулся тот, – так, штопаем-латаем. – И с ходу переключился на докторский тон, обратившись к Ринкову: – Значит, так, Антон Александрович, боец твой тяжеленький, но жить, скорее всего, будет. Правда, при условии достойной реабилитации и толкового ухода в медицинском стационарном учреждении со специализированной аппаратурой, снимающей контрольные показатели, при анализах, слежении за динамикой процессов, которые ты, как я понимаю, ему обеспечивать не намерен.

– Да такой вот расклад выпал, Константин Павлович, – пожаловался, как родному, Ринков, – самому клинком по сердцу. Но пока вот так. Наверное, дня четыре еще посекретничаем, а потом можно и в больничку.

– Ладно, – недовольно проворчал Нагорный, – это ваши шпиёнские дела, – нарочито через «Ё» произнес он и распорядился: – Тогда так сделаем: я распишу подробенько схему приема медикаментов и вон барышню вам, – кивнул он головой в сторону дочери, – дня на три оставлю – ухаживать за бойцом, а там посмотрим, что дальше.

– У меня смена через час, – напомнила отцу Дина.

– Да ладно, договорюсь я с твоей Алевтиной, – отмахнулся тот, имея в виду начальницу подстанции, на которой работала Дина.

– Я сам договорюсь, – предложил Ринков, – не беспокойтесь, Константин Павлович.

– Ну, лады, – согласился Константин Павлович и, в два больших глотка допив чай, поставил кружку на стол и поднялся. – А мне пора откланяться. Смена, и тоже через час.

Когда Дина, проверив больного, собралась лечь спать на соседней койке рядом с раненым, отдавая первое дежурство одному из парней, в комнату вошел Ринков, постоял у кровати, посмотрел на своего бойца, перевел взгляд на Дину, улыбнулся и спросил:

– Вам что-нибудь еще надо, Диночка?

– Надо, – чуть замешкавшись, кивнула она, подняв на него свои огромные фиолетовые глаза.

И попросила помочь Виктории, ее детям и маме.

– Не переживайте, – улыбнулся он ей, – мы все сделаем.

Раненый пришел в устойчивое сознание на вторые сутки. Открыл глаза, осмотрелся, сфокусировал взгляд на сидевшей возле его койки в небольшом, но уютном кресле Дине и спросил:

– Вы кто?

– Святой Павел у райских врат, – на полном серьезе ответила девушка.

– Как-то я его себе по-другому представлял, не столь привлекательным, – с сомнением заметил парень.

– Значит, вы в полном сознании, – порадовала его Дина.

– Я Алексей, – вдруг протянул он ей руку для знакомства и уточнил: – Можно просто Пират^[6].

– Дина, – пожалала она его руку, – ваша временная медсестра.

– Ага, – кивнул тот и вдруг поделился: – Представляешь, сестричка, столько прошел, веришь, ни разу ни царапины, ни контузии, а тут нарвался, как...

Таким вот замысловатым вывертом судьбы Дина и познакомилась с Алексеем и еще несколькими ребятами из команды Ринкова и Сергея Кнурова.

А когда вернулась домой, то узнала, что Виктория с детьми благополучно исчезла, словно растворилась на просторах Родины, ее дела теперь ведет и решает толковый адвокат, в числе которых и бракоразводный процесс. Муж ее Николай отстранен от работы, и против него ведет следствие Особый отдел, но не по вопросу насилия над женой – это хрен вам, никто не будет заморачиваться «бытовым конфликтом», как они это называют, а по его служебной деятельности. У любого следователя, если покопаться, всегда можно найти много чего, сильно выходящего за рамки

закона.

А Дина получила повод всерьез призадуматься над тем, чем реально можно помочь женщинам, попавшим в такую беду.

Тогда она по наивности еще полагала, что это вопрос государственный, и все эти несчастные мучаются, терпят, но надеются и жаждут, что их спасут.

Но уже через год плотного погружения в эту тему и общения со всеми, кто занимался или имел хоть в какой-то степени отношение к этой проблеме – адвокатами, докторами, психологами и психиатрами, с теми же правоохранительными органами, – от ее иллюзий и дилетантских представлений не осталось и следа.

Особенно после того, когда со всеми этими проблемами Дине пришлось сталкиваться, что называется, на практике.

Каким-то мистическим образом до следующих появившихся в ее жизни женщин, обратившихся к Дине за спасением, дошла информация, что она смогла помочь Виктории совершенно непонятными путями.

Валентина Николаевна, живя теперь спокойно и благополучно с дочерью и внуками в глухой Сибири, рассказала родной сестре об их счастливом спасении. Понятное дело, поделилась с родным человеком своими переживаниями и радостным избавлением от зятя-тирана. А та, в свою очередь, поделилась с подругами, разумеется, по секрету и без какой-либо конкретики, только лишь самим фактом, что ее племяннице помогли.

Напоминаю – в Сибири. На минутку.

Сведения просочились через друзей и знакомых и дошли до тех, кому подобная помощь была жизненно необходима в городе Москве. И какими-то тайными путями Дину разыскали и нашли еще две женщины – одна мама, другая сестра жертв мужей.

Ну у этих хотя бы мужья не служили в милиции и не занимали никаких постов, относясь к среднестатистическому так называемому офисному планктону. Обошлось без «звонков другу», справились своими силами, уже кое-чему наученные.

Вот так это все и началось.

– Есть такой закон жизни, – с иронией заметил Гарандин: – Стоит один раз кому-то помочь, и не заметишь, как это станет твоей обязанностью. Это как раз твой случай.

– Точно, – согласилась с ним Дина. – Но, знаешь, я ведь так и так неизбежно двигалась в этом направлении: к помощи женщинам в подобных ситуациях. Бесконечно думала: а если бы хоть кто-то мог тогда помочь

Катюше, если бы я, мы все не стали слушать ее, а настояли, забрали бы к себе, не дали этой сволочи издеваться над ней, она осталась бы жива. Наверное, именно эти сомнения и бесконечные мысли об упущенной возможности ее спасти и стали основной мотивацией, по которой я поступила на юрфак, вкупе с тем, что осознала, насколько мне интересно и по-настоящему важно стать юристом. Это теперь я совершенно определенно знаю, что ничего бы не помогло и ничего не спасло бы Катюшку. Пока сама женщина не решится, не попросит и, главное, примет помощь, бесполезно уговаривать, объяснять весь ужас ее положения и взывать к ее разуму, – поделилась Дина. – Теперь я, к великому сожалению, один из ведущих специалистов в этом вопросе в России. Да и не только в ней.

– К сожалению? – переспросил Гарандин и вопросительно посмотрел на нее.

– Да, к сожалению, – как-то безнадежно вздохнула Дина, – потому что это одна из самых тяжелых и неподъемных проблем, которые практически не решаются у нас в стране. Только-только пошли какие-то подвижки, известные личности обратили на проблему внимание, и многие напрямую занялись ею всерьез. Но только после того, как количество смертельных исходов стало возрастать и после нескольких ужасающих случаев, получивших широкое освещение. Благодаря соцсетям, которые одновременно являются чуть ли не проклятием в этой проблеме.

– Расскажи, – предложил Влад.

– Тебе это интересно? – удивилась Дина.

– Мне интересно все, что связано с тобой. А насколько мне известно, проблема семейного насилия и помощь женщинам на сегодня является основной и главной твоей деятельностью, – объяснил Гарандин свой интерес и повторил: – Да, мне это важно и интересно.

Дина помолчала, обдумывая его просьбу, явно преодолевая в себе какие-то сомнения, и внезапно спросила:

– Ты бил когда-нибудь женщину, Влад?

– Да. – Он повернулся и посмотрел на нее. – И не однажды.

– Серьезно? – поразила Дина.

– Дин, Дин, – остудил Гарандин поднимавшееся в ней волной возмущение, – остынь. Это не моя история – насилие над женщинами. Хотя ни один насильник не признается в своей тяге к агрессии и насилию, если его спросят, и все же не моя. Но в жизни всякое случается и чего только не происходит. Иногда такие дамы встречаются, что рука сама тянется пару раз въехать, чтобы мозги на место встали.

Помолчал, отвернувшись от нее, посмотрел какое-то время на дорогу впереди и объяснил:

– Изабелла, моя вторая жена, не сразу начала вести себя неадекватно. То есть я отмечал, что ее поведение в некоторых случаях, скажем так, не совсем укладывается в рамки нормы, но относил это к ее особому темпераменту и своеобразности характера. Постепенно ее нервозность, резкая смена настроений, странная забывчивость или приступы сексуального безумства становились все ярче, все заметней, все неадекватней. Однажды она вдруг устроила какую-то чудовищную истерику практически на пустом месте, без особого повода, верней повод был мизерным – сломалась застежка на платье, которое она собиралась надеть в ресторан. Платьев у нее имелось несчетное количество, выбрать она могла любое другое, но вместо этого вдруг начала что-то кричать, рыдать, кидаться на меня, требовать и в какой-то момент, поняв, что она болезненно истерит и ничего уже просто не слышит, я залепил ей пощечину. И офигел. В одну секунду она не просто замолчала и успокоилась, ее словно подменили, и она совершенно спокойным, обыденным и ровным тоном спросила: «Так мы идем в ресторан или дома останемся?» Я обратился к врачу, тот предположил, что реакция на резкую перемену образа жизни и всякую иную лабуду, бла-бла-бла, в общем, возможно, это случайность. Через месяц после первой истерики с ней случилась еще одна, остановить которую удалось опять-таки только при помощи пощечины. А в следующий раз, получив пощечину, ее переключило на секс, и она кидалась на меня и требовала в самых грязных выражениях трахнуть ее. Тогда уж я все понял и отправил ее в клинику. Второй раз я бил женщину, когда на меня напала баба с ножом, профессиональный боец, с понятной и очень конкретной целью. Не буду рассказывать, как ей удалось подобраться ко мне настолько близко, – не важно. Главное, что мне удалось отбиться от нее исключительно благодаря моим постоянным занятиям, реакции и тяжелому удару. И то я ее лишь притормозил, скрутила ее уже моя охрана. Однажды я совершенно случайно во время приема зашел на кухню в доме моего партнера, то есть туда, куда по всем протоколам таких мероприятий не должен был заходить, и увидел, как хозяйка – жена-молодуха – избивала маленького мальчишку лет семи, сына их прислуги, за то, что тот взял пирожное с большого подноса, предназначавшегося гостям. Избивала в кровь, крепко держа за одну руку, и била с каким-то остервенением со всей дури пластмассовой лопаткой для жарки. Пацан ойкал совсем тихо, прикрывался рукой и молча плакал, стараясь не издавать звуков. Как потом мне признался: боялся, что

мама прибежит, услышав его, и ей тоже попадет. Объяснять что-то этой тюнингованной малолетке мне даже в голову не пришло, просто подошел, забрал у нее парня и даже не ударил, а, перехватив ее занесенную для удара руку, отшвырнул от себя. Она упала, крепко приложившись головой об пол, и вырубилась. Мальчишку и его маму я забрал с собой и принял ту женщину к себе на работу.

– А партнер? – спросила Дина.

– Что партнер?

– Он как отреагировал, что ты к его жене-молодухе применил силу?

– Вообще-то нормально отреагировал, хотя на том уровне, понятное дело, такие вмешательства в семейные дела друг друга недопустимы, но меня всегда как-то мало волновали условности. Он, кстати, потом с этой сукой развелся, – пояснил без особого энтузиазма Влад и продолжил свою мысль: – Есть такие бабищи агрессивные, дурные и с такими ненормальными садистскими наклонностями, особенно по отношению к детям, которым и врезать не грех. Есть женщины, которые любят жесткий секс и только так получают удовольствие. Жизнь многообразна в своих проявлениях, и к ней неприменимы жесткие установки и жесткая мораль. Она нарушает любые правила, установленные людьми. Ну и что, меня тоже теперь можно причислять к рядам насильников, избивающих женщин?

– Абыюзеров, – внесла уточнение Дина, – хоть я не люблю американизмов в языке, но английское abuser – человек, совершающий насилие, агрессор, – сейчас плотно вошло в профессиональный обиход. – И пояснила: – То, о чем ты говоришь, это совершенно иное явление. Я еще способна разделять типы агрессии. К сожалению, очень много публичных людей, любящих покрасоваться где только можно на телевидении и в массмедиа, норовят показать ложную мораль. «Женщин бить нельзя!» – орут они. Нельзя бить человека заведомо слабее тебя как физически, так и морально, человека, который не может ответить и дать сдачи, не может защититься. И когда какая-нибудь сука, которую и матерью-то не назовешь, избивает до смерти своего ребенка или смотрит, как его насилует и измывается над ним ее сожитель... – У Дины вдруг сдавило горло от нахлынувших эмоций.

И как уже стало почти привычно для них, хоть каждый раз все еще и поражало, Влад сразу понял ее состояние и, не ожидая просьбы, достал из держателя на дверце со своей стороны бутылку с водой и протянул. Дина отпила прямо из горлышка и поблагодарила кивком.

– Я сама, хоть и считаюсь правозащитницей, вмазала такой вот... суке, от души так вмазала, когда мы изымали из семьи девочку одиннадцати лет.

А ведь я пусть не сильнее физически ее была, но владею приемами, и человек, можно сказать натренированный, к тому же наделенный властью. Вот не жалею ни разу. Так что ты о другом говоришь, о нормальной человеческой реакции, Влад. – И повторила: – Вмазать подонку – это одно, а избивать, получая удовольствие, утверждая свою власть и насыщая свои извращенные желания, это совсем другое.

– Расскажи, – повторил он свою просьбу, – для меня это важно.

И Дина поняла все, что он не произнес, – да, им обоим необычайно важно узнать друг друга; как можно лучше понимать ход мыслей, эмоции, мотивы, толкающие принимать то или иное решение. И услышать о жизни другого, о его судьбе самое важное, самое главное, а мелочи и интересные истории они приберегут друг для друга на долгие вечера вдвоем, на бессонные ночи и неспешные прогулки, на моменты истинных откровений и тихих признаний...

Не удержавшись, Дина потянулась к Владу, прижалась к нему, поцеловала в щеку и, зажмурившись, вдохнула в себя его запах с еле уловимым оттенком дорогого парфюма.

А он даже не стал спрашивать, за что и почему она его целует, безошибочно уловив ее эмоциональный порыв, лишь поплотнее прижал к себе и коротко поцеловал в голову.

Ехали вот так какое-то время, молча обнимаясь. И Дина, тяжело вздохнув от необходимости, выпрямилась на сиденье, подумала пару минут и приступила к своему рассказу.

Когда появилась у них в квартире третья просительница, Константин Павлович объявил общий семейный сбор за их круглым большим обеденным столом в кухне.

– Так, девушки мои дорогие, женсовет мой любимый и Борис Романович иже с ними. Думаю, квартиру нам с вами надо менять. Негоже, что к нам сюда зачастили ходить просительницы. У нас дети и старики, а мы их под удар подставляем. Рано или поздно по этой «народной тропе» обязательно и хищники пожалуют. И, как ни жаль «родовое гнездо» менять, но придется. К тому же думаю, что надо бы нам расширяться, хватит уже ютиться. Вон Кирюхе уж восемь лет, большой совсем парень и кое-что понимает.

– Ты неправильно выразился, дедушка, – назидательным тоном поправил деда внучок: – Восемилетки не кое-что понимают, а знают все.

– О как, поняли? – посмеиваясь, сделал многозначительный кивок головой Константин Павлович. – Вот так-то: все знают. Тем более парню

нужна отдельная комната.

– Я «за»! – тут же согласился «парень».

– И я «за»! – захлопала в ладошки счастливая двухлетняя Сонька, обожавшая старшего брата, везде ходившая за ним «хвостиком» и повторявшая все подряд, что ни произнесет братец.

– Так, – все посмеивался Нагорный-старший, – два по полголоса высказались, осталось семеро. И вот что я надумал, семья моя дорогая, надо бы нам одну квартиру продать, поменяться с доплатой на большую площадь и сделать сразу же в ней достойный ремонт, мебель обновить.

– Тогда нашу продадим, – решительно предложила Инга Валерьевна.

И началось бурное обсуждение «повестки дня» и поступивших предложений. А после недолгих прений и быстро достигнутых договоренностей Константин Павлович ошарашил еще одним заявлением:

– И вот еще что, – остановил он собравшихся уже было расходиться домочадцев: – Дина, пора тебе уходить с работы.

– Это как? – обалдела слегка Дина. – У нас и так бюджет скромный, едва на жизнь хватает, а если мы еще квартиру одну продадим, так и совсем сложновато будет.

– Не будет, – тягостно вздохнув, уверил ее отец, обвел всех взглядом и выдал новость: – Мне предложили возглавить отделение экстренной хирургии в новой клинике.

– Да ты что? – обрадовалась Антонина Борисовна, всплеснув от эмоций руками.

– Ну да, – повторил он вздох. – Клиника государственная, современная, но с инвестиционными проектами, экспериментальная. Сначала думал отказаться: как я свою богадельню родную брошу и как мои ханурики-бомжики без меня-то будут, да и вообще... Но подумал, прикинул, надо все же как-то расти, да и заработок обещают очень приличный. – И снова посмотрел на Дину: – А тебе давно пора завязывать так надрываться: учеба, работа, да теперь вот и «богомолицы» всякие повадились помощи просить, а ты их дела-проблемы на себя взвалила. Если это для тебя так важно, к тому же, считай, чистая практика по твоей юридической специальности, значит, скажи себе, что это твое дело, и полностью занимайся им. Изучай вопрос досконально со всеми подробностями, вербуй добровольных помощников, напрягай специалистов, организовывай волонтеров. И главное, не носи чужие проблемы в дом, это реально опасно. Значит, надо найти где-то жилье, где могли бы перекантоваться какое-то время твои подопечные. Ладно, это детали, потом отдельно обсудим. А на сегодня все, повестка дня исчерпана.

Папа был совершенно и абсолютно прав, на все сто, особенно про жилье. Только Дина решила не искать квартиру, а, в случае экстренной надобности снимать те, что сдаются посуточно. Так ей тогда казалось безопасней.

Наивная! Не понимала она тогда всей глубины проблемы и как еще многому ей предстояло научиться, плохо только то, что на собственном, весьма негативном опыте.

– В те годы про эту проблему даже не говорили, не упоминали ни в прессе, ни в массмедиа – нигде, словно ее и не существовало вовсе, – делилась Дина пережитым, полностью погрузившись в воспоминания. – Но надо четко понимать, что никакие родственники, друзья не помогут женщине в такой беде, это бред и полное отсутствия реального видения проблемы. Помочь адресно и конкретно может только отлаженная система и грамотные действия специалистов. А в глобальном смысле – только государственная система, и весь ужас состоит в том, что ее как не было тогда, так и нет до сих пор. Но сейчас хотя бы поднялась серьезная волна обсуждений этой проблемы, каких-то дельных предложений, подвижек в этом направлении. Вон в декабре был принят в первом, еще пилотном варианте закон о так называемых охранных ордерах, назначаемых судами, которые не позволят абьюзерам приближаться к своим жертвам ближе установленного расстояния и ограничат их социальное общение. Но для того чтобы на проблему обратили внимание, должны были погибнуть десятки женщин, что называется, в прямом эфире: то есть их смерть еще и снималась, и выкладывалась в Сеть. Случай с Маргаритой Грачевой стал одним из отправных. После того, как жена сообщила мужу, что подает на развод, он вывез ее в лес, издевался, избивал, насиловал, а потом отрубил кисти рук, поделившись в Сети своими впечатлениями, что, мол, получил особый кайф, когда делал это. А у них, на минуточку, двое маленьких совместных детей. Вот после этого и заголосили правозащитники и либералы всех мастей. А меня прямо вот сносит от возмущения: где вы раньше были, суки? Мы же трубим десятилетиями, бьемся во все чиновничьи инстанции, обращаемся к депутатам, и все без толку. Что, не модная тема, да? Не формат? Теперь можно покрасоваться-нарисоваться, раз тема в тренде. Может, вы начнете уже действовать и что-то реально делать. Как, например, делают это Оксана Пушкина и Ирина Роднина и еще сотни и тысячи менее известных и совсем не публичных людей, выполняя за вас всю работу.

– Ну ты чего? – положил ей на колено руку Влад, успокаивая.

– Да не могу потому что, – все возмущалась Дина. – В семнадцатом году пролоббировали, буквально протолкнули декриминализацию домашнего насилия, отменив статью 116 – «побои» – в уголовном кодексе, а за семейное насилие введена простая административная ответственность. И после этого такое началось! Если до этого в полиции крайне неохотно принимали у женщин заявления о насилии в семье, то теперь их и вовсе перестали принимать, отправляя к мировому судье, который тут же отсылает заявления обратно в полицию, где отказываются открывать уголовное дело. И не потому, что они такие злые-плохие эти полицейские, а потому что у них банально нет возможности, они откровенно не понимают, чем могут помочь. В стране нет нормального механизма защиты жертв насилия, не говоря уж о профилактике такового. Законодатели, отменив закон, просто развязали насильникам руки, и все. У нас и так-то судебная машина работает таким образом, что быть скотом безопасно, а теперь их так просто приглашают к насилию. И знаешь почему? – Она посмотрела на Гарандина, вздохнула и пояснила: – По полученным статистическим данным, каждая пятая женщина в нашей стране подвергается физическому насилию в семье. Вдумайся: каждая пятая! Это значит, что из ста женщин двадцать подвергаются насилию в той или иной степени. И только двенадцать процентов из них обращаются за помощью. А это, в свою очередь, значит, что из этих двадцати только две-три обратятся за помощью. А сейчас и того меньше. Потому что до семнадцатого года было около пятидесяти тысяч обратившихся в органы, а в этом году лишь двадцать три тысячи. Боятся, знают, что будет только хуже и никто не поможет, а обратись она в полицию, так муж ей предъявит весомый аргумент в виде кулака, чтобы не питала иллюзий, поскольку его привлекут – внимание! – к административной ответственности, проще говоря, пожурят за насилие, отреагировав таким образом не заявление жертвы. И «не распалась семья», как говорится в «Дяде Степе» Михалкова. Так вот никто почему-то не говорит о том, что если каждая пятая женщина подвергается абьюзу, то и каждый пятый мужчина является тем самым абьюзером. Вот именно. И в парламенте нашем, среди депутатов, сидят и те, кто склонен к такого рода насилию, вот почему мы не можем протолкнуть ни один грамотный, действенный закон, ограждающий от семейного насилия. Меня прямо от этого сносит, – делилась своим глубоким негодованием Дина, – прямо... Ладно, ладно, – взяла она себя в руки, резко выдохнув. – Это вечная и очень болезненная часть проблемы. Хорошо хоть есть какие-то серьезные подвижки сейчас, хоть появились кризисные центры помощи, убежища. Пусть их катастрофически мало,

всего сто пятьдесят на всю страну, но они есть. Самое неприятное, что только двадцать одно из них государственное, а остальные, как мой, например, это некоммерческие организации, существующие исключительно на благотворительные взносы и меценатство, и большая их часть открыта при религиозных учреждениях. А в государственные еще и не принимают без прописки и при наличии ВИЧ или наркотической зависимости. И предоставляют помощь на время не больше месяца, и все, свободна. И все равно это огромные подвижки. Ты даже не представляешь, какие. Двенадцать лет назад наше «Убежище» было одним из первых, которые открылись исключительно в частном порядке, без какой-либо помощи от государства. И только года два спустя пошла хоть какая-то движуха, а тогда...

Переезд в новое жилье оказался делом хлопотным, трудным, но все же радостным. Квартира, которую они приобрели, разумеется, в Центре и не так чтобы далеко от прежней, в том же районе, была бывшей маршальской, четырехкомнатной, с двумя большими балконами, один из которых превратили в комнату для Кирюшки. Высоченные потолки, метраж офигенный и, как в прошлой, огромная кухня, но уже не такая бестолковая, а продуманная.

Как ни удивительно, но вся семья сразу же влюбилась в новый дом, «ковчег», как посмеивался над ними Константин Павлович, и все сразу же нашли себе любимые уголки и комнаты, словно жили тут годами. И никакой ностальгической грусти по оставленному «родовому гнезду» не испытывали – вспоминали с теплом и благодарностью, да и только. Но, увы, через месяц после переезда Сонечкина прабабушка умерла. Возраст, изношенное сердце и смерть внучки, окончательно подкосившая здоровье. Но это жизнь.

А вот судьба Дины сделала очередной поразительный «кульбит».

Еще одна жертва, которой помогала уже группа добровольцев – преподавательница с кафедры, где она училась, одна давняя подруга Дины и доктор Кольцов, – первый раз подставила Дину под реальную угрозу. Женщина оказалась настолько запуганной и дезориентированной мужем, что не осознавала в полной мере реальности и серьезности всех предупреждений о безопасности и, нарушая все запреты и конспирацию, позвонила своей маме – успокоить, что с ней все в порядке, и... рассказала, где находится.

Понятно, что ее муж вытащил информацию из той мамы через час после звонка и долго следил за домом, в котором прятали жертву и... И

напал на Дину, вычислив, что именно она помогает беглой жене.

Дина у нас девушка не робкого десятка и хоть и небольшого росточка, но все ж таки удаленькая, запугать ее не так уж просто. Она за время работы на «Скорой помощи» такого навидалась в своей жизни и в таких непростых ситуациях побывала, что пугаться и паниковать не стала, как ожидал нападавший.

А когда тот, подобравшись сзади, взял ее в захват локтем за шею, саданула его в голень пяткой со всей возможной силой и заорала во все горло, когда он ослабил хватку:

– Спасите-помогите! Убийца, маньяк!

Орала так, что прохожие на улице, возле подворотни, где он ее подловил, услышали и сунулись посмотреть на то, что там происходит, да и со двора люди прибежали. Мужик перепугался, а Дина как-то удачно извернулась и умудрилась садануть его коленом в пах, но не попала в цель, и удар прошел вскользь.

В общем, повязали его какие-то равнодушные активные граждане и вызвали полицию. Полиция, протокол, все как положено, хотя полицейские и уговаривали Дину отказаться от этой затеи.

А на следующий день после нападения ей позвонил Антон Александрович Ринков и предложил встретиться.

Встретилась с большим недоумением, зачем она ему, может, снова помощь неординарная понадобилась? Оказалось, нет, не помощь. Он отчитал ее, как девчонку глупую, за то, что ввязалась в столь опасное дело, не понимая толком всю серьезность проблемы, не посоветовавшись с грамотными людьми, не обратившись за помощью, хотя ищет повсюду благотворителей.

– Не чужие же люди, – недовольно рокотал он своим низким голосом, – и вроде же умная девочка, и многое уже повидала, неужели до сих пор не осознала, насколько это опасно?

– Папаня настучал? – догадалась Дина.

– Да слава богу, что настучал, – завелся еще большим возмущением Ринков, – повезло, что на тебя недоумок какой-то напал, орел комнатный – не более того, а если б это был такой, как тот Николай или Виктор? Человек, обладающий навыками борьбы и не имеющий никаких тормозов?

– Ну да, – согласилась донельзя расстроенная Дина, «задним умом», как говорит бабушка Лида, только сейчас осознав, насколько он прав, и спросила о самом главном: – А что делать? Помогать-то женщинам как-то надо. Им же совершенно некуда деваться, вы понимаете? Я хоть чем-то, хоть кому-то могу помочь, ради Катюшки, ради Сонечки, да ради себя

самой.

– И правильно. Помогать надо, и ты будешь это делать, раз взялась, только под присмотром, – согласился Ринков и распорядился приказным тоном: – Значит, слушай внимательно и запоминай вводную: в лобовую атаку больше не ходишь, советуешься с нами. В общем, думаю, ты поняла. – И приказал: – Все, поехали.

И привез ее на... – как бы это обозначить? Ну назовем «база», хотя это очень условное название. База располагалась на территории то ли бывшей фабрики, то ли небольшого завода. Сейчас же за обнесенным по огромному периметру высоким, метра три, не меньше, кирпичным забором, поверх которого урбанистическим «плющом» вилась шипастая «егоза», находилось несколько зданий.

В самом большом из них, где раньше были производственные цеха, теперь находился современный, практически никогда не пустовавший великолепный спортивный комплекс с площадками для занятий разными видами борьбы, с тренажерами, баней, небольшим бассейном, душевыми кабинками и просторными комнатами для переодевания. Какие-то там были еще комнаты за закрытыми дверьми, но Дина туда не сунулась – постеснялась.

В соседнем с ним двухэтажном здании бывшего управления расположились несколько великолепно отремонтированных офисных помещений, где разместились представительства двух формально самостоятельных компаний: что-то вроде ЧОПа, которая поставляла телохранителей для частных лиц и принадлежала Ринкову, и что-то вроде технической службы безопасности, принадлежавшей Сергею Кнурову. И какие-то еще, непонятные Дине, их же побочные фирмочки. Или не фирмочки, но что она, спрашивать будет? Тоже поскромничала. Так, кстати, она до сих пор не знает всей структуры этих фирм и всех возможностей этих мужчин. Но понимает, что могут они очень многое и сотрудничают с весьма непростыми структурами. Но ей это знать незачем, достаточно того, что она и ее подопечные находятся на этой территории в полной и абсолютной безопасности. И даже за ее пределами.

Правда, это она знает теперь, а тогда Дина вообще не понимала, во что ввязалась и какой необыкновенный фарт выпал ей – попасть под защиту этих людей. Сказочный фарт.

Ладно, дальше тут вот что было: в центре периметра между зданиями убрали весь асфальт и ненужные коммуникации и устроили прекрасный, достаточно большой сквер, с деревьями и цветочными клумбами, с фонтаном в центре и классной детской площадкой. На противоположной

офисам и спорткомплексу стороне стояло еще три строения: квадратный двухэтажный дом с жилыми комнатами для тех, кто на смене. На какой? Фиг знает, Дине не объяснили, сказали только: у нас часто по сменам работают, и когда общий сбор, и гости бывают, живут тут по несколько дней. Какие гости? Какой такой общий сбор?

Да бог их знает, этих мужиков загадочных.

О другом речь. Рядом с двухэтажным домом стояло еще здание наподобие гостиницы. Вот его-то Ринков с Кнуровым и предложили Дине для ее Кризисного центра.

– Бери, владей, – широким жестом обвел пустые помещения рукой Антон Александрович.

– Это как это? – офигела Дина и быстренько спросила, вспомнив все, что успела освоить в универе: – А какая арендная плата?

Арендная плата была, и ей ее обозначили – сто рублей в месяц.

Вот так до сих пор и платит сто рублей в месяц, по сей день.

А тогда. Тогда она расплакалась, и мужики ее долго утешали, уверяя, что все это на самом деле, а никакой не розыгрыш, и угощали чаем с сушками, посыпанными маком, и конфетами ассорти, проводив в свой офис для составления договора аренды.

Но оказалось, что чудеса на этом не кончились. Ринков с Кнуровым стали одними из главных помощников и благотворителей «Убежища» Дины, как она просто, незатейливо и без выкрутасов назвала-таки свой «Кризисный центр помощи жертвам насилия», прописанный и закрепленный в официальных документах. Мало того, эти удивительные мужчины привлекли к благотворительности в адрес ее Центра еще и каких-то там своих партнеров.

А через день после того, как Динка с помощниками наполнила помещения всем необходимым, подготовив к приему первых жильцов, к ней пришла сотрудница Ринкова – такая боевая и загадочная девушка Ольга, взяла эдак нежненько за ручку и повела, повела за собой... в спортзал, где и объявила со всей серьезностью:

– Буду тебя тренировать и учить приемам самообороны. – И постращала: – Долго учить. До того, как выработается рефлекс и все приемы закрепятся на подкорке на всю жизнь, до перестройки мозгов, тела, организма, реакций и даже мыслей. Поняла?

Дина наивно уверила, что, мол, да, поняла. Что тут непонятного-то?

Ага! Тот случай!

Поняла она, куда вляпалась по полной программе, только через неделю, когда даже сидеть уже не могла на лекциях от боли во всем теле, в

каждой даже самой малюсенькой и незатейливой мышце. Месяц ходила, как стеклянная: руки-ноги после того, как гоняла ее Ольга, не сгибались напрочь, и лучше ими было не шевелить вовсе, а спать стоя.

А еще ее «крестничек», зараза такая, нарисовался – Игорек Веснин, он же Кнут, он же изверг-изувер, занудный до незнамо чего. И ну ее гонять-учить особой внутренней концентрации, умению отмечать-замечать и анализировать всякую мелочь, постоянно находиться в режиме собранности и быть готовой к нападению, а также специальным упражнениям на развитие интуиции.

Гонял как сидорову козу, так, что Динка взывала той самой козой замученной:

– Вот на хрена я тебя спасала, а? Знала бы, что ты надо мной так изгаляться будешь, не стала бы заморачиваться.

– Терпи, сестра, – похохатывал он над ее мучениями.

Через год, благодаря его с Ольгиным изуверским тренировкам, Дина стала другим человеком. Совсем другим. Настолько другим, что сама себе поражалась и диву давалась, присматриваясь к своим новым привычкам и навыкам владения телом, она даже двигаться начала по-другому, у нее совершенно изменилось мышление. И сколько раз эти знания, умения и рефлексы потом реально спасали ей жизнь и здоровье – не счесть.

Ведь напали, сволочи. И сами напали, и нанятые ими хлопчики, и служба охраны отдельных деятелей.

Проникнуть на ринковскую базу было нереально – все просматривалось камерами наблюдения и находилось под серьезной охраной, но вне ее у Дины и судебные заседания, и работа в своем адвокатском офисе в городе, и прием посетителей, и беготня по всем инстанциям. И хоть ее и сопровождали по большей части, в их Центре существовало железное правило, введенное Ринковым: по городу по одному никогда не перемещаться, да и кнуровские ребята разработали для помощников «Убежища», Дины и ее семьи специальную систему безопасности, маяки, оповещение, группу быстрого реагирования, но...

Всякое бывало за эти годы. Всякое.

У Дины вошло в привычку обязательно носить в кармане газовый баллончик, а в сумке электрошокер.

А тогда она быстро втянулась в занятия и так и продолжает все эти годы, стараясь не пропускать спортзал. Не с такой интенсивностью, как поначалу, но и не филонит. Только благодаря своим натренированным рефлексам и хорошей реакции Дина и смогла выдернуть ту дурную мамашу из-под колес джипа Гарандина. Вот так.

Если бы не помощь Ринкова и Кнурова, Дина вряд ли бы справилась сама, даже с самой распрекрасной группой добровольцев, какой бы она ни была, потому что прав был Антон Александрович; как показала практика, – это смертельно опасное занятие. И очень непростое.

Кризисный центр Дины рассчитан на двенадцать взрослых и десять детей.

Теперь-то у них в «Убежище» работают специалисты: психологи, юристы, психиатр, детский психолог. Сейчас налажен весь процесс: от первого обращения на сайт или телефон доверия и поэтапной помощи жертвам насилия.

– У меня масса вопросов, – захваченный ее рассказом, заинтересованно предупредил Гарандин. – Я в тему специально не погружался, даже когда узнал, чем ты занимаешься. Решил, что лучше ты мне сама, как один из ведущих специалистов в этой области, объяснишь-расскажешь. Да и достаточно того, что у нас ты по самую макушку в этой ... – И не закончил фразу, оборвав, почувствовав, как внезапно изменился настрой Дины.

Повернул голову, посмотрел на нее, недоумевая.

– Что? – спросил он.

Она смотрела на него своими невозможными фиолетовыми глазами с каким-то удивленным выражением, делавшим эти ее потусторонние глаза еще больше. Хотя куда уж.

– Это твое «у нас», – пояснила Дина, – ты так легко это произносишь, словно... не знаю, мы прямо уже давно «у нас»...

– А разве требуется здесь что-то обсуждать? – спросил Гарандин, как о чем-то настолько очевидном, что просто даже лень и непонятно зачем об этом говорить.

– А я бы пообсужда-ала, – развеселившись вдруг непонятно от чего, произнесла Динка со значением, даже голову склонила чуть набок.

– Что, девочкам нужны слова? – с пониманием усмехнулся Влад, глядя на нее, и вдруг осекся: – Слушай, это совершенно невозможно, какие у тебя глаза. Ты знаешь, что у тебя какие-то мультяшно огромные зрачки, да к тому же фиолетовые. Вот так глянешь, как сейчас, а у меня в голове что-то делается. Переклин какой-то.

– Это из-за мутации одного гена, – объяснила Дина, – такая особенность организма, на здоровье никак не влияет, только зрение у меня работает несколько иначе, чем у всех. Долго и мудрено объяснять. Иногда при резком перепаде освещения я вроде как временно слепну, а вот фокусируюсь я быстро, ну и упражнения требуется делать, чтобы не

наступила резкая и сильная дальноркость. Такая мутация практически не встречается и называется очень забубенно.

– Потом скажешь и напишешь, я заучу, – предложил Влад и пообещал: – Буду называть тебя моей мутанточкой. Или производную какую придумаю. Мне нравится.

– Так что ты хотел спросить? – напомнила Дина.

– Да, спросить, – повторил он и, отвернувшись, посмотрел вперед на дорогу. – Почему женщины живут с мужьями, которые их избивают? Зачем все это терпят? Почему не уходят? Я не понимаю. Почему, как только он первый раз ее избил, она не ушла?

– Это самый распространенный вопрос людей, не сталкивавшихся с насилием в семье. При этом заметь, если вдуматься, то в вопросе уже заложено обвинение, типа сама дура. То есть общество реагирует в таком ключе, что, мол, женщина всегда и априори сама виновата, раз терпит и не уходит от агрессора, и практически никогда не звучит обвинение в адрес мужчины.

– Ну, наверное, да, ты права. Но почему все-таки не уходят?

– Абьюзер действует, как паразит, попавший в организм человека. У меня как у медика эта ассоциация абсолютная. Задача паразита в первую очередь подавить иммунную систему, противостоящую ему, проникнуть во все органы и в мозг, захватить, что называется, «управление» организмом. Его не интересует симбиоз, его задача распространиться, подавить, заставить действовать так, как ему надо, и в итоге убить. Точно так же ведет себя и абьюзер, по большей части неосознанно, на подсознательном уровне он нацелен на то, чтобы полностью подчинить себе жертву. И в первую очередь изолирует ее от всех социальных связей, ограждает от друзей, знакомых и родных, от тех, кто мог бы помочь, то есть выключает «иммунную систему», закольцовывая все ее внимание на себе. Параллельно он унижает ее самооценку, заставляет уйти с высокой должности, не дает закончить институт, опускает, повторяет и повторяет бесконечно и в разных вариациях, какая она глупая, некрасивая, дурная, неумеха, что она никому не нужна и специалист из нее никакой. Вариантов много, но постоянное, изо дня в день подавление самооценки действует на женщину совершенно разрушительно.

– Но она же не идиотка на самом деле, – недоумевал Гарандин, даже злясь отчего-то. – Она что, не видит, не понимает, что с ней происходит, что отдаляется от друзей, от родных?

– Нет, – уверила его Дина, – не понимает и не видит. Партнер же не на следующий день после свадьбы начинает ее избивать и принижать. Как

правило, пара сходится, не важно, официально или нет, но по любви и офигенному сексу. У них же любовь и в постели сплошная красота, и любое ее недоумение или сопротивление его поведению чудесным образом забывается и прощается в постели. В большинстве случаев первый раз партнер бьет женщину не настолько сильно, чтобы она испугалась и побежала, и вот тут срабатывает самая главная ошибка женщины: она не может поверить, что муж внезапно превратился в тирана. «Не может же все быть так плохо?» – убеждают себя женщины. Срабатывает определенное свойство человеческой психики: люди вообще не верят в плохое, в то, что с ними может произойти что-то совсем уж страшное. У них же любовь такая офигенная, не может же этого быть, но к тому моменту у женщины уже занижена самооценка, и она думает: может, это она в чем-нибудь виновата, и характер у нее тяжелый, любимый же об этом всегда говорит. К тому же опять же в большинстве случаев муж сразу же начинает каяться, признаваться в любви, клясться, что больше никогда, включает романтический режим на полную мощность. И она прощает. На второй и третий раз повторяется все то же самое. Женщины, как правило, стараются до последнего сохранить семью. Обычно сильные избиения начинаются, когда женщина беременна или у нее совсем маленький ребенок. Паразиту не нужны конкуренты, жертва должна быть в полном его распоряжении и ни на кого не отвлекаться. Решаются бежать тогда, когда он начинает бить и детей. Еще свои побои женщина стерпит, но может решиться на побег, когда детям грозит опасность.

– Опять сложно, – недоумевал Гарандин. – Взяла детей и ушла к родителям, друзьям, попросила помощи, в конце концов, такие центры, как твой, для этого и существуют, и в наше время найти их контакты и связаться несложно.

– Это настолько обывательская точка зрения, что я сильно удивляюсь, слыша ее от тебя. Личность жертвы всегда деформирована. Всегда. Абьюзер разрушает волевой компонент личности, а это уже физиология и изменение сознания. Такая женщина не знает своих потребностей, не может сказать, что она любит есть, какую одежду носить, о чем мечтает, все ее потребности и желания определял агрессор. Для того чтобы вырваться из этой ситуации, нужны хотя бы остатки воли. И они не видят выхода, даже когда он перед ними открыт. Они настолько патологически боятся своего мучителя, что их охватывает парализующий ужас. Есть еще один серьезный момент: женщина постоянно находится в так называемых гормональных качелях. В ответ на насилие организм отвечает взрывом гормонов: это и адреналин, и кортизол, и имеющий обезболивающий

эффект серотонин, которые становятся для нее своеобразным наркотиком. Когда ей удастся бежать и мужа больше нет рядом, у нее происходит нечто вроде ломки. Не меньше полутора лет необходимо для реабилитации психики под наблюдением специалистов для того, чтобы остановить эти гормональные качели. На самом деле это такой ужас, который трудно объяснить и еще труднее представить нормальному человеку. Это постоянное пребывание в некоем инферно и непрекращающийся страх.

– Но тебе ведь удастся помочь, – с искренним интересом расспрашивал Гарандин, – значит, есть возможность уйти, начать жизнь сначала, спрятаться, если надо.

– Есть. За двенадцать лет работы нашего Кризисного центра через нас прошло больше тысячи человек, а еще нескольким тысячам нам удалось помочь вне стен «Убежища». Есть, конечно, чем гордиться, только это капля в море. Но сколько потерь на эти тысячи, – замолчала она и вздохнула. – Сколько погибло или стало инвалидами, которым мы не смогли помочь и которых не успели вытащить. И двое моих добровольных помощниц очень сильно пострадали, а один парень погиб. Вот так.

– Мужья? – уточнил Влад.

– М-да, они. Никто из абьюзеров не собирается так просто отпускать свою жертву, свою рабыню. В среде профессионалов, занимающихся вопросами семейного насилия, мужа условно делятся на три категории: первые, так называемые ресурсные, крайне опасные, как мы их классифицируем: это имеющие доступ, прямой или опосредованный, к властным или административным структурам, люди богатые и властные, или представители кавказских диаспор, мы же не делаем различий и помогаем и нелегалкам в том числе. Вторые – это хулиганы по своей сути, способные на хипеж, на скандал, не боящиеся разбоя и нападения, без тормозов, но имеющие несравнимо меньшие возможности, чем первая группа. А третьи – это те, кто опасен только для самих жертв, а при посторонних ведут себя прилично. Такие способны долго и очень упорно выслеживать саму жертву, держать ее в осаде, но нападать на других боятся. Хотя разные ситуации случались за двенадцать лет. Самые сложные, как ты понимаешь, относятся к первой группе. Мало того, по негласной статистике, которую мы ведем, выявлено, что самый большой процент насилия происходит именно в семьях людей богатых и облеченных властью. Особенно богатых. Ты сам наверняка знаешь, что творится за многими заборами на Рублевке. Вот эти деятели на самом деле смертельно опасны. В ход идут все их связи, все возможности, давление на полицию, суды, прокуратуру, нападение их охраны с огнестрелами, похищение

людей. Да... – отмахнулась она, – что говорить. Если бы не Ринков с Кнуровым и их ребята, возможно, и меня бы давно не было. Я ж, когда начинала, наивная была, как дите в песочнице, и подставлялась, не понимая всей опасности. Правда, тогда было гораздо проще спрятать человека, чем сейчас, не было еще такой повальной оцифровки жизни. Сейчас практически невозможно спрятаться, особенно от абьюзеров, имеющих доступ к получению данных. А сколько было проколов, когда жертвы сами подставлялись и нас подставляли!

– Специально?

– Нет, такой прокол мы не допустили ни разу, – кивнула Дина. – Как обычно мы работаем? На нашем сайте указаны так называемые телефоны доверия, мало того, я оставляю эти номера докторам в детских поликлиниках и даже детсадах и школах, и платим за рекламу в сетях, в социальной рекламе, оставляем номера телефона доверия в Единых центрах оформления документов, и даже в Госуслугах. Человек звонит и после предварительного разговора со специально обученным специалистом, определяющим в разговоре, истинная ли проблема у звонящего, мы договариваемся о встрече. Очень конспиративно, очень продуманно проводим встречу, на которой обязательно присутствует психолог-профайлер, который выясняет глубину проблемы. В случае реальной, смертельной угрозы проговаривают формирование «тревожного чемоданчика» для себя и детей, в который входит пакет документов, что понадобятся в случае экстренной эвакуации для себя и детей, и обязательно подчеркивается необходимость оставления всех гаджетов дома. Мы выдаем самый обычный кнопочный телефон для экстренной связи или оговариваем такую. И особо подчеркиваем, что нельзя ни в коем случае сообщать в соцсетях о своих намерениях, даже намеком. Полный интернетный вакуум. У нас в «Убежище» запрещены любые гаджеты, кроме примитивных электронных игрушек для деток и телевидения. Так нет, тащат, ты представляешь? Идиотизм полный. А как я без Сети, спрашивает и смотрит на меня такими тупыми глазами. Хорошо, все наши эвакуации проводят ребята Кнурова, а у них есть такой специальный приборчик, определяющий электронные носители в каком-то там крутом диапазоне. Находим, выбрасываем. А сейчас еще в Москве активно тестируется общая база, подключённая к системе Fine Face, для нас это полная... Сложно будет, одним словом. Несколько раз уже были случаи, когда высокопоставленный хрен вот так, через свои каналы, по городскому поиску и скриншотам переписки вычислил беглую жену. И ты даже не представляешь, что он с ней сделал, выловив прямо во время эвакуации и вернув домой.

– Какая-то Достоевщина в худшем смысле этого слова.

– Согласна, – тяжело вздохнула Дина. – Но самое страшное, что этому нет конца и, скорее всего, никогда не будет. По данным МВД, за прошлый год число насильственных преступлений, совершенных по отношению к подросткам их родными и опекунами, выросло больше, чем на сорок процентов. А ведь мы и подростков спасаем, хотя это очень непросто и классифицируется как похищение, если он один, без взрослых.

– А как вообще работает ваш центр, что конкретно вы делаете для пострадавших? Я читал на сайте, но мне интересно услышать от тебя.

– Как правило, женщина не заинтересована покидать свое жилье и куда-то бежать с детьми, а часто и с домашними животными, бросая все нажитое, вещи, пусть и адскую, но привычную жизнь, и ищет какое-то «универсальное» средство прекратить насилие или пути воздействия на партнера, чтобы он съехал сам. Обращаться к друзьям и родственникам, чтобы повлияли и помогли, или взывать к совести и читать нотации абьюзеру совершенно бесполезно, а чаще всего просто опасно. И если наши специалисты определяют степень угрозы ей и детям как высокую, они предлагают эвакуацию. В нашем центре женщина может проживать от нескольких недель до полугода, пока мы не поможем ей решить все сопутствующие проблемы и социализироваться заново. Мы берем на себя все юридические вопросы, все мороки с документами, если их надо восстанавливать или делать заново, адвокатское сопровождение на каждом этапе по разводам и имущественным вопросам. Обязательная бесплатная психологическая помощь, работают постоянные специалисты, медицинская помощь. Бесплатное проживание, питание, гуманитарная помощь, помощь в трудоустройстве, помощь, когда в результате насилия человек остался без жилья и средств к существованию. Если жертву вычисляет муж из первой группы, мы тайно перевозим ее в другой центр помощи, с которым сотрудничаем, иногда и в другой город.

– Ты занимаешься исключительно проблемами клиентов своего «Убежища» и как адвокат работаешь безвозмездно?

– Занимаюсь семейным правом и всем, что с ним связано, в том числе и уголовными статьями, но у меня есть и клиенты, которые платят. Одна очень богатая женщина за то, что я помогла спасти ее дочь и внуков, подарила мне крутой внедорожник. Езжу на нем уже шесть лет.

– Устала? – заботливо спросил Гарандин, снова безошибочно почувствовав произошедшую в ней душевную перемену.

– Очень, – призналась Дина, – тяжело как-то это все рассказывать, снова окунаться в эти проблемы, вспоминать...

Хотела что-то еще добавить, но удержалась. Он видел, чувствовал это ее желание, даже стремление поделиться чем-то очень важным, секундное замешательство и отступление. Даже отвернулась от него, уйдя в свои мысли, и смотрела в боковое окно.

Ну пусть, решил Влад, пусть. И на самом деле тяжело. Она ведь не просто говорит, она очень эмоциональная девочка, в какой-то мере даже эмпат, и пропускает все через себя, глубоко переживая каждый момент. Так ведь можно и выгореть.

Они молчали, каждый погрузившись в свои размышления, ничуть не тяготясь затянувшимся молчанием, чутко ощущая душевную настрой друг друга. Дина, переживая неловкость от того, что так подробно и живо поделилась чем-то очень важным и значимым, и чувствуя некую опустошенность после такого откровения, вызвавшего сильный эмоциональный отклик в душе и вновь поднявшего всю горечь и досаду... Да ну, все, не будет, не хочет она про это больше.

Уже сколько можно, в конце-то концов!

«Надо обладать каким-то особым душевным устройством и складом характера, – думал Влад, прокручивая в голове все, что услышал от Дины, – чтобы настолько глубоко сопереживать человеческой беде, оставаясь при этом полной жизни, юмора, умения верить в лучшее, ежедневно соприкасаясь с человеческой трагедией и скотской стороной человеческой природы».

Внезапно, как бывало всякий раз, когда Гарандин обдумывал какой-то вопрос, в памяти всплывала интересная информация. Так и сейчас вдруг неожиданно всплыл из глубин подсознания давний разговор с одним сибирским священником, уникальной, самоотверженной личностью, мудрецом, в каком-то смысле учителем.

Тогда, помнится, Гарандин был глубоко поражен тем, как этот человек восстанавливает величественную старинную, стоящую в отдалении от жилых мест церковь своими усилиями и при помощи сплотившихся вокруг него прихожан, налаживая службу в, казалось бы, невозможных условиях.

– Человеку нужна духовная подмога, опора, место, куда он может принести любую свою беду, найти утешение своей печали, обрести искреннюю поддержку и поделиться радостью. Каждому требуется некое духовное единение, чтобы не чувствовать себя в одиночку против жизни, и церковь для многих становится той самой духовной семьей. Людям живется тяжело. Им необходима эта церковь, – ответил священник на вопрос Влада, улыбаясь мудрой улыбкой. – Церковь призывает любить и умножать любовь в мире, а ведь практическая любовь к людям, когда не

декларируют, а делают, это редкость. Потихоньку-полегоньку, каждый день по шажку, да и справится наше дело с Божьей помощью, и встанет, обретет былое величие и займет свой форпост наша красавица. Так, как и говорят нам святые апостолы: малыми усилиями, с молитвой да верой и возвращается мир. – И вдруг улыбнулся с хитринкой: – А советский писатель Зощенко говаривал на эту тему просто: «Не надо бороться за чистоту – надо подметать». Вот мы и подметаем.

Гарандин тогда был поражен мощью и энергией необыкновенной личности этого батюшки, его спокойной, глубокой любовью к людям и состраданием к ним, и силой духовного подвига этого человека, который поставил себе целью служение людям и увеличение любви, как он выразился. Они тогда долго еще беседовали, много чего поразительного сказал ему тот священник.

Гарандин, понятное дело, предложил свою помощь в восстановлении церкви, причем очень конкретную: присылаю архитекторов, реставраторов, строителей, оплачиваю и поднимаем храм в кратчайшие сроки – все сделаем, по высшему разряду и как полагается. А святой человек отказался. Вот так.

– Если заблудшему душой ребенку дать все, что он пожелает, сразу и сколько хочешь, то душа его так и не вырастет и не найдет свой верный путь, поскольку ей не надо ни над чем трудиться. Пусть прихожане наши своим трудом, борьбой с зависимостью к алкоголю, преодолевая лень телесную и душевую, поднимают святыню. Она тогда во сто крат дороже и светлее для них будет. Но и от помощи твоей не откажусь.

Архитекторов и специалистов-реставраторов батюшка принял с благодарностью, а вот от строителей отказался, возложив эту миссию на местный народ, и денежку согласился принять, но малыми порциями, ежемесячно, по чуть-чуть, чтобы стройка не встала. И все.

Поразительно, но все то, что сказал ему тогда этот неординарный человек, в полной мере можно отнести и к Дине, к ее «малым усилиям, которые возвращают мир». К ее личности, натуре, духовной направленности и умению сопереживать, жалеть и любить, хоть люди и очень странные существа – они делают все, чтобы любить их было невозможно.

Гарандин посмотрел на Дину и улыбнулся, увидев, что она задремала, прислонив голову к оконному стеклу, измученная дорогой, своим все еще болезненным состоянием после аварии и непростым разговором.

И такая вдруг на него снизошла нежность к этой женщине, что в груди потеплело, и так вдруг сильно захотелось, как тогда в больнице, обнять ее, прижать к себе, закрыть, «приголубить», как говаривала его бабуля. Какое

замечательное слово: «приголубить», вот так именно. И почувствовать ее всю, рядом, своей, вдохнуть ее запах, околдовываясь навсегда его приворотом.

Он поймал себя на том, что непроизвольно высматривает удобное место на обочине, чтобы припарковаться и осуществить это свое желание. Усмехнулся, крутанул головой – как его пробрало-то!

И подивился внезапно пришедшей мысли, что так теперь с ним будет всегда. Надо же. И внезапно почувствовал какую-то молодую лихую радость в душе – здорово. Ведь как здорово-то, а.

«Пусть спит», – все с той же нежностью, к которой еще не привык, подумал Гарандин, откинул спинку пассажирского сиденья и придерживал ей голову, укладывая поудобней.

– Просыпайся, – услышала Дина совсем тихий голос Влада и легкое прикосновение его пальцев к щеке.

Открыла глаза и обнаружила, что лежит на разложенном кресле, заботливо прикрытая легким пледом.

– Долго я спала? – спросила она, выпрямляясь, потягиваясь и возвращая спинку в вертикальное положение.

– Около часа, – улыбнулся ей Гарандин и неожиданно спросил: – Как ты относишься к лошадям?

– К лошадям? – удивилась Дина.

– К ним, – улыбался ее недоумению и милой заспанной растерянности Влад.

Дина задумалась и честно призналась:

– Не знаю. В Праге каталась в открытом ландо по улочкам старого города, дети в парке иногда катались на лошадаках. Пожалуй, этим мой опыт и ограничивается.

– Крепись, – посмеивался Влад, – придется тебе сесть в седло и осваивать верховую езду.

– Почему это придется? – с недоумением посмотрела она на него.

– Вот поэтому, – указал он рукой куда-то вперед и пояснил: – Потому что это один из основных видов моей деятельности.

Проследив взглядом за направлением его руки, Дина увидела, что они подъезжают к ажурному высокому ограждению, которое тянется в разные стороны от дороги куда-то далеко-далеко, а прямо перед ними возвышается метров на десять над дорогой красивая кованая арка с изображением седел, уздечек, подков, вставших на дыбы лошадей и надписью:

«Коневодческая племферма и конноспортивный клуб «Карас».

Въезд в хозяйство перекрывал шлагбаум, расположенный аккуратно под прекрасной аркой. Рядом стоял охранник в форме с какими-то прибабасами на ремне, как у американских полицейских. Он вышел к ним навстречу не из какой-то маленькой будочки, а из вполне себе приличного, симпатичного двухэтажного кирпичного домика, вокруг которого был разбит палисадник с цветами и декоративными кустами, а из трубы на крыше вился тоненькой прозрачной струйкой еле заметный дымок, и за домом, на специальной площадке, стоял припаркованный небольшой джипчик.

И Дине от этой мирной картины домика в цветах и этого дымка из трубы вдруг совершенно непреодолимо захотелось немедленно попасть в домашний уют, свернуться клубком на каком-нибудь кресле, непременно у камина, закутавшись в плед и грея ладони о кружку горячего чая на травах, замереть так, наслаждаясь теплом, внутренней тишиной и умиротворением.

– Скоро дома будем, – пообещал Влад, безошибочно прочитав ее мысли, и улыбнулся.

– Добрый вечер, Владислав Олегович, – душевно поприветствовал охранник, подойдя к машине со стороны водительского места. – С приездом.

– Спасибо, Андрей, – кивнул ему Гарандин и сразу же представил свою спутницу: – Это Дина Константиновна, познакомься.

– Здравствуйте, – добавив в тон несколько многозначительных ноток, поклонился Дине охранник Андрей.

– Как там? – поинтересовался Гарандин, не дав Дине толком ответить.

– Все нормально, Владислав Олегович, – отрапортовал Андрей, – в штатном режиме, без происшествий.

– Без происшествий, это хорошо, – кивнул ему Влад, медленно трогаясь вперед и проезжая под величественной аркой.

Дорога была долгой, больше семи часов. Сначала шли по трассе «Нева», потом свернули в сторону Тихвина, но Гарандин даже не выглядел уставшим, проведя практически все это время за рулем. Или так сказывалось на нем возвращение домой? Орел-мужчина, всех его способностей она и приблизительно не знает, думала Дина, потихоньку поглядывая на Влада, который полностью погрузился в какие-то свои думы.

Но почти сразу она отвлеклась от размышлений о загадочной личности Гарандина, переключив все свое внимание на виды за окном, и в какое-то мгновение ее захватила, заморозила та необыкновенная картина, что открывалась взгляду.

Солнце катилось к горизонту, вспыхивая ало-оранжевыми и розовыми сполохами и подсвечивая редкие длинные облака. Впереди слева просматривалось, даже скорее пока только угадывалось какое-то длинное одноэтажное здание под терракотовой черепицей. И дальше за ней виднелся целый ряд каких-то еще строений, зданий, но отсюда, с этой точки, где они ехали, было не очень четко видно.

– Что это там? – спросила Дина.

– Конюшня, манеж, коневодческий комплекс, – объяснил Влад. – Завтра все покажу, сегодня уж поздно, и тебе отдыхать надо после дороги.

– Я ж не смертельно больна, – несколько ворчливо напомнила Дина, – и достаточно восстановилась.

– Семнадцать дней после наезда, – придав голосу строгости, напомнил Гарандин. – Сотрясение мозга, ушиб и рваная рана головы, разбитая рука на перевязи, даже синячище на бедре не сошел до конца – желтеет, зеленеет. Перечислять дальше?

– Гарандин, – преувеличенно-наигранно воскликнула Дина, – ты, оказывается, зануда и тиран.

– Еще какой, – подтвердил он с чувством. – Это я раньше характер свой сдерживал, хотел тебе понравиться, а не пугать до поры. – И пообещал: – Теперь раскроюсь во всей красе своих дурных привычек.

– Какая из них самая дурная? – иронично полюбопытствовала Дина.

– Командовать, – честно предупредил Влад.

Дорога плавно сворачивала вправо, оставляя левее и позади коневодческий комплекс, и так же плавно взбиралась на холм, перевалив через вершину которого начинала спуск к подножию следующего, гораздо более крутого холма.

Величественные, стройные стволы сосен, как ряды древних воинов, вставали практически ровной линией с обеих сторон, поднимаясь на вершину первого холма и перетекая зеленым ковром все дальше и дальше.

А перед самой кромкой леса, на первой вершине, стоял удивительный дом, казавшийся отсюда, с этой перевальной точки, каким-то кружевным, воздушным, необыкновенным. Благодаря холмистой структуре местности дом просматривался как на ладони, не скрытый садовыми деревьями и кустами, спускавшимися почти к подножью холма, к забору, опоясывающему по периметру весь огромный усадебный участок.

– Остановись! – резко произнесла Дина.

Не набравший большой скорости после подъема, джип мгновенно остановился, как ретивый, породистый конек. Завороженная великолепной панорамой, Дина вышла из машины, встала и смотрела на эту

удивительную усадьбу.

– Я частенько здесь останавливаюсь.

Дина так увлеклась погружением в свои ощущения, что не заметила, как Влад подошел и встал рядом.

– Это та самая усадьба, о которой ты говорил? – Дина посмотрела на него восторженным взглядом.

– Да, – не скрывая гордости и того особого отношения, которое испытывает человек к своему любимому детищу, произнес Гарандин.

Дина ахала и охала от восторга, осматривая приусадебный ландшафт: деревья, разнообразные растения на укрепленных каменными стенками площадках, дорожки, проложенные между ними, когда они с Владом медленно поднимались пешком по центральной аллее.

– Какая красота! – ахала Дина над елочкой или яблонькой, или кустами, или клумбой с многолетниками, или... да над всем, что встречалось по пути.

И остановилась, увидев наконец представший перед ней во всей своей красе двухэтажный дом.

Деревянный, сложенный из оструганных ровных бревен, опоясанный застекленными галереями, с чудными переплетами окон, создававшими иллюзию какой-то необычайной легкости.

Высокий второй этаж над этим пенным кружевом и какой-то маленький, угловатый и ломаный мансардный третий.

Перед ступеньками главного входа, ведущими через террасу в дом, стояли невысокая, пухленькая женщина лет пятидесяти, простоватая девчушка лет восемнадцати и парень лет двадцати пяти.

– Владислав Олегович, – сложив ладошки замком и притиснув их к груди, расчувствовавшись, радостно, до слезы в голосе, приветствовала женщина Гарандина, – ну вот вы и приехали. Как хорошо!

– Здравствуйте, Алена Васильевна, – поздоровался Влад и сразу же представил: – Знакомьтесь, это Дина Константиновна, а это, – повернулся он к Дине, представляя участников торжественного построения, – можно сказать, наш дворецкий и главная помощница по хозяйству Алена Васильевна и ее помощница Лена. Ну и наш специалист по технической части и вообще на все руки мастер Игорь.

Обменялись рукопожатиями, во время которых Дину посетила неожиданная странная мысль, что, наверное, в тех кругах, в которых вращался Гарандин раньше, не принято знакомиться с прислугой и уж тем более здороваться с ней за руку. И усмехнулась про себя этой мысли и последовавшей за ней, непонятно откуда взявшейся уверенности, что

плевал он на все условности и на все эти принято-непринято, вспоминая о них, только когда это было необходимо для дела.

Алена Васильевна засуетилась, развила активную деятельность, захлопотала, предлагая горячий ужин и отдых, и все улыбалась, осторожненько посматривая с интересом на гостью, приглашая Дину пройти в отведенную для нее комнату, где та могла бы переодеться и привести себя в порядок перед ужином.

Гарандин же, поднявшись вместе с женщинами по лестнице на второй этаж, доверил заботу о гостье верной домоправительнице. Сам же, приобняв Дину, пожелал (скорее, распорядился), чтобы она отдохнула перед ужином, и, коротко клюнув в щечку, вошел в дверь, за которой, видимо, находилась его спальня.

Дина, не удержавшись, иронично хмыкнула, уловив его приказную интонацию.

– Я предупреждал, – каким-то чудом услышал Влад ее тихое хмыканье и усмехнулся в ответ, – про привычки и характер.

– Ты командир, я поняла, – легко рассмеялась Дина и помахала ему ручкой, когда Гарандин, чуть сдав назад, вышел в коридор и посмотрел ей вслед.

Так и улыбалась, повернувшись к Алене Васильевне, которая героически сохраняла нейтральное выражение лица.

– Вот ваша комната, Дина Константиновна, – произнесла женщина, открывая соседнюю дверь.

– Благодарю вас, – улыбнулась ей Дина, переступая через порог.

И остановилась.

Просторная светлая комната с большим окном, обставленная прекрасной мебелью в стиле прованс довольно известной фирмы. Слева от входа в стене еще одна дверь, ведущая в личную ванную комнату. Шикарную, изысканную, стилизованную под тот же прованс. Дине необычайно понравилось все и сразу – и стиль, и тонкая изысканность, и даже легкие лавандово-фиолетовые тона трикотажа и милых безделушек, которые поддерживали общую идею дизайна. Да, хорошо – стильно и без перебора.

И сразу почти непреодолимо захотелось отдохнуть, плюхнуться на большую кровать, поваляться. И в самом деле что-то она устала и как-то сразу в один момент резко почувствовала ноющую боль во всем теле и эту самую неосознанную раньше тягучую усталость.

Как часто бывает, когда наконец достигаешь конечной точки своего путешествия или приходишь домой после долгого пути, и тебя словно

отпускает напряжение и как-то в один момент расслабляешься и чувствуешь всю накопившуюся усталость пройденного пути. Подумалось ей – да, это точно, она определенно расслабилась с дороги, надо бы привести себя в порядок.

– Простите, Дина Константиновна, – обратилась к ней Алена Васильевна, – но должна предупредить, что у нас принято пользоваться только экологически безопасными средствами гигиены. Так заведено и установлено Владиславом Олеговичем. Если вас не затруднит, вы не могли бы использовать те, что мы можем вам предложить? – И засуетилась, пригласив Дину жестом пройти в ванную комнату: – Тут есть все необходимое, – указала она на расставленные на полочках баночки с парфюмерией и моющими средствами. – Но если вам не подойдет эта продукция, вы поговорите с Владиславом Олеговичем.

Дина, просмотрев предложенный ассортимент, усмехнулась и поспешила успокоить явно несколько напряженную женщину. Бог знает, каких дам приходилось ей здесь принимать, может, и таких, кто не соглашался пользоваться экологически чистой продукцией, которые с большой претензией. Гарандин-то у нас из тех сфер заоблачных, где дамочки весьма особые обретаются.

– Никаких проблем, Алена Васильевна, – приветливо улыбнулась Дина. – У меня есть дочь Сонечка. Будущий ветеринар и активный борец за экологию. Всю семью построила. Для мусора специальное устройство на четыре разных контейнера: органика, бумага, металл и пластик. Есть даже отдельный контейнер для использованных батареек, которые она лично ездит сдавать раз в полгода на специальный пункт по утилизации. Косметикой мы пользуемся исключительно натуральной, без животных ингредиентов, которая не проходит тестирование на животных. Моющие средства у нас только биоразлагающиеся и тоже из натуральных компонентов. Поначалу все наши старушки дурели от эдаких нововведений, потом свыклись как-то, притерпелись, приноровились, хоть и ворчат иногда, когда отдирают металлическую крышечку от пластмассовой баночки из-под йогурта. Но терпят, как и мы все.

– Вашей Сонечке у нас очень понравится! – прямо-таки просияла заботливая домработница и всплеснула руками. – Девочка будет в восторге. У нас же тут все экологично. А сколько у нас животных!

– Боюсь даже представить, насколько сильно ей здесь понравится, – преувеличенно тяжело вздохнула Дина.

Экологично там, не экологично, но кое-как Дине удалось умыться. Хотя такую роскошь, как душ, она со своей рукой вряд ли бы осилила, по

крайней мере за короткое время перед ужином. Это морока долгая.

Дина уже попробовала проявить самостоятельность, принимая душ, когда вырвалась из отцовской клиники и вернулась домой. Закончилась эта инициатива легким матерком с поминанием недобрым словом той шалопутной девицы, из-за которой она угодила под гарандиновский «танк», и помощью мамы.

Хотя-я-я девочку-то она зря костерит, по-хорошему, ей бы, девочке той, «проставиться» не мешало и сказать большое сердечное спасибо, а то где бы был сейчас Гарандин? Просвистел мимо на своем черном джипаре, и не встретились бы.

Убедившись экспериментальным путем, что ванная и приятные водные процедуры ей недоступны как минимум еще пару, а то и тройку недель, разозлившись необычайно, на следующий день Дина отправилась в салон красоты. И вот там-то ее со всей нежностью и профессионализмом «обработали» от души. Промассажировали в свободных от травм местах, провели важные процедуры. Повезло, что она не красит волосы, они у нее немного светлее русых, по крайней мере, седины в них и без краски не видно, а свой родной цвет и так достаточно хорош.

И слава богу, что не красит. Как представишь, какая сейчас была бы на голове красота с отросшими корнями, выбритым куском на затылке и шрамом – и вот по ним красочкой... – бр-р-р.

Постригли, прикрыли, как могли, волосами образовавшуюся плешь. А на следующее утро – в машину и поехали – в усадьбу. Дышать свежим воздухом. И, может быть, делать что-то еще.

Сейчас, например, мирно поужинать очень бы хотелось.

Мирно поужинать удалось, а вот пообщаться с Владом – нет. Он быстренько что-то перекусил, сказал, что ему надо на ферму по какой-то неотлагательной надобности, поцеловал дежурно Дину в лобик, предложил отдохнуть-развлекаться на выбор: телевизор, Интернет, книги в библиотеке. И умотал.

Так что ужинала Дина хоть и не в одиночестве, пригласив составить ей компанию Алену Васильевну, но можно сказать, в информативном ограничении – на любые ее вопросы о доме, о жизни на ферме преданная помощница смущенно отвечала:

– Вам Владислав Олегович все сам расскажет.

Пришлось Дине самой выступить в роли главной рассказчицы, отвечая на вопросы о том, как произошла авария и какие повреждения она получила, о прогнозах врачей и... а вот дальнейшие «и» любопытной домработницы-дворецкого Дина остановила.

И ничего иного не оставалось, как после ужина подняться наверх в свою комнату, добраться наконец в так манившую обещанием отдыха широкую кровать и впериться в экран айпада, прерываясь на разговоры с родными и близкими.

Она все-таки задремала ненадолго и проснулась посреди ночи, когда совсем уж стало темно за окном. Настолько темно, что в первый момент Дина никак не могла сообразить, где находится, и даже немного запаниковала – чернота такая... кромешная, как в сказках, какой в городе никогда не бывает. И полная тишина. Вообще караул!

Настолько непривычно и как-то торжественно жутковато, что теряешься, и сознание начинает орать: «Ау, где я?!» Да здесь, здесь, успокоила себя Дина, сообразив, отчего так непривычно темно и тихо. Если говорить конкретно, то она в невероятно удобной кровати, в странном кружевном доме на холме, затерянном где-то между Питером и Тихвином.

Красота.

Лежала и слушала тишину, не такую уж и тихую, как показалось в первый момент – вот за окном ухнула какая-то ночная птица, дом тихо-тихо дышал и еле уловимо поскрипывал, шелестели еще голые апрельские ветки с чуть набухающими почками.

И Дина услышала, как жалуется ее тело.

Видимо, она все ж таки переоценила свои силы, надо было как-то понежней с собой, осторожней, ласковей, что ли, а то не успела выбраться из клиники, как совершила подвиг в душе, а потом и вовсе на пять часов в салоне зависла. И уж тем более не следовало спешить с этой поездкой, и ведь Гарандин не настаивал, говорил: «Смотри по самочувствию, я подожду сколько надо».

А ей на месте не сиделось, все рвалась куда-то. Ну не умеет она лежать, болеть, лениться и «смотреть по самочувствию». Движуха – девиз всей ее жизни, вот и решила, что надо ехать, уверенная, что у Влада ей определенно будет интересней и увлекательней, чем дома в постели.

Вот и доувлекалась до того, что все разболелось. Тело не столько болело, сколько стонало нудной, тягучей болью-ломотой, и все никак не удавалось нормально улечься, найти удобную позу. И голове больно, и локоть ушибленный разнылся, не пристроить его никак, и бедро тянет, и все порезы-ранки ноют. Она и так и эдак повернется-уляжется. Нет покоя. Ну нет никак.

Села, раздосадованная, посидела, прислушиваясь к этой непривычной, пугающей тишине, и поднялась с кровати. Прошла босиком к окну. Постояла, вглядываясь в черноту ночи. А нет, не такая уж и чернота – во-о-он там вдали, где ферма, несколько огоньков тускло посвечивают, впрочем, нисколько не разбивая темени, а лишь подчеркивая ее плотную густоту.

Стояла наедине с собой, со своими мыслями и чувствами, которые невозможно скрыть, да, собственно, которые она и не собиралась скрывать.

Сейчас. И завтра. И, кажется, как ни страшно, навсегда.

Решительно отойдя от окна, Дина вернулась к кровати, поскребла в темноте ногами по полу, нашарила и надела тапочки и решительно вышла из комнаты.

Влад знал, чувствовал, что она не спит, как чувствовал и понимал, что ее мучают растревоженные раны. Несколько раз думал пойти, просто лечь, полежать рядом, обнять. Но тут же отказывался поддаваться этому обманчивому порыву, отчетливо понимая, что вот просто так полежать, успокоить, находясь у себя в доме наедине с ней ночью в одной кровати, невозможно... Ну да, только есть нюанс: девушка-то у нас не в коматозе и не загипсована от шеи до ног, а вполне себе живая и активная. А он ее хочет. Таким поразительным устойчивым, глубоким и мощным желанием, которое, пожалуй, не испытывал раньше. Или к желанию примешиваются чувства, наделяя его гораздо большим смыслом и естественной красотой? А вот бог знает. Наверняка чем-то они его там наделяют таким особенным и глубоким, но уж точно, анализировать этот момент Гарандин не собирался.

Снова было подумал пойти к ней.

И тут внезапно ощутил всем своим существом, своей чуткой интуицией (настроенной на эту женщину с того самого момента, когда он первый раз заглянул ей в глаза), что она сейчас придет к нему сама. И развернулся от окна, у которого стоял, и сделал два шага вперед, когда

отворилась без стука дверь и Дина вошла в его комнату.

И, увидев его силуэт, заметный в размытой еле теплящимся светом ночника на тумбочке у кровати темноте, не останавливаясь, пошла навстречу. А он шагнул навстречу к ней.

Встретившись, обнялись, и Дина прижалась, вздохнула освобожденно, светло, положив голову ему на грудь, а Влад принял ее в свои объятия, как и мечтал, как хотел, загородив руками ото всего на свете, прижался лицом к ее волосам, вдохнул ее родной запах...

И они стояли, обнявшись, молчали, и было в этом столько теплой радости и тихого счастья, столько умиротворения, что оба, безошибочно чувствуя друг друга, задохнулись от внезапных чувств, от чего-то необъяснимо высокого, захватившего их на короткий миг.

Так и стояли. Неизвестно сколько.

– Не могу заснуть, – тихо прошептала Дина (Влад улыбнулся, слушая ее тихие вдохи-выдохи) и добавила: – Без тебя.

– Тогда давай ляжем, и я тебя пообнимаю, – так же тихо предложил он, – мне постоянно хотелось все эти семнадцать дней полежать рядом, прижимая тебя к себе.

Он помог ей забраться на высокую и большую кровать, попеняв слегка, что она на ночь сняла перевязь с руки. Дина даже не ответила, да и, правду говоря, просто пропустила мимо все эти его интонации – да пусть себе. Человек честно предупредил, что он командир, руководитель, вождь. А кем, собственно, он еще мог быть при такой биографии и социальном статусе?

Вот она и укладывалась, поудобней устраиваясь на правой стороне кровати, которую Гарандин заботливо уступил ей из-за необходимости оберегать пострадавшую правую руку.

Легли, Влад осторожно обнял Дину и прижал, уложив ее голову себе на плечо. Повозились еще совсем немного, приспособившись друг к другу, и затихли.

И плыли какое-то время в этих обнимашках, как в колыбели, чувствуя себя единым целым, пока Дина не почувствовала, что он как-то напрягся, отдаляясь от нее не столько физически, сколько душевно.

– Что-то не так? – спросила она с тревогой.

– Как раз все очень даже так, – усмехнулся Гарандин, признаваясь: – Мне сорок восемь лет, я наполовину уже старый, как говаривала моя бабушка. Я полагал и был совершенно уверен, что могу себя полностью контролировать в любой ситуации. Но я тебя настолько сильно хочу, что мое хваленое самообладание меня подводит.

– Какое счастье, – произнесла куда-то в его ключицу Дина, почувствовав бедром, о чем он говорит.

– Да, – согласился Влад с ней, – счастье.

Помолчали, чувствуя-переживая, как он вновь возвращается в их единение.

– А знаешь, – снова прошептала ему в ключицу Дина, обдавая своим горячим дыханием, еще больше распаяя и без того разгоряченного желанием Влада, – мы же с тобой еще ни разу не поцеловались по-настоящему. Всерьез.

– Это большое упущение, – серьезно сказал Гарандин и чуть отстранился, чтобы видеть ее лицо, – которое требуется немедленно исправить... – глядя ей в глаза, протянул он совершенно завораживающим, таким эротическим голосом, что у Дины по спине побежали мурашки.

А он наклонил голову, приблизившись к ней, и... исправил столь недопустимое упущение, накрыв ее губы своими.

Их обдало как кипятком изнутри, чувствами, выпущенными на свободу этим их первым поцелуем, и они погружались в него, усиливая напор, утопая, растворяясь в нем, и двигались дальше...

Дина пискнула, когда Влад задел ее больное бедро, и тихонько ойкнула, когда, подсунув ладонь ей под голову, он задел рану, и ахнула, когда неудачно повернула травмированную руку, одновременно чувствуя, как проходит сводящая с ума страсть, а Гарандин, прервав поцелуй, вдруг начинает неудержимо похохатывать, сотрясаясь всем телом.

– Ты знаешь, что юмор и смех несовместимы с сексом и убивают любую сексуальность напрочь, – поведала Дина нравоучительным тоном.

– Тебе следовало предупредить меня об этом раньше, – смеялся Влад, прижимаясь щекой к ее волосам. – Мы похожи на двух стариков, в которых выиграло ретивое, да болячки тормозят счастливое соединение.

– Тогда уж на одну, – согласилась с неоспоримой комичностью ситуации, в которой они невольно оказались, Дина, – на одну старушку. Ты у нас мужчина боевой во всех отношениях, хоть и наполовину уже старый.

– Ну все, все, – уговаривал их обоих Влад, успокаивая.

И попытался возобновить поцелуй, и Дина совсем уж тихонько пискнула, стараясь сдерживаться изо всех сил, и тут уж они оба не удержались, поддавшись охватившему их в одно мгновение приступу веселья.

Смеялись вовсю, обнимались и заходились хохотом, и Дина – теперь уж что, все можно – и ойкала открыто и постанывала от напоминавших о себе травм.

– Придется признаться честно, что ночь страсти не удалась, – подвел итог Влад.

– Да уж, не сложилось как-то, – согласилась Дина.

– Давай попробуем поспать, – распорядился Гарандин, – тебе вообще-то постельный режим и отдых прописан.

– Ну давай постельный режим и отдых, – согласилась Дина с сожалением.

Влад снова пристроил ее в своих объятиях самым наилучшим образом и придвинулся поцеловать коротким поцелуем. В тот же момент Дина подалась вперед с тем же намерением.

Их губы встретились и соединились в поцелуе... в таком поцелуе...

Вот этот, именно он, а не тот, что вызвал смех, и был их настоящим первым поцелуем! Таким, который срывает все ограничения и сносит напрочь разум – истинным, безумным и бесконечно сладким.

И у Дины больше не имелось никаких травм, синяков и шрамов, и не было и не могло быть никакой боли и неуклюжести, лишь ее горячее, гибкое, сильное, чувственное тело, отвечающее, отзывающееся на любое движение, на любое касание, на вздох, на любой призыв этого мужчины.

Сейчас она не помнила и не знала ничего ни о мире, ни о жизни, ни о боли, ничего, кроме его тела, его губ, его рук и обжигающей страсти этого потрясающего поцелуя. И она стонала от непереносимого желания, от сладостной муки и потрясающих чувств, вся устремляясь навстречу своему страстному желанию.

И шептала, звала, торопила...

А он держал в руках ее пылающее сексуальным нетерпением тело, так чутко улавливающее все его движения, стремления, ласки, и целовал, пропадая в ней бесповоротно и окончательно, и вошел стремительно, мощно, соединив их тела, отдавая всего себя этой женщине и порабощая ее своей страстью и любовью.

Телом, душой, сердцем.

Они неслись вдвоем к первой своей вершине, в первом своем фантастическом единении и стонали от переполнявших, захвативших их чувств и невероятных ощущений.

И он поднял, поднял, поднял их туда, куда они так стремились попасть вдвоем, где и должны были оказаться – и взорвался их сумасшедший оргазм один на двоих, как великий дар, как нежданная награда, как наивысшее откровение, дарованное только им двоим.

Ведь редко кому дается такое счастье – вместе достигнуть такого уровня оргазма. А им вот выпало. Повезло.

Но это они поймут, прочувствуют и осмыслят позже, а сейчас...

Сейчас они тихо парили, все еще испытывая отголоски своего великолепного единения и остывающей страсти, обессиленно переплетаясь руками-ногами, теперь уж без всяких ухищрений, потеряв ощущение.

Так и заснули, не в силах даже накрыться одеялом.

Дина проснулась, открыла глаза, осмотрелась, не сразу сообразив, где находится. А сообразив, задалась самым естественным в такой ситуации вопросом: а где, собственно, ее партнер по офигенному сексу, господин Гарандин, и почему она одна поживает в его кровати? Судя по всему, в ванной комнате, дверь в которую была приоткрыта.

Так, для начала следовало бы одеться, хотя бы найти свою пижаму. Из кровати она выбралась не без сожаления, уж больно там было хорошо и уютно, и от ярких воспоминаний горячая волна пробегает по всему телу... Пижаму она нашла сложенной стопочкой на кресле и кое-как умудрилась натянуть на себя одной рукой. Воровато-осторожно выглянув из двери, покрутив головой туда-сюда и не обнаружив никого в коридоре, Динка торопливо проскочила в свою комнату.

Взяла смартфон с тумбочки и набрала номер Гарандина.

– Привет, – практически сразу отозвался тот и спросил, явно улыбаясь (она вот прямо видела, как меняется мимика его лица с этой улыбкой): – Как себя чувствуешь?

– Хотелось бы порадовать твое мужское эго, отрапортовав, что офигительно, великолепно, что ночью было нечто, – немного вредничала Динка, – но, к сожалению, анестезия уже прошла, и как-то оно... Терпимо, в общем и целом.

– Я сейчас пришлю Лену, она поможет тебе принять душ и одеться, и мы позавтракаем.

– Подожди, – остановила она его, уловив какие-то звуки фоном на заднем плане в трубке. – Ты не дома?

– Нет, я на ферме, но через полчаса подъеду к завтраку.

– Экий ты энтузиаст своего дела, – похвалила Дина.

– Да, я такой, – подыграл ей Влад.

Душ был мучением. Дина смущалась доверить мытье незнакомому человеку и возилась, управляясь левой рукой, самостоятельно, согласившись лишь на мытье головы с последующей укладкой волос. Ладно, худо-бедно справились общими усилиями, а укладка у Леночки была так и вовсе выше всяких похвал. К тому же пришлось девушке помогать Дине еще и одеваться.

В тот момент, когда она спускалась по лестнице, Влад как раз заходил

в дом. Встретились взглядами...

Дине казалось, что она непременно будет смущаться, у нее бог знает сколько не было мужчины, да и вообще мужчин тех было, после рождения Кирилла, так... ни о чем. Ну случилась пара-тройка непродолжительных романов, ничего выдающегося: один папин интерн, один коллега по работе и третий пациент, к которому они приезжали по вызову. Ничего серьезного, так, легкая влюбленность, неплохой секс в первых двух случаях и несколько странноватые ухаживания и не впечатляющий секс в третьем случае.

При той действительности, в которой она жила годами, какие там мужчины и романы? Сплошная работа, учеба, маленькие дети, выживание, потом снова учеба, работа, растущие дети, опасности и изматывающий спорт. Кто-нибудь думает, что при таком графике жизни нелишним был бы какой-нибудь романчик?

Ну вот как-то так сложилась ее жизнь. Кому-то повезло больше.

А тут не пойми что – семнадцать дней назад он сбил ее на машине – и ать, вот она уже у него в доме и почти не сомневается ни в чем.

Вообще ни в чем. Даже в нем. Что, согласитесь, как-то не очень нормально.

А тут она увидела Влада, и в тот же миг выяснилось, что все бесконечно просто – глаза в глаза и светлая радость от одного этого взгляда, и ощущение наполненности. Да что же это такое, господи боже?

Они встретились, обнялись с ходу, застыли на пару мгновений, задержав дыхание, оба прикрыв глаза, чтобы лучше, полнее почувствовать друг друга. Прижались и стояли, переживая этот особенный момент.

Все просто. Все очень, очень просто. И бесконечно сложно составлено в этом мире.

– Привет, – сказал он, заглянув в ее глаза, и улыбнулся.

– Привет, – ответила она, посмотрев в его темно-янтарные глаза, и улыбнулась в ответ.

Вот и все. А за этим целый мир.

– Пошли завтракать, я ужасно голодный, – быстренько поцеловав ее в губы, распорядился Гарандин.

– М-да, – легко посмеялась Дина, – придется тебя приучать понемногу к существованию огромного разнообразия интонаций, кроме руководящей.

– Ну попробуй, – разрешил Гарандин.

– Расскажи мне про дом, – попросила Дина, когда они уже сели наконец за стол завтракать. – Ведь понятно, что он какой-то особенный.

– Понятно? – чуть вопросительно приподнял одну бровь Гарандин.

– Мне это совершенно очевидно, – пожала плечами Дина.

– А что, Алена Васильевна не поделилась впечатлениями? – улыбался Влад, смакуя поразительное, неизвестное ему ранее чувство какого-то абсолютного счастья.

– Нет, как правильный и преданный дворецкий, Алена Васильевна по всем вопросам отсылала меня к первоисточнику, то есть к тебе, – радовалась Дина.

– Давай так, – предложил план Гарандин, – мы сейчас поедим, и я проведу тебе экскурсию по дому и участку и расскажу в общих чертах.

– Почему в общих? – ухватилась за слово Дина.

– Потому что для деталей у нас будет много времени впереди, – многозначительно посмотрел на нее Гарандин.

Но после завтрака они не сразу отправились в увлекательную экскурсию по загадочному дому, а долго, затяжно, упоенно до головокружения, до закипавшей крови, ударившей обоим в голову, целовались в каком-то закоулке на первом этаже, куда затащил ее Влад, и никак не могли оторваться друг от друга, пока у Гарандина в кармане не запел смартфон, разбивая страстное очарование момента.

С сожалением оторвавшись от Дины, Гарандин ответил на вызов и, быстро закончив разговор, посмотрел на нее с явной досадой, тяжело вздохнул, смиряясь с неизбежным, и, резко переключившись, деловито произнес:

– Так, дом. Идем – покажу.

И ухватив Дину за левую, здоровую руку, повел куда-то за собой целеустремленной, быстрой походкой, рассказывая на ходу:

– Прежде чем начать строить усадьбу, а это именно усадьба по своему функционалу и размерам, около года здесь велись только изыскательные работы. Геологоразведка грунтов и пород, глубокое бурение, изучение местного климата: количество солнечных дней в году и роза ветров, архивные данные наблюдений метеорологов.

– Это что, было необходимо? – поразилась Дина. – Ты ведь не город возводил и не небоскреб какой, а одно строение?

– Потому что это не простое строение, – пояснил, улыбаясь и радуясь ее живому интересу, Влад, – а экологическое, полностью автономное строение.

– Ничего себе, – поразилась Дина. – Если честно, я о таком даже не слышала. Это что, какие-то новые веяния и тенденции в строительстве?

– С одной стороны, новые, а с другой – давно забытые старые.

– И зачем это тебе? – все выпрашивала она.

– Не только потому, что я прогрессивный человек, – посмеивался над ее откровенной озадаченностью Влад, – но еще и потому, что мне это было необходимо в тот момент для полной перемены жизни. И потому, что меня невероятно захватила сама идея и проект.

– Ты что, сам его строил? – изумилась Дина.

– Ну не в одиночку, разумеется, но участие принимал самое непосредственное и активное. Для начала, собрав все данные, мы вместе с одним гениальным архитектором, которого я нанял, делали проект, учитывавший все мелочи и нюансы. Всю техническую сторону я разрабатывал самостоятельно, но консультируясь со специалистами. А так да, и бревна клал иногда со строителями вместе, и за топор брался. Но скорее потакая своему азарту и желанию узнать что-то новое, а так моя зона ответственности – это техническая часть проекта.

– Но что это такое – экологический дом?

– Что такое?.. – Влад задумался, как бы популярней и точнее ей объяснить. – Экологическое жилье не наносит вред ни природе, ни самим хозяевам, при его строительстве применяются как современные технологии, так и древние, практически забытые приемы. Ну например: тепло и отопление получают от земли, то есть на большую глубину, где всегда одна и та же плюсовая температура, опускаются специальные трубы, через которые проходит жидкость. Попадая в систему отопления дома, эта жидкость уже не требует сильного нагревания, таким образом затрачивается минимум энергии, которая, в свою очередь, получается от солнечных батарей и от переработки органических отходов. Более чем достаточно, даже с избытком выходит.

Тепловые насосы, утилизация отходов до полного преобразования в полезное сырье-удобрение, отдельный сбор мусора, отказ от пластика. Особая фишка – возвращение выработанной энергии и использование ее повторно.

А вот из древних знаний само устройство дома: глухая стена без окон на севере, соблюдение принципа «матрешки» – внутренние стены имеют много слоев с буферными прослойками. А вокруг внутренних, так называемых зимних помещений располагаются летние – закрытые круговые террасы с демонтируемыми окнами, которые снимают на лето и ставят на зиму, и получается, что «основной» дом окружен застекленными террасами, сохраняющими зимой тепло, а летом прохладу.

Обязательны «коньковые» окна под скатом крыши, под разными углами, которые вентилируют воздух лучше всякого кондиционера. А на южной стороне дома устраивается зимний сад, оранжерея...

В это время они и вошли в ту самую оранжерею.

– О-фи-геть! – произнесла потрясенная Дина. – Просто что-то невероятное. – Она потрогала руками плотные листья какого-то пушистого куста. – У нее есть какое-то особое назначение? Ну кроме, разумеется, того, чтобы прятаться в зарослях и предаваться любовным страстям.

– Есть и второе, – подтвердил, усмехнувшись, Влад, – здесь собраны растения, которые лучше других уничтожают свободные радикалы и обеззараживают воздух. В доме всегда поддерживается чистая среда за счет его особого устройства и инженерной системы управления. Для света, воды, воздуха, отопления – своя система. Например, у нас в доме круглый год поддерживается одна и та же температура в двадцать градусов: ни холодно, ни жарко, и он практически не требует отопления. Сейчас террасы застеклены, а летом мы окна снимаем, оставляя всего несколько рам, которые стоят таким образом, что как бы улавливают и направляют поток ветра вкруговую, обдувая и создавая дополнительную прохладу, причем с какой бы стороны ни дул ветер.

– Это что-то фантастическое, Влад, – восхищалась Дина, совершенно потрясенная всем, что он ей показал и рассказал.

– Это не так уж и сложно, – задумчиво почесал бровь Гарандин характерным жестом, который Дина давно заметила у него и который казался ей чувственным и завораживающим, – и в принципе вполне доступно каждому, кто хотел бы строить свой дом, да еще и выгодно. Мы, например, уже давно не платим ни за газ, ни за свет, ни за воду, которую получаем из колодца под землей, через систему каскадных насосов. Вот почему у нас строгий запрет на любую бытовую химию, потому что она проникает в почвенные воды, а через них в водоемы и реки и загрязняет воду на огромном расстоянии вокруг. А мы эту воду потребляем.

– А на ферме?

– На ферме система такая же, правда, более масштабная и от того более сложная, но также абсолютно экологичная.

– Но ты же не из экономии придумал и сделал этот проект? – внимательно посмотрела на него Дина.

– Нет, не из-за нее, – иронично усмехнулся Гарандин и вдруг сделался серьезным: – По другой причине.

– Расскажи, – тут же загорелась интересом Дина.

– Это длинная история, – поколебавшись пару секунд, ответил он.

Погружаясь в какое-то свое, непростое воспоминание, он внезапно, словно переключаясь, улыбнулся и притянул к себе Дину, обнял за талию двумя руками и, напустив в голос эротических тонов, предложил

полушепотом:

– Может, испробуем любовных страстей в зарослях?

– С удовольствием, – ответила Дина, но кое о чем вспомнив, скривилась, посмотрев с досадой на буйную растительность. – Но, видимо, в какой-то другой раз. К сожалению, для таких экспериментов я пока не совсем здорова.

– Хорошо, отложим освоение оранжереи до более удачных времен, – согласился Влад и предложил особым, еще более низким и тихим голосом, придав ему эротическую нотку: – И быстро пройдем в мою комнату.

Дина придвинулась, притиснулась, прижавшись к нему посильней, насколько это было возможно сделать с рукой, закрепленной на бандаже, запрокинула голову и ответила таким же эротичным, игривым тоном:

– Может, сначала поцелуй, чтобы ускорить пробег до комнаты?

– Нет, – остановился уже склонившийся было к ее лицу Гарандин, с сожалением заметив: – Мы тогда точно из джунглей не выберемся. – И предложил: – Просто быстро идем. Ну или бежим.

– «Идем» звучит как-то солидней, – поддержала инициативу Дина.

– На хрен! – отмел мужчина всякие условности.

И, привычно ухватив ее за левую руку, стремительной походкой направился к лестнице, таща за собой еле поспевавшую Дину.

Оба лишь смутно помнили, как бежали по ступенькам на второй этаж, как влетели в комнату Влада, в последний краткий миг успевшего захлопнуть за собой дверь, прежде чем пропасть в поцелуе.

И отчего-то этот поцелуй и их объятия, ласки были еще более ослепляюще-яркими, еще более одуряющими и чувственными, чем в их первый раз, или это им только так казалось от того, что они успели соскучиться друг по другу телами – бог с ним, непонятно почему...

Но было так потрясающе и невероятно мощно, и столь чувственно и яростно, что они уже ничего не соображали и неслись вперед, как-то умудрившись раздеться и оказаться все же в кровати, а не где-то еще, сразу же соединившись одним мощным движением Влада, вошедшего в Дину.

И вдруг замерли, растянув этот момент из-за поразивших обоих потрясающих ощущений, и утонули в глазах друг друга и... сорвались, понеслись вперед, не отрывая взгляда, прикрыв глаза лишь тогда, когда достигли своего пика.

Вместе. Опять вместе. Как чудо.

– Охо-хо мои рученьки, мои ноженьки, – стонала пришедшая в себя Дина минут через пятнадцать, потребовав без перехода: – Идем смотреть сад-огород, участок.

– Нет, – резко ответил Гарандин, в виде компенсации за отказ целуя ее в макушку. – Тебе надо лежать и отдыхать. Мы и так нарушили все врачебные инструкции и наказания твоего папеньки.

– Папенькины наказания на то и существуют, чтобы их нарушать, – лениво препиралась Дина, скорее из игривости и немного по-женски наперекор, чем из-за желания на самом деле двигаться и куда-то там идти, – а врачебные инструкции...

– Мы не будем, – перебил ее Гарандин. – Тебе и на самом деле прописан постельный режим и покой. Не забывай про сотрясение мозга, я выяснил все подробности и всю информацию про твои травмы и возможные негативные последствия. К тому же, Дин, – перешел Гарандин совсем уж на серьезный тон, – на самом деле: сегодня только восемнадцатый день, еще три дня назад ты лежала на больничной койке, и тебе запрещали даже двигаться.

– А теперь вон я какая подвижная, – подхватила его мысль она и опередила следующее высказывание: – Ладно, ладно. Согласна с тобой, хоть и частично. Мне же ужасно любопытно и про участок, он же наверняка такой же непростой, как и твой домик, и про ферму интересно все-все разузнать, понять. Но ты прав, надо как-то себя придержать. А ты можешь остаться со мной? – И поспешила заверить, прочитав все, невысказанные им мысли на его лице: – Нет-нет, не в постельке, все чинно-благородно. Сядем в кресле у камина, который на удивление имеется в твоём экологичном доме, хотя, по логике, ему тут не место.

– Дань моей прихоти и детскому представлению об уюте в домах, – внес уточнение Влад.

– Вот возле прихоти и сядем, тем более она мне невероятно нравится, полностью соответствуя концепции уюта, – продолжила Дина, – и ты расскажешь, куда странным образом делся господин Гарандин из крутых богатеев и списка «Форбс» и как и почему появился на смену ему Владислав Олегович, хозяин изумительного, чудесного дома и конноспортивного клуба и загадочной и непонятной для меня пока какой-то там племфермы.

Гарандин молчал, не ответив сразу же согласием, видимо, прокручивая в голове не самые приятные мысли. Дине, пристроившей голову у него на плече, даже не понадобилось отодвигаться и заглядывать ему в лицо, чтобы разобраться в его настроении, она совершенно явственно чувствовала его напряженность, его энергию и эти его трудные мысли.

– Ну давай, – коротко согласился он.

Но сначала они пообедали и только после устроились, как и

предложила Дина, в креслах возле камина, который по этому случаю растопил Влад. Он все больше отмалчивался, пока они ели за большим столом в гостиной, а после обеда так и вовсе погрузился в себя, и Дина видела, насколько он сосредоточен, насколько непросто дается ему решимость на этот разговор.

Растопив камин и опустившись в невероятно уютное и удобное кресло, Влад помолчал еще какое-то время, глядя на разгорающийся огонь, почесал бровь этим своим эротичным жестом, вызвав у следившей за ним Дины жаркую волну в теле.

– Начну с небольшого вступления, – начал Гарандин свое повествование, остужая эротический настрой Дины. – Все серьезные, крупные капиталы в мире сколачивались пиратством, убийствами, мародерством, разбоем, откровенным грабежом и обманом. Все так называемые старые состояния Европы есть не что иное, как результат каперства, разорения покоренных народов и заработка на войне. Ничего нового человечество не придумало – сначала грабят, потом десятилетиями отмывают и легализуют награбленное, продолжая грабить уже в ограниченных законом рамках. Даже если в основе баснословного состояния лежит некое необычайное открытие, суперидея, новаторство, то рано или поздно наступает момент, когда для дальнейшего продвижения этой новой идеи, открытия прибегают к тому же обману, наживе на войне и тем же технологиям отъема денег. Практически точно так же делались начальные капиталы в нашей стране в девяностых. И если какой-то бизнесмен высшего звена рассказывает, что наработал первичный капитал исключительно праведным путем в белых перчатках, можно начинать громко смеяться. Все проходили через мошеннические схемы, сверхприбыли на пустом месте, откровенный грабеж страны, вопрос лишь в том, до какого уровня при «решениях» своих проблем позволяли себе доходить те или иные бизнесмены (назовем нас так), чем не гнушались или могли ли переступить определенную черту. Хотя на том уровне, о котором я говорю, такие мелочи, как мораль и человеческая жизнь, уже совершенно не имеют значения для многих, для большинства.

Замолчал, глядя на схватившиеся пламенем дрова в камине, и встал.

– Сейчас вернусь, – пообещал он уже на ходу недоумевающей Дине.

И куда-то ушел. Вернулся достаточно быстро, неся графин с яркомалиновой жидкостью и два стакана.

– Морс из наших ягод, – объяснил Влад.

Наполнил оба стакана, один протянул ей, другой взял сам, сел в свое кресло, отпил в задумчивости и продолжил, все так же глядя на огонь:

– Нам с Максом было по девятнадцать лет, когда мы провернули свою первую бизнес-аферу с кассетами, подняв офигительные деньги. Мы были молодые, дерзкие, глупые зарвавшиеся щенки, ничего толком не смыслившие в делах, в которые ввязались против матерых партийно-чиновничьих зубров, папенькиных мажоров разных мастей, наворовавших капитал аккурат к перестройке и слому старой системы, и комсомольских работников из горкомов-райкомов, имевших еще ту бульдожьё хватку. Но мне служила целью моя одержимость восстановить справедливость, в которую я уперся, как кремень, которая, в свою очередь, являлась мощнейшей мотивацией стремиться вперед. А Макса двигало призвание, его неистребимый дух авантюризма, его идеи, которые порой казались полным бредом, но срабатывали практически безошибочно, что только подстегивало его небывалый азарт. И этот наш почти детский восторженный задор толкал нас двигаться вперед, не ведая, чем могут обернуться все эти наши «бизнес-проекты». Мы не осознавали степень риска, не понимая, что в те годы такие люди, как мы, имеют льготные блатные места на кладбище. Но что бы ни говорили про девяностые, то дикое, разбойное время давало уникальный шанс многим решительным и талантливым в разных сферах людям, по ходу отсеивая большую их часть неестественной убылью: у кого не выдержало сердце, кого устранили, а кто сам не смог подняться выше определенного уровня, не выдержав энергии и силы больших, шальных денег, пропив-прогуляв, проиграв их, спустив на понты и пустые, обманные прожекты. Разумеется, без поддержки и помощи Варгина-старшего и его министерских связей мы вряд ли бы так стремительно и настолько высоко поднялись. Но весь вопрос не в старте как таковом, а в способности после него держать уровень и переть вперед, набирая высоту. Что дано очень немногим. Нам с Максом было дано. И нас было уже не остановить, когда мы перешагнули определенный рубеж. Мы многое делали инстинктивно и вопреки всем законам. Никто не делит активы на два направления на начальном этапе становления капитала – это бред и потеря уровня, статуса и денег. А мы поделили, забив на все, и только выиграли от этого. Каждый раз Макс умудрялся сгенерировать какую-нибудь очередную дерзкую, прорывную идею, дававшую нам новый качественный толчок вперед. Это его талант, призвание, гениальность, он чувствовал себя, как большая опасная и свободная рыба в той воде. А мы с ним были не просто друзья, мы были как одно целое, больше, чем братья, идеально дополняя друг друга своими индивидуальными качествами, талантами и способностями. Бизнес – это не мое призвание и не мой талант, но я поймал тот особый азарт, когда закручиваешь такие

многоходовки, что мозги скрипят, а ты доводишь дело до идеального воплощения и побеждаешь. Это, конечно, особое чувство, на него подсаживаешься. На каком-то этапе этот азарт стал для меня пропадать, превращаясь в обычную рутину. Но к тому времени я уже был на вершине, а это совсем иное устройство мышления, другое восприятие действительности и иная жизнь, недоступная пониманию обыкновенного человека. И я жил ею, принимая все сопутствующие привилегии и практически неограниченные возможности.

Женщины? Да, разумеется. Помимо трех неудавшихся браков, женщины были разные. Какие-то задерживались дольше, какие-то были мимолетными, проходными, были и очень известные дамы, но все как бы из одного «лукошка». Надо сказать, что молодой, пусть не красавец, но очень интересный, невероятно привлекательный мужчина, спортивный, подтянутый, обладающий особенным острым умом, – сам по себе величайший приз. Ан нет, раз при таких деньгах, то уже не важно, красавец – не красавец, орел – не орел. Даже честные и порядочные девушки будут искать с ним близости в первую очередь из меркантильных соображений, а его мужская привлекательность и физическое величие будут лишь дополнительным бонусом к выигрышу...

Как говорится: не стоит путать романтику с платежеспособностью, а если учесть, что доступ в жизненную зону людей такого уровня жестко ограничен, то повстречать простую женщину, которая бы тебя искренне полюбила без привязки к твоим капиталам и возможностям, совершенно нереально. Но даже если представить, что такое чудо вот взяло и случилось, казалось бы – вот оно, счастье, ага, не все так весело и просто, такой мужчина в любом случае будет воспринимать и эту женщину, и ее искреннюю любовь через призму своего положения, социального статуса и возможностей, нивелируя и обесценивая это чувство.

Да бог с ними, с женщинами, господи. Не о них же, ей-богу. В какой-то момент Влад все чаще стал ловить себя на том, что ничего не хочет, что перестал ощущать вкус и радость жизни.

– Так давай отдохнем! – призывал его Макс в ответ на жалобу друга. – Ты просто устал.

И тащил в какой-нибудь немыслимый экстремальный вояж, в Австралию в дикий буш или куда-нибудь в Гималаи, в джунгли или африканскую саванну, так что стонали и рыдали обе службы безопасности Варгина и Гарандина, выворачиваясь наизнанку, чтобы обеспечить их охрану и безопасность.

А Макс этот экстрим был по кайфу.

Он вообще жил такой мощной наполненной жизнью, наслаждаясь скоростью, сменой впечатлений и ощущений, что Влад только диву давался его энергии и вечной движухе. Но благодаря именно этой неумности Макса Гарандин и подводное плавание освоил, и езду на собачьих упряжках, и много чего другого...

Но не грело, не грело ничего...

– Я мог позволить себе любой каприз, любую, даже нелепую покупку или прихоть и испытывал при этом внутри все более нараставшее ощущение пустоты, нехватку чего-то важного, ценного, а что – никак не мог понять, уловить, сформулировать. Это было, по меньшей мере, нелогично и порой откровенно мучительно и ужасно раздражало: обладать всем и в то же время оставаться ни с чем. Кто не испытывал этой странной душевной жажды и ощущения внутренней пустоты при практически неограниченной возможности иметь все, что захочешь, этого не поймет.

Как-то раз они договорились с Максом встретиться и пообедать вместе, когда их рабочие графики пересеклись и они одновременно оказались в Москве. Их референты, занимавшиеся устройством этой встречи, сняли на три часа один из самых крутых и элитных ресторанов.

То есть целиком сняли, весь зал.

Понятное дело, в целях безопасности, ну и чтобы никто не мешал друзьям общаться. Все в тех же целях безопасности охрана всегда настаивала, чтобы столик, занимаемый ими, находился как можно дальше от окон.

Но не в этот раз. То есть охрана-то настаивала и страшно напрягалась, когда мужики выбрали для себя стол у высокого большого окна, но терпела выкрутасы работодателей, куда ж деваться.

Сидели, что-то обсуждали, с удовольствием ели, искренне радовались встрече, когда вдруг Макс, заметив кого-то за окном, ничего не объясняя, стремительно сорвался с места и рванул к выходу, а за ним, понятное дело, помчалась и вся его ошарашенная охрана. А Влад наблюдал в окно почти комичную сцену: бежит по улице Варгин, а вокруг него бегут телохранители, дико озираясь по сторонам. Смешно получилось.

Но Макс быстро догнал-таки объект своего столь горячего интереса, которым оказалась стройная девушка – окликнул, она обернулась, остановилась. Он подошел, взял в руки ее ладошку каким-то пронзительным, поразившим Влада, очень осторожным и нежным жестом и заговорил, улыбаясь, с той же особой нежностью, которую Влад никогда в нем не замечал.

Они разговаривали, девушка что-то отвечала, Макс не сводил с нее

взгляда, а охрана загородила их оборонительной стеной. Но вот девушка медленно вытащила свою ладошку из его рук, что-то произнесла, чуть наклонив головку, видимо прощаясь, охранники расступились, попуская ее, и она ушла. А Макс все стоял, долго провожая ее взглядом, потом тряхнул головой, словно освобождаясь от непрошенных мыслей, и решительным шагом направился обратно в ресторан.

– Ну и что это было? – не удержался от естественного вопроса Гарандин.

– Помнишь, в прошлом году я как-то две недели играл в обычную жизнь? – спросил Макс.

Ну да, случился такой заскок у Варгина, Влад отлично помнил. Кто-то подбил авантюрного Макса на эдакую прихоть – пожить хоть несколько недель жизнью хотя бы топ-менеджера, а лучше – кого пониже статусом, то есть обыкновенного человека. Забились они с тем подстрекателем на какие-то крутые договоренности. И Макс загорелся идеей.

Ему сняли квартиру, переодели в одежду определенной ценовой стоимости, затарили холодильник продуктами того же ценового ряда, продумали все мелочи быта холостого мужчины этого социального статуса, и он ходил утром «на работу» в свой собственный офис, но под видом одного из служащих, менеджера среднего звена. А охрана, как идиоты, переодевшись в обычную одежду, мимикрируя под городскую среду, тайно следовала за ним почти незамеченной. Дурь полная. Но Максу нравилось.

– Вот тогда я и познакомился с этой девушкой, – объяснил Макс. – Она принимала меня за того, кем я прикидывался, а я прямо почти вжился в этот образ. И запал на нее настолько серьезно, что, знаешь, полюбил девочку. Полина ее зовут.

– Да ладно, – обескураженно посмотрел на него Влад.

С женщинами в жизни Макса дела обстояли самым великолепным образом. Их было много, и все, как на подбор, нереальные красотки, много известных и медийных леди, и даже совсем не леди. В кого-то он влюблялся, на ком-то он даже женился, но вся его увлеченность-влюбленность проходила очень быстро, сменяясь новым офигительным бурным, красивым романом, столь же стремительно подходившим к концу. Он был пять раз женат, имел двоих детей от разных жен: дочь и сына, совершенно не интересовался их жизнью, принимая в ней участие только деньгами и обеспечением неограниченных возможностей для своих чад. Он никогда не любил ни одной женщины, не отдавал ни грамма себя им, словно скользя по поверхности отношений, так, мимоходом, как ребенок, меняющий яркие игрушки. И уж совершенно определенно никогда бы, ни

при каких обстоятельствах не побежал бы ни за одной из них сломя голову, увидев в окне.

А тут вдруг здрасьте, такое вот откровение.

– Во-первых, почему я не в курсе? – спросил ошеломленный Гарандин. – А во-вторых, если все так всерьез, почему она не при тебе?

– Она мне отказала, – грустно усмехнулся Макс.

– Не понял? – окончательно обалдел Влад. – Это как, поясни?

Ребята, что бы вы ни говорили и ни придумывали себе, но мужчинам такого уровня женщины не отказывают. Никогда.

То есть вообще.

И не надо диких фантазий, сформированных нашим веселым кинематографом: мужчинам такого уровня не требуется уговаривать женщин или как-то принуждать-склонять их к близости, это даже не смешно. Там настолько зашкаливает энергия мужского созидательного начала, настолько мощная личность самого человека, а к ней еще и фантастические возможности добавляются, что женский инстинкт сносит любую мораль и воспитание к той самой маме. К тому же это просто потрясающе интересно общаться с людьми такого уровня, знаний, талантов, особого мышления, масштабов и способностей.

То есть понятно, да? А тут отказала!

– Да, – иронизировал над собой Макс, – сходил в народ. Познакомились в кафе у Консерватории, у меня там встреча была. Изображать можно хоть кролика, но дела-то не бросишь. Представился тем, кого играл: менеджером среднего звена моей компании, а она студентка, скрипачка, утверждают, что офигенно талантливая, будущая звезда мировая. Верю. Крышак у меня снесло сразу, а я уж и забыл, как надо нормально ухаживать за девушками, демонстрировать себя и свои лучшие качества. Но как-то справился. А в постели так вообще улетел от нее. Неделю от себя не отпускал, а тут Громов притащился с утра пораньше, когда она со мной была, у меня же вся связь через него держалась, ну и шепчет, как из пушки, мол, министр встречу назначил. Полина услышала, пришлось признаваться, кто я и почему тут выпендриваюсь. А она, представляешь, обо мне никогда вообще ничего не слышала и знать не знает, кто я на самом деле. Ей все бомонды, элиты, медийные лица до лампочки, другой мир, другая планета, у нее музыка, пахота, я тебе скажу, еще та: сутками играет до мозолей на пальцах. Я ей предложил все, что можно, и больше того. А она отказалась. Ладно, думаю, через недельку повторю заход, но уже всерьез. А она и всерьез отказала, вот так, – протяжно вздохнул он, посмотрел в окно и вдруг сказал поразившую

Гарандина мысль: – Я могу что угодно с ней сделать и занять ее хоть прямо сейчас. Но она замкнется в себе и никогда не будет со мной. Вот и все. – И посмотрел странным, очень глубоким взглядом. – Такие девочки, Влад, они не про нас, они для настоящей жизни.

Влада тогда до глубины души поразили эти его слова, зацепив всерьез, засев в сознании гвоздем.

– А у нас что, ненастоящая жизнь? – даже как-то рассердился на него Гарандин.

– Конечно, – усмехнулся Макс. – Посмотри вокруг, – он обвел рукой пустой зал, – в настоящей жизни кто-то будет сидеть в ресторане, полностью снятом для него? Нашей жизнью живут несколько сотен человек, ну пусть пара-тройка тысяч, а людей семь миллиардов. Что нормального и естественного в нашей жизни? Мы ведем совсем иную жизнь, чем все человечество. У нас свободы меньше, чем у любого среднестатистического человека. Зато дорого-богато. Как говорит моя матушка, позолочено-мраморно-брильянтово. Ну и счастья от этого? – Он сделал еле уловимый жест рукой, на который правильно отреагировал официант, наполнив бокал Макса вином, отпил задумчиво, не предлагая Владу присоединиться, поставил бокал и закончил свое признание: – Полину я отпустил, но помнить буду. И, наверное, больше, чем просто помнить. Помогать буду издали, чтобы не знала.

Гарандин тогда загрузился этим разговором всерьез.

И так-то его последнее время тяготило что-то непонятное, не давая покоя, лишая даже простой радости, а тут как по голове кто тюкнул – нет у них настоящей жизни. Вскорости отпустило и забылось за чередой бесконечных дел, перелетов, переговоров и новых планов-идей.

И вспомнилось через пару месяцев, когда у Макса, который был старше Влада ровно на два месяца, подошел юбилей – сорок лет. И взбрело тому в голову с купеческим размахом отметить сию выдающуюся дату, а у Влада на это предложение друга завопила его интуиция – никак нельзя этого делать.

– Да ну, Влад, – отмахивался на все его предупреждения Макс, – фигня все это, будто отмечать сорокез – плохая примета. Если бы мы с тобой верили в приметы, трудились бы сейчас на государственной службе за тыщонку-другую евриков в месяц в лучшем случае.

– Я не о приметах, а о чуйке своей, – настаивал Влад, – без которой мы тоже, согласись, не юбилей бы сейчас обсуждали, а уже давно на Троекуровском отдыхали.

Но Варгин не уговорился, как ни старался Влад, беспечно

отмахиваясь, уже загоревшись какой-то своей идеей и обещая сюрприз. И Гарандин позволил себя уговорить, сдался, подумав: да и ладно, с тем уровнем безопасности, что у них обоих имеется, какие могут произойти неприятности, разве что в бизнесе в их отсутствие. Да и отсутствие весьма условное при современных системах связи и коммуникации.

Только когда Гарандин, уставший и злой после долгого перелета и езды на машине, поднялся на яхту Макса, пришвартованную в марине порта Омана, тот с заговорщицким, довольным видом сообщил ему конечный путь их вояжа – мавританский остров Родригес.

– Да на фига так сложно? Вот на кой тебе дался этот Родригес? – ворчал недовольно Гарандин. – Хрен знает сколько пилить, да еще и в Индийский океан.

– Не бурчи, Гаранд, – смеялся Макс. – Говорю же: будет сюрприз. Классно отдохнем! Это не в Средиземноморской луже плескаться.

А Влад ворчал, не мог никак унять свое недовольство и маялся: все ему было не в кайф, никакой сюрприз ни за каким хреном не сдался, и чуйка беспокойная просто измучила, но и портить другу день рождения и интригу тоже не хотелось, к тому же собралась хорошая компания, и барышень на яхту пригласили одна краше другой, и умненькие все, как на подбор, в общем... да что говорить. Ладно.

Как отплыли, мужики уединились и долго обсуждали дела свои насущные, решали важные проблемы весь день, появившись на палубе лишь к вечеру. Гарандин вроде отпустил себя, расслабился, выпил вина, ненапряжно пообщался с гостями, понаблюдал с ленцой за танцами на верхней палубе, присмотрелся к девочкам, выбрал одну, с которой и ушел в свои апартаменты, на минуточку, именные, ничем не уступавшие хозяину яхты.

И вроде скинул напряжение, и хороший секс его расслабил, а заснуть никак не мог. Маялся, маялся и вышел ночью на малую палубу на верхнем этаже, закрытую для всех, кроме них с Максом и капитана с помощниками, и застал там неспящего Варгина.

– А ты чего? – спросил он Макса.

– Да хрен чего, не знаю, – отозвался тот.

Сел рядом. Помолчали. Смотрели на бездонное звездное небо и зыбкую океанскую гладь.

– Что-то со мной не так, Макс. Ничего не радует, вообще ничего, – признался Влад тихим голосом, не тревожа высокого величия ночной красоты. – Все не то, не могу ни в чем найти, обрести наполненности, что ли. Словно потерял способность чувствовать. Ничего не вызывает сильных

эмоций, радости нет никакой. Такая пустота внутри, словно серое все. А что такое испытывать счастье, я даже и не помню. Забыл.

Снова помолчали.

– Это потому, что все не твое, – сказал ему так же тихо Макс. – Это для меня кайф полный и мое призвание управлять финансовыми потоками, бизнесом, заниматься мировой экономикой и высокой политикой, это моя стихия. Я ею живу и дышу, для меня это родная среда обитания. Ты, Влад, стал охренительным предпринимателем и бизнесменом мирового уровня, но это все не твое. Ты прикладник, в тебе врожденный инженерный талант. Если бы мы не ринулись в бизнес, абсолютно уверен, ты бы стал выдающимся технарем, ученым и изобретал бы всякого добра и сейчас был бы уже профессором. Потому как в тебе сочетаются нереальная целеустремленность, масштабность мышления и фарт, а такое добро, к чему ни приложи, даст высокочеловеческие результаты.

– И куда это все теперь засунешь и приложишь? – нерадостно усмехнулся Гарандин.

– А ты возьми и приложи, – оживился вдруг Макс неожиданной идеей. – Брось все на хрен и займись тем, что тебя по-настоящему привлекает, в чем ты одарен сверх меры. Реализуй свой талант. Я же давно вижу, как тебя коробит, изматывает, и давно понял почему. – Он посмотрел в темноту на горизонт и продолжил свою мысль: – Мы с тобой поднялись на вершину, и я тебе бесконечно благодарен за это. Без тебя, без твоего таранного устремления вперед я бы никогда не забрался так высоко. – И, снова посмотрев на Влада, поделился сокровенным: – И мне тут охренительно нравится. А тебе нет. И знаешь что, Влад, из всех людей, которые достигли такого уровня, только ты один чокнутый небывалый человек, пожалуй, и сможешь отказаться от всего, что имеешь, и полностью переменить свою жизнь. Найди свой кайф, погрузись в то, к чему стремится твоя натура, твоя личность, в чем проявляется твой талант: в свою инженерию и в своих лошадей.

– Что бросить? – усмехнулся Влад.

– Не знаю, Влад. Сам видишь, как все сейчас жестко. Может, и реформировать бизнес стоит. Сам решай и смотри. – Помолчал и вдруг произнес задумчиво, с каким-то сожалением: – Жизнь, сука, такая быстрая. Мне хотя бы было постоянно здорово, я испытывал настоящий драйв и даже моментами небывалый восторг, а ты все эти годы тащил долг в душе. Сначала перед отцом, потом перед бизнесом, передо мной, перед заводами своими и людьми, работающими на тебя. И вот тащил и тащил, и ни разу не переживал, не ощущал того кайфа, который испытывал я. Так и на хрен

тогда все это добро, все офигительное состояние, власть, возможности, если нет ни радости, ни вкуса жизни, ни драйва, а, Влад?

– Что это ты взялся подводить итоги? – недовольно пробурчал Гарандин.

– Да так, – легко рассмеялся Макс и, хлопнув его по плечу, предложил: – Пойдем накатим и закусим, что ли. Сна ни в одном глазу.

На следующий день его убили.

Так тупо, так нелепо, так безысходно.

Сомалийские пираты. Смешно. Гарандин с Варгиным ведь не туристы на маленькой яхте, а серьезные, значимые люди, более чем разумные, просчитывающие любые мелочи и детали: они в эти воды без сопровождения и не двинулись бы. И военный корабль шел рядом с ними, и своя охрана была еще та – чуть ли не целое воинское подразделение спецназа, и яхта из пуленепробиваемого материала сделана.

Да что те пиратики против них могли? Однако же кинулись к ним аж на шести лодках, серьезно так ребята подготовились. Вот сто пудов наводку имели. Только разогнали их из крупнокалиберных пулеметов, покروшив те лодочки, как шелуху, еще на подходе. Но сомалийские лихие хлопцы принялись стрелять в ответ, не жалея боезапаса, а на яхте, в закрытом, правда, салоне – не на палубах, продолжалось себе развеселое пати: танцы, музыка, шампанское. Смотрели в окна, посмеиваясь на отребье с «калашниковыми» в лодках.

И одна-единственная пуля. Одна! Единственная. Шальная пуля. Влетела в приоткрытое на щель окно.

Прямо в сердце Макса, остановившегося в танце в тот момент, чтобы отпить глоток вина из своего бокала.

Он умер мгновенно. Сразу.

Как сказал доктор, который входил в штат, даже ничего понять и почувствовать не успел. Мгновенная смерть.

Он так любил жизнь во всех ее проявлениях, он так любил рисковать, посмеиваясь, полной мерой беря от жизни все, он так заигрывал с опасностью.

«Если стучаться в дверь к дьяволу, то рано или поздно кто-нибудь обязательно откроет». Он не стучался и не ломился в ту дверь, лишь постукивал иногда шаловливо. Видимо, его все же слышали.

Весь обратный путь до Омана Влад сидел на диване в апартаментах Макса и чувствовал, что тот как будто сидит рядом с ним. Разговаривал с другом и слушал, что тот ему отвечает.

Прощался. Сутки так сидел.

Девчонок всех по каютам разогнали и гостям объяснили, что лучше оставаться в своих номерах, и на яхте стояла воистину мертвая тишина. Завернутое тело Макса лежало в холодильнике, а сам он, невидимый, сидел рядом с единственным близким ему человеком на всей Земле.

Так они и проговорили, молча, прощаясь, весь обратный путь.
Домой. В Москву.

Дина плакала. Вытирала рукавом трикотажной кофты слезы, хлюпала носом и рыдала, не могла остановиться.

– Ну ладно, – попенял ей Влад, грустно усмехнувшись над ее сентиментальностью. – Ну ты чего. – И позвал, протянув руку: – Иди ко мне.

– Какой-то прямо кошмар, – пристроившись у него на коленях, пожаловалась Дина. – Ну вот как так? – Она посмотрела на него мокрыми от слез глазами. – Никогда не привыкну к таким нелепым смертям. Да и к лепым смертям тоже. – И спросила: – Ты из-за него жизнь свою изменил? Да?

– Да как-то все сошлось вместе, – вернулся к воспоминаниям Гарандин, усадив Дину поудобней. – Я эти земли давно приобрел, специально под конюшни, так, для души, только для себя и своих людей, приезжал сюда на выездку – развеяться. Присмотрел и место под дом и, еще толком ничего не решив, запустил специалистов – проводить исследования. Думал еще взять земли рядом, под поля для кормовых, да застопорился этот вопрос. Дело в том, что государство мой бизнес уже несколько лет как «поджимало», мне-то совершенно очевидно, по какой причине. Но прихватить меня всерьез у них не было возможности, да и никто особо не стремился прихватывать-то, а вот, скажем, склонить к более тесному сотрудничеству старались. Я прекрасно понимал все их мотивы и даже где-то признавал, справедливости ради, невысказанные претензии.

Конечно, у Гарандина имелись возможности уехать из России, перевести свои финансы в более надежные страны, но основная его предпринимательская деятельность, производство и заводы находились в России, и смысла уезжать не было никакого. Да, если честно, никто не давил так уж сильно, чтобы срочно бежать за европейской или еще какой пропиской.

После похорон Макса и оглашения завещания, разобравшись с делами друга, позаботившись обо всех его родных и близких, Гарандин встретился с Полиной в обычном сетевом кафе, и они долго и очень искренне разговаривали, девочка плакала, тоже очень искренне и согласилась все же

принять то, что завещал ей Макс, хоть и не сразу. Хорошая девочка.

А, закончив с этими делами, Владислав Олегович Гарандин написал официальное письмо президенту, уведомляя того о своих намерениях, с предложением-просьбой о встрече.

Просьба его была удовлетворена, встреча назначена, и они проговорили наедине с президентом часа три и пришли к определенным договоренностям, устроившим обе стороны. Причем президента гораздо в большей степени, чем Владислава Олеговича. Впрочем...

Гарандин передавал государству контрольные пакеты акций своих производств и полностью отдавал все права на одно небольшое месторождение весьма ценного редкоземельного элемента и заводик по его выделению. В ответ на столь охренительный аттракцион нереальной щедрости Владислав Олегович получал некоторые преференции, а именно, – все земли, которые хотел приобрести вокруг своих конюшен, с частью природного заповедника, между прочим. Далее гарантированные государственные заказы и закупка племенных лошадей и много еще чего «вкусного» и ценного вытребовал он себе, ну еще бы – за такие-то подарки.

И обещание, что уход Гарандина как одного из серьезных игроков из большого бизнеса и большой политики будет при полном медийном молчании, тайна сделки сохранится, а безопасность ему и его близким будет обеспечена в возможных, понятное дело, пределах.

Но главное, что Влад особо подчеркивал при заключении сделки, это сохранение заводских коллективов на своих местах и должностях, сохранение зарплат, которые они имеют (а они существенно большие, чем государственные), сохранение всех льгот и системы скидок, премий и помощи. Договорились и об этом.

Никто и никогда ни до него, ни до сих пор после добровольно не отказывался от бизнеса такого уровня, находясь на самом пике развития, имея великолепный задел на будущее и участвуя в мировой финансовой системе в качестве серьезного игрока. Это просто невозможно и совершенно нереально.

Все равно что пойти против природы.

А Гарандин, в который уже раз за жизнь, делал то, что невозможно, вопреки всем сложившимся правилам, вопреки всему.

Конечно, его первой, спонтанной, болезненной реакцией на гибель друга было устойчивое и вполне осознанное желание не просто переменить образ жизни, а прямо-таки отречься от всего – пофиг на любой бизнес, жить на проценты от своих долей и акций, строить дом, идеей которого он так увлекся, объезжать лошадей, заниматься конным спортом и ничего

больше не делать.

Ну-ну, удачи! Посмеялась жизнь над столь невероятно умным человеком.

Можно что угодно себе напридумывать, но прокачанные до небывалых способностей мозги невозможно заставить не работать.

Как невозможно, обладая талантом решать вопросы мирового уровня и управлять капиталом с девятью нолями, будучи крепким хозяйственником и неординарным человеком с уникальными лидерскими качествами, тихомирно разводить себе лошадок, строить домик и радоваться жизни.

Да сейчас. А не пробовали круг в квадрат впихнуть без зазоров?

Ну вот где-то так и получится.

И очень быстро конюшня превратилась в сложный инженерный комплекс, в экоферму по выведению племенных пород, а небольшой манеж – в конноспортивный комплекс высокого класса, тренирующий и выпускающий победителей соревнований всех уровней.

Ближайшая деревня в десяти километрах, пройдя выборочную кодировку от алкогольной зависимости, пополнила собой ряды рабочих на конеферме и вскоре стала поселком чуть ли не городского типа. Реставрировали заброшенную церковь, колокольня которой явственно кренилась набок от старости и запустения, как известная европейская башня; построили большой развлекательный центр-клуб, новую школу и фельдшерский пункт, обновленную почту с телеграфом, опорный пункт полиции, провели скоростной Интернет и сделали еще массу иных нововведений, именуемых правительством нынче инновациями.

Очень скоро выяснилось, что фельдшерский пункт не справляется с хлынувшим в него со всех ближайших деревенок потоком нуждающихся в медпомощи. Люди с вечера занимали очереди, оставаясь ночевать, снимая по избам угол у местных жителей, чтобы попасть на прием. А поскольку господин Гарандин не умеет ничего делать наполовину и абы как и поселок взял под свое покровительство, то, столкнувшись с этой проблемой, задумал возведение большого современного больничного комплекса под патронатом, разумеется, министерства, в рамках преференций и обещаний, данных Гарандину на самом высшем уровне. Комплекс начали возводить на окраине поселка.

«Пейзане и пейзажи» обновленного поселения Гарандина иначе чем «наш барин», или коротко – «наш», между собой не называли, причем без какой-либо тени иронии – все всерьез, сплошная уважуха с большой буквы, ну а лично при встрече, понятное дело, по имени-отчеству с тем же уважением.

Глубинная особенность русского человека – это внутренний запрос на справедливость и стремление к ней, чтобы все было по совести, по-честному. И когда вдруг, как в сказке, появляется «наш», словно чудесный ответ на их молчаливые молитвы, на потаенные мечты о хорошей жизни, и жизнь наполняется смыслом, обретает стержень, появляется уверенность в завтрашнем дне, то понятное дело, что за этого человека они горой. И пить вообще перестали, даже незакодированная Влалом половина, и все при деле, при работе.

Пошла движуха на селе.

Как-то постепенно возникло и козье хозяйство из особой породы коз, и производство изысканных козых сыров, все выпасные луга были приведены в идеальное состояние, дальние площади засеяны кормовыми злаковыми, и дело ширилось, обрастая новыми идеями.

Организовали предприятие по производству абсолютно экологичной парфюмерной продукции из природных материалов по старинным рецептам, по новым технологиям, не наносящим вред природе. Расширили ассортимент на хозяйственную линейку помывочных средств, в том числе и шампуней, мыла для лошадей.

Построили контактный зоопарк для детей не только деревенских и работников фермы, живущих рядом с ней, но и городских школьников и ребяташек из детского дома, которых регулярно привозили в хозяйство на экскурсии. Были выстроены небольшие, но очень качественные и удобные коттеджи для туристов и любителей конного спорта, места в которых бронировались за несколько месяцев вперед, столь велик был спрос. Гарандин расширять и увеличивать до бесконечности гостевую базу не хочет, не нужны ему тут толпы туристов, но кое-какие идеи на эту тему имеются, например, поставить парочку домов самого простого типа, с одной-двумя комнатами на десять-двадцать человек и общей кухней-столовой, для экотуризма. Но еще не решил.

Ну вот как-то так.

– Звучит, как сказка, – поделилась впечатлением от его рассказа Дина. – Тысяча и одна ночь.

– Насколько я помню, в той сказке основная роль отводилась героине, и в весьма эротичном ключе, – иронично хмыкнул Гарандин.

– Ну, хорошо, пусть другая какая, но... ты реально вот так взял и отдал (читай, подарил) все свои активы государству? – недоумевала Дина.

– Говоря просто, когда-то мы с Максом их у государства стырили самым откровенным образом. Правда, стоит признать, что если бы не мы, то это обязательно сделал бы кто-нибудь другой, как и тот факт, что я

вложил офигенные деньги, восстанавливая и поднимая производство, практически заново перестроив, а потом модернизируя и развивая его. По сути, сейчас это совершенно иные заводы, чем были изначально. Иного уровня, иных технологий, иных, более масштабных задач. Да до фига всего, что я буду рассказывать, – отмахнулся он и усмехнулся: – Не помню, откуда шутка, но в тему: «Как всегда бывает – возьмешь ответственность, а отдавать придется налом».

– И тебе не жалко всего этого добра? – все выпытывала Дина.

– Нет, – признался Гарандин. – Я не сомневался в своем решении. Мне было некомфортно и неуютно в тех обстоятельствах, и мне не нравилась моя жизнь. Проанализировав все составляющие, я понял, что мне требуется иное качество жизни, наполненность и радость от дела, которым занимаюсь, чувство удовлетворения, нужен особый творческий душевный настрой. Нет, ни разу не пожалел. Я практически ни о чем не жалею, что было сделано в жизни, ни об одном моем выборе, даже если он был неверным. Эта перемена была моим челенджем, очередным вызовом, и я его принял. Когда проектировал всю инженерно-техническую начинку дома и конюшни, а потом и внедрял ее, я испытывал непередаваемый внутренний восторг, такое упоение творческим процессом, что у меня аж сердце сжималось от радости. Я не испытывал такого, пожалуй, что никогда, может, в молодости, но я как-то не припомню. Макс был прав: это мое призвание. Я сейчас занят разработкой нового проекта, и это такой кайф, скажу я тебе, вот просто чистейший – сидеть над расчетами и проектами, представлять, как это будет выглядеть, а потом воплощать в жизнь. Тем более что при моих возможностях я могу получить любую необходимую деталь, станок, консультацию любого уровня специалистов, материалы, не ограничивая полет своей фантазии и желаний. И это классно, – откровенно признался он.

– А лошади? – спросила Дина, залюбовавшись им.

– Лошади – это еще одна большая составляющая моей жизни, моя чистейшая привязанность и в общем-то любовь. Когда я захожу в конюшню и вдыхаю специфичный запах здоровых, чистых лошадей, смешанный с сеном, у меня внутри так хорошо становится, так радостно, так по-особому тепло. Это моя страсть, моя глубинная привязанность с детства, на каком-то генетическом уровне, никуда уж не денешься.

– Я заморожена, – призналась Дина, всматриваясь близко в его темно-янтарные глаза. – Потрясена твоим рассказом и заморожена. Ты совершенно необыкновенный человек, уникальная личность, Влад Гарандин. Так круто изменить свою жизнь. Решил – сделал, не сожалея ни

о чем. Аплодирую стоя твоему умению менять, переделывать мир под себя, творить. Это потрясающе. Как говорил Бродский, «наши изделия говорят о нас больше, чем наши исповеди». Слушай, а почему твой клуб называется «Карас»?

– Так звали моего жеребца, на котором я победил в первых своих серьезных соревнованиях. Есть такая практика, клички породистых лошадей составляют из первых букв имен их родителей. Не всегда, но часто. Карас был красавец и совершенно уникальный жеребец, рожденный от знаменитой мамы и не менее знаменитого папы. Очень умный.

– Здорово, – воскликнула Дина, пребывавшая под необычайно сильным впечатлением. – На самом деле все, что ты рассказал, настолько нереально и как-то...

– Лубочно сказочно? – подсказал ей Гарандин, усмехнувшись.

– Наверное, да, – задумалась Дина.

– Понимаю, о чем ты, – иронично улыбался он. – Счастливая сказка в отдельном взятом районе: пришел добрый богатый Дед Мороз и подарил людям счастье. Только прежде чем затевать модернизацию и возводить комплекс, я изучил опыт подобных мероприятий в других поселках. А их по стране становится все больше и больше. Так что ничего нового я не придумал. У меня просто есть средства на подобные проекты и любые модернизации, к тому же мои специалисты просчитали финансовую выгоду, и она вполне реальна. За любой сказкой и любым чудом, как правило, стоит серьезный труд и творчество множества людей. Как говорят японцы: «Кто годами очищает пруд, у того и рыба водится». – И вдруг задал неожиданный вопрос: – А ты не находишь, что наши истории в чем-то похожи? – Он посмотрел в ее фантастические глаза, сиявшие какой-то детской восторженностью. – Гибель отца подтолкнула меня к созданию бизнеса, смерть же друга полностью изменила мою жизнь, а тебя смерть подруги заставила понять свое истинное призвание.

– Наверно, – задумалась Дина, но все же возразила: – Но это нельзя сравнивать, слишком разные масштабы наших личностей, наших деяний и перемен.

– Это не важно, – не согласился с ней Гарандин, – важно то, что мы изменили, сделали это. Смерть, какой бы дикой и страшной она ни была, придает жизни смысл, заставляя помнить о ее скоротечности и жить полной мерой, наслаждаясь каждым мгновением. – Он задумчиво посмотрел на нее и неожиданно спросил: – Ты как себя чувствуешь?

– Ничего так, – прислушавшись к себе, ответила она. – В пределах нормы для моего состояния.

– Не хочешь прогуляться по участку? – неожиданно предложил Влад. – А то ты на воздухе не была уже восемнадцать дней.

– С огромным удовольствием, – согласилась с прекрасным предложением Дина.

Кое-как, с трудом и матком под нос, Дине удалось переодеться в спортивные брюки и кофту у себя в комнате, хорошо хоть одна была, не позорилась острыми выражениями перед Гарандиным. Надо же все-таки в лучшем свете перед мужчиной предстать. Ну насколько это возможно с разбитой головой, рукой в биндаже и синяками-порезами на всем теле.

«Будем стараться, – посмотрев в зеркало перед выходом, пообещала себе Дина. – Будем стараться держать себя в рамках».

Как и сам дом, участок поразил ее с первого взгляда. Он был больше, чем казался издали. С северной стороны дома росли тенелюбивые растения: несколько хвойных и, как ни странно, облепиха. Неподалеку находились хозяйственные постройки, стояли две мощные колонны-опоры с системой солнечных батарей, а у самого забора находился небольшой ветряк. Как пояснил Влад, именно в том месте практически всегда дуют ветра, а ветряку достаточно и совсем небольшого напора, чтобы вырабатывать довольно неплохой объем энергии.

Слева от дома расположился серьезный банный комплекс, от которого вниз по холму спускались невысокие насыпные террасы с грядками для зелени и овощей. От центральной части дома такой же каскад террас спускался до самого забора, только на них росли уже многочисленные фруктовые деревья и ягодные кустарники.

Справа, с западной стороны дома, была организована большая летняя площадка под крышей, с двумя печами (одна под гриль, барбекю и шашлык, вторая для котла и сковороды вог), с огромным деревянным столом и стульями. А за ней рядами вниз по более пологой стороне холма спускались террасы с грядками.

Дина все восхищалась, внимательно рассматривая и слушая пояснения хозяина, все поражалась, ахала, взмахивала руками от удивления, а Влад, проведя основную «обзорную» экскурсию, особо не погружаясь в детали, предложил выйти через заднюю калитку и прогуляться в лесу.

Они медленно шли по наезженной грунтовке, что тянулась вдоль всей кромки леса. Дина, уже уставшая восхищаться, просто наслаждалась прекрасными видами, медлительной неспешной прогулкой с мужчиной под ручку, особой тишиной, хвойным ароматом и поразительным покоем, охватившим ее.

Влад указал на широкую, явно окультуренную тропинку, теряющуюся

в лесу, и увлек Дину за собой, сворачивая на нее.

– Ты как, – спросил он, – осилишь небольшой подъем? Тут не очень далеко, но поверь, усилия стоят того, тебе понравится.

– Осилю, – заверила Дина.

Они медленно, неторопливым прогулочным шагом поднимались вверх, и в какой-то момент, пройдя очередной небольшой поворот тропинки, неожиданно, словно кто-то отдернул тяжелый лесной занавес, впуская яркий свет, вышли, как на сцену, на небольшую полянку, ограниченную с одной стороны лесом, а с другой – не очень глубоким обрывом. Кусок каменной породы, вышедший наружу, образовал практически ровную площадку, с которой открывался совершенно потрясающий вид на всю округу, лежавшую перед ними как на ладони. Край площадки был огорожен красивым кованым заборчиком.

– Обалдеть! – произнесла Дина, потрясенная открывшейся чудесной картиной.

– Давай посидим, – предложил Гарандин.

Присели. Молчали, глядя на открывающуюся перспективу, впитывая красоту и тихое величие природы. Им вообще хорошо молчалось вместе, уютно, спокойно, они как-то сразу это почувствовали и поняли. Довольно долго так сидели, держась за руки, прижавшись плечами друг к другу, когда Влад неожиданно заговорил, разбивая затянувшееся молчание:

– Дин, ты наверняка уже поняла, что я человек достаточно жесткий, авторитарный и привык, что мое решение главное и не оспаривается. Я знаю за собой эту черту, но сомневаюсь, что смогу измениться. Я привык принимать решения, нести за них ответственность и требовать их исполнения. Бывает, что меня иногда несколько перехлестывает, заносит, но это часть моей натуры. – Помолчал, несколько секунд обдумывая что-то, и продолжил: – Мои взаимоотношения с женщинами в большинстве случаев строились по такому же принципу: я принимаю решения, а они его не оспаривают. Но ты не относишься к тем женщинам, которым можно тупо отдавать приказания и пребывать в уверенности, что они поспешат их исполнять, не задумываясь. Ты сильная, умная, вполне самостоятельная и яркая личность, много чего добившаяся в жизни, и сама привыкла не только брать на себя ответственность, но и решать за многих людей.

Снова замолчал. Смотрели, как меняется цвет набухающей апрельской зелени на лугах под медленно текущими по небу редкими облаками. Дина даже мысленно не торопила его.

– Ты же понимаешь, что мы теперь вместе? – Он повернулся к ней и посмотрел в глаза спокойным, уверенным взглядом.

– Вместе? – вместо ответа спросила Дина.

– Ну а как? – удивился Влад. – Для меня это очевидно и понятно. Тебе, думаю, тоже. Остается один вопрос: сможешь ли ты оставить дело своей жизни, свою работу и жить со мной здесь?

Она вздохнула максимально глубоко, закрыла глаза, задержала дыхание и, медленно выдохнув, посмотрела в его глаза.

– В жизни я не совсем такая, какой ты меня узнал за эти восемнадцать дней. Парадоксально, но эта авария дала мне уникальную возможность остановиться, расслабиться и первый раз за много лет полностью отключиться и отдохнуть от проблем Центра и моих подопечных. Даже выспаться нормально за много-много лет мне удалось только в эти дни. В обыденной жизни я не мимишная белочка с мультяшными глазами и не веселушка, Влад, а деловая тетка, постоянно находящаяся в режиме полной

собранный, готовности к любым негативным ситуациям и возможным нападениям, очень внимательная к мелочам, резкая дама и великая матерщинница в стрессовых или трудных случаях. Пять лет на скорой экстренной травматологии в самом начале двухтысячных – это очень жесткая школа, напрочь лишаящая любых иллюзий и романтизма. Взамен я получила здоровый медицинский цинизм и узнала изнанку жизни, с которой никому не пожелаешь столкнуться. Я жесткий адвокат, не гнушающийся никакими методами в рамках закона. А когда дело касается защиты детей, пострадавших от абьюзеров, то легко выхожу за эти рамки. У меня совесть не екает, даже когда я применяю грязные методы: подкуп, шантаж и угрозы, а иногда и что пожестче простых угроз, в интересах детей – запросто. Потому как у меня постоянно перед глазами стоит картина того, в каком состоянии мы этих детей эвакуировали и спасали от насильников родителей, отчимов и опекунов. У меня целая куча комплексов, личное кладбище не спасенных пациентов и парочка качественных ночных кошмаров. Ты уверен, что именно такая женщина тебе нужна?

– Мне не нужна *такая*, – посмотрел ей в глаза Гарандин, – или какая-то иная: мимимишная, романтическая, недалекая или великая, или еще какая. Мне нужна ты такой, какая есть, со всеми твоими заморочками. – Он вздохнул, притянул ее к себе, обнял-прижал и усмехнулся: – Это тебе только кажется, что ты такая боевая, стойкая, битая жесть-баба, ты гораздо более чувствительная, ранимая и тонкая, чем думаешь, хотя стараешься это скрыть и задвинуть подальше. – И еще раз усмехнулся: – Хотя и боевитая, не спорю. Наверное, потому что так легче твоим подопечным довериться, открыться, ведь они чувствуют твою надежность и защиту. Не имеет значения.

Посидели, обнявшись, переживая тонкий момент такого нового для обоих еще единения-откровения.

– Ты должна понимать, что в моей жизни было достаточно такого, что, как ты говоришь, выходит за рамки (и не только закона). Есть моменты, которые я никогда и ни с кем не намерен обсуждать, которые я не расскажу даже тебе. – И, мимолетно подумав, подчеркнул: – Особенно тебе, хотя я испытываю странную потребность и желание поделиться с тобой, и только с тобой историями моей жизни и многое рассказать. Но определенные темы и моменты всегда останутся только со мной.

– Я прекрасно отдаю себе в этом отчет, – посмотрела на него Дина. – Все-таки я адвокат и вполне реально представляю масштаб твоей личности и деятельности и, скажем так, не самых простых решений, к которым

приходилось тебе прибегать. Откуда-то, каким-то непостижимым образом, но мне кажется, я знаю, чувствую, что ты не переступал определенную грань. А может, я просто очень хочу в это верить и рада обольщаться. – Она, еле касаясь, провела по его щеке кончиками пальцев, будто приласкала. – Но как бы то ни было. – Дина придвинулась и, заглянув Гарандину в глаза совсем близко, произнесла главные слова: – Я принимаю в тебе все.

То, как она произнесла это, прозвучало сильнее и глубже любого признания в любви. И оба почувствовали этот неповторимый, невероятный и в чем-то переломный момент столь сильного откровения.

– Я тоже принимаю в тебе все, – глядя в ее странные глаза, с чувством ответил Гарандин и внезапно иронично улыбнулся, – кроме твоей работы. И, думаю, у меня есть вполне весомый шанс отговорить тебя от этой достаточно опасной благотворительности.

Дина посмотрела, посмотрела еще в темно-янтарные глаза, снова прикоснулась пальцами к его щеке, наклонилась, легко коснулась губами его губ, словно благодаря, и отстранилась. Отвернулась и, задумчиво глядя вдаль на прекрасную панораму, призналась:

– А знаешь, может, и не придется отговаривать.

И замолчала, захваченная непростыми мыслями. Влад не торопил, не задавал ненужных вопросов, уважая этот момент ее откровения, чувствуя, что эти переживания мучили ее уже довольно давно.

– Двенадцать лет, – заговорила она, резко вздохнув, словно набираясь решимости, и так же резко выдохнув. – На самом деле четырнадцать, если отсчитывать с гибели Катюши, я полностью погружена в проблему и трагедию домашнего насилия. Больше тысячи человек прошло через Центр, и это только те, у кого была реальная угроза жизни или кому грозил траффикинг, то есть в том числе и сексуальное рабство. И несколько тысяч, кому удалось помочь без побега из дома или от преследователей. И все одно и то же, все одно и то же. И нет этому конца. Но самое чудовищное для меня – это возвраты, – продолжала Дина, вытаскивая из себя все болезненное, что накопилось в душе. – Это когда женщина, пройдя полностью всю реабилитацию и получив социальную защиту и помощь, возвращается вдруг к мужу-садисту. И такое случается достаточно регулярно. Одна-две за несколько месяцев да вернуться. – Ей отказало самообладание, и все наблевшее вырвалось наружу: – Меня достало, достало бесконечно, – возмущалась от всего сердца Дина, поддерживая свое возмущение жестами рук, мимикой: – Эти конченные абьюзеры, помоечный народ, у которых нет ничего человеческого, эдакие крутые

перчуганы! Эти их бесконечные наезды, угрозы и нападения! Эти битвы в судах с насильниками, обладающими властью, когда даже у судей шок от того, что на глазах самым наглым образом разваливается совершенно ясное дело об убийстве. И эти возвращенки, их привычка быть жертвой, а в некоторых случаях сексуальная извращенная зависимость от партнера абьюзера, привязанность к жесткому сексу и жизни на грани. И главное, ладно, подседа ты на мазохизм, черт с тобой, все-таки у женщин серьезно деформируется психика от длительного насилия, иногда непоправимо. Пересидела в Центре, раны залечила, успокоилась, пожила мирно, и пожалуйста, вали куда хочешь, если тебе припекло. Так нет: они пройдут полный курс реабилитации и социализации, их восстановят, устроят на достойную работу, решат все жилищные проблемы, а она – ать, и с мужем помирилась. Ты в шоке, спрашиваешь ее: ты что творишь? А она: я его люблю. Ну вот какого... – Дина возмущенно потрясла руками, останавливая себя. – ...хрена, спрашивается? И ладно бы сама в русскую рулетку играла, так ведь и детей с собой тащит. И вот ни разу, ни разу, – ее начало мелко поколачивать от избытка негативных эмоций, – эти возвраты не привели к чему-то хорошему, а ровно наоборот: к смертям или самой женщины, или мужа, которого она прибила в конце концов, защищаясь, и помер он, такая вот кармическая справедливость. Или серьезной инвалидностью женщины на всю оставшуюся жизнь. И все чудно: она или он в тюрьме, дети в детдоме. Красота. Или маманя без рук-ног в инвалидной коляске, папаня под следствием, а дети в детдоме. У нас ведь очень серьезные специалисты работают и симулянтков, простых паникерш или расчетливых дамочек, желающих с помощью нашего Центра наказать и посылней обобрать мужа при разводе, расщелкивают сразу же. Мне самой пришлось получить образование психолога и стать профайлером, да и пройдя специальный курс у кнуровских ребят, я человека считываю в первые же минуты. И эти женщины на самом деле пребывают в диком страхе и жаждут сбежать, спрятаться от мужа – естественная реакция, но стоит им подлечиться-успокоиться, прийти в себя, и вылезает...

Дина резко выдохнула, замолчав, устало потерла лицо, подышала, успокаивая себя. Гарандин не трогал, не беспокоил ее, понимая, что сейчас это лишнее, что для нее назрела необходимость выговориться, выпустить из себя всю накопленную боль, все свои переживания и озвучить нелегкие, не дающие покоя, изматывающие размышления.

– Три месяца назад такой вот возвращенкой стала Вера. Мы ее эвакуировали из дома, избитую до полусмерти, еле живую, опоздали буквально на пару часов, за которые эта сволочь, ее муж, едва ее не убил.

Больше трех месяцев она лежала по больницам под вымышленными именами. Ходить училась заново, есть самостоятельно не могла. Подняли, выходили, развели с мужем, отсудили и разделили имущество, поменяли несколько раз, чтобы он не нашел, новую квартиру, сделали паспорт на девичью фамилию ее матери, психологи и психиатры все это время работали с ней, вернули самооценку, социализировали. Устроили на очень хорошую новую работу по специальности. И вдруг я узнаю, что она ходит на свидание с бывшим мужем. Я к ней приезжаю в полном шоке от такой новости, а она светится прямо вся от счастья: «Дина Константиновна, он обещал, поклялся, что больше никогда-никогда не обидит меня. У нас все заново, романтично, и он меня очень любит...» И все в этом ключе. Хоть ты что делай, что говори, хоть как увещевай и напоминай, как еле выжила, – все бесполезно. Через два месяца она попала в больницу. Кома. А со мной что-то случилось, когда я об этом узнала. Я вдруг перестала сопереживать. Словно что-то в душе отключилось, и я внезапно поняла, что больше не могу всего этого видеть, не могу вести эту войну. За четырнадцать лет у меня было всего два краткосрочных отпуска – один две недели, другой три. Два. Я побывала в Праге, в Чехии, и в Сочи на море с детьми. Все. Четырнадцать лет я живу, полностью погруженная и вовлеченная в чужие трагедии, в чужие беды и горе, в кровь, в бесконечное противостояние насилию, под прессингом постоянной угрозы. И что-то во мне, наверно, сломалось, не выдержало нагрузки. Как медик экстренной травматологии, я прекрасно знаю, что такое профессиональное выгорание. Разумеется, этот диагноз имеет место, но все же я чувствую и понимаю, что это нечто большее, чем выгорание. – И усмехнулась с горечью: – Папенька говорит, что у меня случился «остеохондроз крыльев». За время, прошедшее после аварии, не было ни одного дня, чтобы я с каким-то серьезным внутренним отторжением и даже со страхом не думала о том, что мне предстоит возвращаться в Центр к своей деятельности. Я все понимаю и осознаю, что надо просто пройти курс серьезной реабилитации, оставить на какое-то время работу вообще, отключиться от нее, нормально отдохнуть, заняться собой, и постепенно все нормализуется, и я снова смогу вернуться к своей деятельности. Но дело в том, что я не хочу, во мне все протестует, когда я думаю об этом. Я даже не могу себя заставить позвонить своим помощникам и узнать, как у нас там дела. Не хочу. Не могу.

Она встала со скамейки, подошла к ограде, оперлась на нее здоровой рукой, постояла, обозревая тихую красоту природы, словно исцеляясь этим созерцанием, подышала необыкновенно вкусным воздухом, наполненным

ароматом весеннего леса. И Влад почувствовал, что сейчас можно и нужно пожалеть ее и поддержать. Теперь можно.

Поднялся со скамьи, подошел, встал рядом и, приобняв одной рукой за плечи, прижал к своему боку, и она благодарно положила голову ему на плечо.

– Когда я поделилась с отцом тем, что чувствую, он сказал мне очень мудрые слова. Сказал, что, когда теряет пациента, это такое душевное мучение и сомнение, которого не может понять простой человек. Ты прогоняешь в голове мысленно сотню раз весь ход операции или лечения и понимаешь, что сделал все правильно, но тебя все равно разъедает чувство вины. И тогда надо обязательно вспомнить тех, кого тебе удалось спасти. Кого удалось вытащить с того света, самых тяжелых своих пациентов. Иначе, если циклиться на потерях, ты очень быстро перестанешь испытывать сострадание к людям, прогоришь, а это смертельно для хирурга, он перестает быть настроенным на успех, становясь безразличным. Он посоветовал мне вспомнить тех, кому удалось помочь в самых трудных случаях. И напомнил простую истину: невозможно спасти всех и невозможно заставить людей делать то, что тебе кажется единственно правильным, только лишь потому, что они люди и обладают свободой воли и выбора. И сказал, что будет счастлив, если я брошу на хрен этот свой Центр и это свое занятие.

– И что ты решила? – спросил Влад. – Курс реабилитации, и снова за шашку и в лобовую атаку, или оставишь эту работу?

– До того, как ты сбил меня машиной, я еще не приняла никакого решения.

– А сейчас?

– Сейчас... – Она снова глубоко вздохнула, помолчала и спросила: – Это правда, что есть такое понятие, как психологическая помощь в общении с лошадьми?

– Да, вполне официальный и признанный метод. Называется иппотерапия. Мы серьезно применяем разработанный специалистами курс с так называемыми «особенными» детьми, и детьми из детского дома, и из семей, которых направляют к нам доктора, – пояснил Влад.

– Ну вот, может, и меня подвергнем этой вашей иппотерапии, – рассмеялась Дина, – правда, должна предупредить: я лошадей опасаюсь.

– Это быстро пройдет. У нас очень профессиональные тренеры, – уверил ее Гарандин и уточнил для полной и окончательной ясности: – Ну так что, твое признание понимать как согласие?

Она отстранилась, заглянула сосредоточенно и очень серьезно в его

лицо и честно ответила:

– Я должна тебя предупредить. У меня совершенно определенно профессиональная деформация: я избегаю отношений с мужчинами, особенно серьезных. За годы работы я поняла одну четкую истину: мы ни черта не знаем и не понимаем про того человека, с которым спим в одной постели, с которым делим жизнь, рожаем детей, строим планы и которого любим. Все, что мы о нем знаем, это набор наших иллюзий об этом человеке, и не более. И какая бы великая любовь ни объединила нас, но в любой момент может выясниться, что этот человек совершенно не тот, за которого ты его принимал, которому верил и которого, как тебе казалось, ты знал. И твои иллюзии, и твоя любовь могут обойтись тебе очень дорого.

– Жизнь вообще штука зыбкая, – мягко возразил на ее страхи Влад. – В любой момент с человеком может произойти что угодно: катастрофа, несчастный случай, болезнь или смерть. Но человек – очень удивительное существо. Даже зная свою уязвимость перед лицом смерти, он все равно строит дома, творит великие произведения искусства, создает семью и рождает детей, влюбляется, любит и строит планы. Я ведь, по большому счету, с тобой согласен. Но вот, например, мои родители и дед с бабушкой по-настоящему любили друг друга. И вся твоя родня в любви жила, и родители – соратники по жизни, и видно же, что самые близкие люди друг другу. Это, знаешь, как повезет. Шанс пятьдесят на пятьдесят: может, повезет, а может, нет. Я бы рискнул. С точки зрения рискованного бизнеса это очень неплохое предложение, бывали у меня сделки, особенно в начале пути, куда как рискованней. Но почему-то мне кажется, что у нас с тобой все получится.

Стояли. Он держал ее двумя руками за талию, и они смотрели друг на друга, мысленно разговаривая, погружаясь в одно на двоих состояние доверия и чего-то необъяснимого. И Дина решилась.

И оба одновременно почувствовали перемену в ней и эту ее решимость.

– Я не знаю, что у нас с тобой получится, но на сегодняшний день точно понимаю, что абсолютно не хочу возвращаться к своей деятельности, даже консультировать не могу. И больше всего в жизни в данный момент мне хочется быть здесь, рядом с тобой.

– Так и решим, – постановил Гарандин. – Но должен тебя предупредить заранее, что я намерен растянуть этот самый твой «данный момент» на очень долгое время.

– Как получится, – не разделила его энтузиазма Дина.

– Уже получилось, – усмехнулся он и, прижав ее к себе, неожиданно

поцеловал.

Ах, каким же оказался этот неожиданный сладкий поцелуй! Горячий весенний, овеванный теплым апрельским ветерком, хвойным духом и тайным обещанием. Какой сладкий...

Но как бы им обоим ни хотелось, а к логичному продолжению он не привел, увы.

Они ужинали, разговаривали и, внезапно вспомнив, Дина спросила:

– Слушай, я все время хочу тебя спросить, но отвлекаюсь. А где твой Иван? Ты вроде говорил, что он живет с тобой? Сколько ему сейчас?

– Ваньке одиннадцать, – тепло улыбнулся Влад, вспомнив сына. – Все правильно, до того, как ему исполнилось восемь, мы жили вместе и даже успели несколько лет пожить в этом доме. Но надо было определиться со школой и образованием. Сначала попробовали обучение на дому, моя мама взялась за это дело, и у нас получилось очень даже неплохо. Но выяснилось, что Ванька весьма одаренный ребенок и ему требуется более глубокое освоение разных предметов в дальнейшем. Мои помощники досконально изучили вопрос образования и вместе со специалистами посоветовали все-таки отдать парня в спецлицей с углубленным изучением естественных дисциплин. Он мечтает стать микробиологом, пока вроде не передумал. Пришлось их с бабушкой, помощниками по хозяйству и охраной определять на проживание в Москве. Учится он под другой фамилией, на эту тему составлен специальный договор с дирекцией. И, разумеется, все каникулы и, по возможности, выходные, когда они не заняты дополнительными занятиями, Иван проводит здесь со мной. Ты не представляешь, сколько было радости, когда я застрял в Москве из-за твоих травм и провел это время с ними. А заодно решил многие давно назревшие вопросы в Институте коневодства, куда я, собственно, и ехал, когда сбил тебя, – на встречу с профессором. А еще за эти недели провел продуктивную работу с Ветеринарной академией и консультации кое с кем в родной Бауманке. Вот точно не было бы счастья, да авария помогла. Кстати, – загадочно улыбнулся Гарандин, – ты готова к тому, что послезавтра, в субботу, сюда прибудет твое семейство всем составом?

– Сильно поредевшим, – с грустью вздохнула Дина, – дед Боря умер в прошлом году, а следом за ним через месяц Инга Валерьевна из-за сердечной недостаточности. Все-таки смерть Катюши сильно подорвала ее здоровье. Так что из стариков только бабушка Лида осталась.

– Зато очень крепенькая, – подбодрил ее Гарандин. – Первой горячо согласилась ехать, когда я пригласил всех на ферму. – И поделился своими потерями: – Мои старики тоже как-то один за другим ушли пять лет назад.

Это жизнь.

– Она, – согласилась Дина и вдруг почувствовала, что ей как-то стремительно становится нехорошо.

Накатила волна слабости, закружилась и разболелась голова, понятно было и без врачебного осмотра, что это реакция на слишком резкую физическую активность с длительными прогулками и эмоциональными переживаниями, видимо, надо было тоже как-то без фанатизма и напора – поосторожней.

За что и была тут же водворена Гарандиным в отведенную ей комнату и уложена без возражений и разговоров в кровать, в которой и отключилась практически мгновенно, проваливаясь в сон, стоило Владу потушить свет и закрыть за собой дверь.

И проспала до глубокого утра, а проснувшись, чувствовала себя совершенно превосходно. Полной сил, радостных ожиданий и вообще – весна же на улице, господи! Птицы по-особому задорно поют, почки набухают, пахнет... Пахнет чем-то замечательным, обновлением, обещанием великих и прекрасных перемен...

И ей теперь не надо никуда спешить, не решать ничьих проблем, никого не спасать и не находиться в постоянном режиме настороженности и повышенной внимательности. И на работу ей теперь можно пока не возвращаться! А это так классно! Дина чувствовала какое-то небывалое внутреннее освобождение, легкость, наступившую после ее признания, в первую очередь самой себе. Все, не будет она больше об этом думать, на фиг.

Уже привычно за три-то дня, Гарандина с утра пораньше не оказалось дома, о чем Дине и сообщила хлопотавшая вокруг нее Алена Васильевна, закармливая какими-то нереальными вкусностями исключительно из суперсвежих фермерских продуктов, а зелень так и вовсе только что срезана с небольшой домашней грядочки в оранжерее.

– Сегодня такой замечательный денек, – делилась чем-то определенно обрадованная и воодушевленная женщина.

Дина решила на всякий случай не выпрашивать и не выяснять, чем именно настолько вдохновилась Алена Васильевна. Погодим с расспросами.

– Просто замечательный день для прогулки. Вам бы пройтись с Владиславом Олеговичем, прогуляться, а то вы очень бледненькая, извините, что обращаю на это внимание, Дина Константиновна.

– Ну для такого променада его для начала неплохо бы было найти, – заметила Дина очевидный факт.

– Владислав Олегович все предусмотрел, – пуще прежнего воодушевилась домоправительница, всплеснув руками и прижав их к груди. – Дал распоряжение Игорю, он вас отвезет на ферму, где представит вам управляющего Григория Аркадьевича, тот все покажет и расскажет, ответит на все вопросы, а Владислав Олегович присоединится к вам чуть позже.

«Сплошное «вам», – подумала про себя с улыбкой Дина. Ну ладно.

Определенно этот нетрадиционный дворецкий нравился ей вместе со всем ее неумным энтузиазмом и привычкой прижимать ладони к груди от наплыва чувств.

Григорий Аркадьевич оказался прекрасно сложенным, подтянутым, энергичным мужчиной, лет за пятьдесят, который выказал Дине особое, подчеркнутое уважение с соблюдением определенной дистанции, как почетному и очень важному гостю.

Ну ладно, второй раз за утро решила Дина. Ну пусть пока так, потом посмотрим, как у нас сложится диалог.

– Владислав Олегович занят, поэтому делегировал мне почетную и приятную миссию показать вам наше хозяйство и провести экскурсию таким образом, чтобы вам непременно понравилось, – с улыбкой сказал управляющий и поинтересовался: – С чего бы вы хотели начать?

– С начала, Григорий Аркадьевич, – засмеялась Дина. – С чего тут у вас принято начинать?

– Тогда с конюшен.

– Давайте с них, – махнула в знак согласия Дина.

– Итак, – указал он рукой направление, куда им следовало двигаться. – В нашем конноспортивном клубе имеется зимняя, теплая конюшня на тридцать две лошади, с просторными, теплыми денниками, большой крытый манеж, крытая бочка...

– Бочка – это что? – перебила его Дина.

– Это такой круглый, крытый манежик на двадцать метров с мягким грунтом, который позволяет работать лошади на свободе, приучая к человеку. Я вам ее покажу.

– Вроде понятно, – согласилась Дина. – Извините, что перебила, продолжайте.

– Да, – припомнил он, на чем остановился. – Естественно, у нас прекрасно устроенные левяды и пастбища – все, чтобы лошади чувствовали себя отлично и готовились к соревнованиям.

– А левада... – не удержалась от вопроса Дина.

– ...это, – понял ее Григорий Аркадьевич, – такая площадка с

травяным покрытием под открытым небом, огороженная забором.

– Спасибо, – благодарно кивнула Дина, – продолжайте.

– У нас также имеется, как мы их называем, мини-конюшни, хотя они ничем не уступают основным, на пятнадцать денников, в которых содержат мини-лошадей и пони, специально заведенных для детей. – И пояснил: – К нам привозят очень много детей. И целыми семьями приезжают на выходные, и школьные экскурсии, и мы тесно сотрудничаем с местным детским домом. Для детей же и создали контактный зоопарк, мы с вами его тоже посмотрим. Многие детки занимаются в нашем клубе, обучаясь конному спорту, даже самые маленькие.

– Здорово, – порадовалась Дина.

– Нам тоже всем очень нравится это направление нашей деятельности, – заулыбался управляющий, позволив себе немного расслабиться. – Но, конечно, основное направление – это разведение лошадей для классических видов спорта. И всякая лошадь, выращенная на нашей племферме, проходит соответствующую своему возрасту и наклонностям подготовку. Весь молодняк проходит заводской тренинг и заводские испытания племенных лошадей и имеет высокую оценку специалистов Всероссийского научного исследовательского института коневодства.

– Все это очень замечательно, и я искренне рада за ваших лошадей, – мягко остановила его Дина, – но я совершенно далекий от этой темы и от лошадей как таковых человек, мне бы без пафоса и официоза, Григорий Аркадьевич. Как-нибудь коротенько, для общего понимания. А детали вы мне еще успеете рассказать. К тому же завтра сюда приедет моя дочь Соня, которая обожает животных, самым серьезным образом намеревается стать ветеринаром и уверена, измучает вас всех своими бесконечными вопросами.

– Тогда готовьтесь, – ответил ей искренней улыбкой мужчина, – у нас работает настоящая ветеринарная клиника, оборудованная по самому последнему слову науки и техники, заведует которой кандидат наук. Думаю, Соня ваша зависнет там всерьез и надолго.

– Она у меня к тому же и эколог, – сказала Дина, – и еще не знает про усадьбу со всеми ее экологическими прибабахами. Владислав Олегович сказал, что припас эту новость для нее, как дополнительный бонус. Боюсь, что она примет эту вашу ферму за свой собственный, личный рай, и даже представить не могу, чем это может обернуться для всех нас. Девушка она у меня с характером.

– Надеюсь, что все устроится наилучшим образом, – заметил Григорий

Аркадьевич и вернулся к основной теме: – Ну, ладно, давайте коротенько и основное.

Основным на племферме, понятное дело, было разведение высококлассных пород для верховой езды на продажу, как уже сообщил ей выше добровольный экскурсовод, а в клубе, естественно, это обучение верховой езде, в том числе и для деток от трех лет. Предоставляются услуги для постоя частных лошадей, а для них, в свою очередь, предоставляются услуги профессиональных тренеров и борейтеров.

– А...

– Борейтор, – понял ее без лишних слов управляющий, – это уникальная профессия. Человек, разбирающийся в конной физиологии и анатомии, в основах коневодства и ветеринарии и имеющий определенный спортивный разряд, который каждый день тренирует лошадь, чтобы она не потеряла спортивную форму.

– Спасибо, – поблагодарила Дина.

Что еще из коротенького? Спортивная специализация: выездка, конкур. Подготовка лошадей и спортсменов к выезду на соревнования. Конные прогулки для опытных всадников. Какое-то доразвивание молодняка (что это такое, Дина не стала уточнять), подготовка лошадей к заводским испытаниям. Из веселого: прием кобыл на случку и выжеребку, это вроде бы понятно, как и получение какого-то там разряда. Для туристов особое предложение: прогулки в поля и поездки на лошадях по лесным тропам, фотосессии, экскурсии для детей.

Не удержавшись, Григорий Аркадьевич таки сообщил Дине с большой долей гордости, что у них высококлассные жеребцы-производители и маточный состав, то есть кобылы, вызывающие восхищение специалистов как отечественных, так и европейских. И что их лошади были неоднократно призерами и победителями заводских испытаний племенных лошадей и международных коневодческих выставок.

А также являются призерами и победителями соревнований самых высоких мировых уровней по конкуру и выездке.

– Круто! – сказала Дина.

Осмотрев снаружи конюшни – большую и малую (Дина не отважилась заходить туда без Гарандина), минуя зоопарк, они подошли к краю тянущегося аж до горизонта луга, и, выслушав Григория Аркадьевича, Дина приступила к расспросам.

– А скажите, вот вы повторили несколько раз про высокий уровень ваших специалистов.

– Совершенно верно, – подтвердил управляющий.

– А среди них есть спортсмены, которые побеждали на самых крутых соревнованиях в этом виде спорта?

– Конечно

– Я имею в виду, – уточнила Дина, – на международных соревнованиях. Что-то типа олимпиады.

– Да, есть такие специалисты среди наших людей.

– То есть прямо лошадиная олимпиада и первое место?

– Именно так, – улыбнулся Григорий Аркадьевич и добавил: – И среди них есть чемпион, который проделывал это дважды.

– Кто? – заинтересовалась Дина.

– Он, – произнес с каким-то особым значением Григорий Аркадьевич, указав пальцем куда-то Дине за спину.

Она резко развернулась и... застыла, пораженная открывшимся зрелищем, забыв дышать на какое-то мгновение.

По полю, у края которого они стояли, прямо к ним мчался галопом великолепный вороной жеребец, управляемый твердой рукой наездника. Шкура коня лоснилась и сверкала на солнце, длинная шелковистая грива развевалась, захлестывая сильную руку наездника, который, приподнявшись в стремянах и наклонив корпус вперед, не двигался, не делал ни одного лишнего движения, замерев в этом стремительном движении.

Всадник и конь составляли одно целое, единый организм, слившись в этом стремительном полете, от скорости которого казалось, будто они парят, не касаясь земли.

Фантастическое, захватывающее зрелище, наполненное столь непередаваемой, непостижимой природной силой, красотой и мощью, что невозможно было оторвать взгляд от этого поразительного полета.

Чем ближе они подъезжали, тем более четкими и ясными становились детали, тем сильнее Дину захватывало это видение.

Гарандин, которого она узнала в первый же момент, как только увидела, был настолько хорош и сексуален в яростной стремительности этого полета, что просто... у-у-ух! Бог знает, что такое! В этих высоких сапогах, в обтягивающих лосинах для верховой езды, которые не скрывали, а наоборот, подчеркивали движение каждой мышцы его напряженных бедер...

Мама до-ро-га-я!..

Если бы Динка уже не любила этого мужчину окончательно и бесповоротно, то в этот момент влюбилась бы в него совершенно отчаянно и безоглядно прямо до страсти, не совместимой с жизнью.

Они подлетели совсем близко от застывших в восхищении Дины и Григория Аркадьевича. Гарандин умелой рукой наездника придержал коня, переводя его с галопа на быструю рысь, и остановился прямо возле Дины.

И, лихо спрыгнув с седла, Гарандин ухватил под уздцы разгоряченного бегом, вспотевшего жеребца, от эмоций раздувавшего ноздри и нетерпеливо гарцующего на месте.

– Привет, – сказал он, подходя к ней, и поблагодарил управляющего, – Спасибо, Григорий Аркадьевич, что позаботились о Дине Константиновне.

– Думаю, мне мой рассказ понравился больше, чем нашей гостье, – иронично заметил тот.

– Привет, – чуть придушенно просипела Дина, у которой от весьма конкретных чувств и еще более конкретно направленных желаний перехватило горло.

Она настолько сосредоточилась на Владе, что не заметила, как к ним подошел незнакомый человек, который перехватил уздечку из рук хозяина. Она даже внимания не обратила на происходящее вокруг.

– Да, – кивнул Гарандин, поблагодарив конюха, – спасибо, Сереж, – и внимательно присмотрелся к Дине.

– Нам надо срочно вернуться в усадьбу, – самым решительным образом заявила девушка, как только этот неведомый ей Сережа с конем и управляющий вместе с ними исчезли из поля ее зрения.

– Что-то случилось? – сразу же напрягся Влад. – Тебе плохо, что-то болит?

– Да, болит, – подтвердила Дина самым серьезным тоном, кивнув для большей убедительности и, шагнув к нему еще ближе, объяснила что: – Либи́до. Ты был настолько потрясающе сексуальный, когда летел на этом чудо-коне, – объясняла она, сверкая глазами от восторга и желания. – Король, герой, офигительный мужчина. Что просто невозможно было не возбудиться. – И пожаловалась: – Просто ужас какой-то, у меня все дрожит внутри.

– Ну поехали! – рассмеялся от всей души Гарандин, обнимая ее за плечи рукой. – Попробуем оказать тебе экстренную помощь! Кстати, этого чудо-коня зовут Гранд.

– Кто бы сомневался, – усмехнулась Дина.

На следующий день приехала не только вся семья Дины – папа, мама, бабушка Лида, Кирилл и Сонечка, но и родные Гарандина – сынок Иван и его мама Елена Игнатьевна, что стало для Дины неожиданным сюрпризом, хотя даже странно, почему она этого не ожидала (что значит девушка,

потерявшая голову от страсти, да еще и с сотрясением мозга). Все же логично, и Влад ей говорил, что Ваня с мамой стараются приезжать в усадьбу каждые выходные.

Дина совсем немного напряглась и несколько опешила от нашествия родственников. Но ладно, приехали, все в сборе, чего уж теперь.

Пришлось всем знакомиться. Ну не просто было. Не просто.

Никакой всеобщей любви-приятя в одночасье не случилось.

Кирилл с Сонечкой с открытым добродушием к новым знакомым, а вот Ванька откровенно приревновал отца к Дине и к ее родственникам, не желая делить его ни с кем. Да и Елена Игнатьевна не торопилась признавать непонятно откуда взявшуюся новую пассию сына, претендовавшую аж на роль невесты. Вернее, откуда взявшуюся – было понятно, поскольку Влад посвятил ее в детали знакомства, а вот то, что это зайдет настолько далеко, его мама определенно не ожидала.

«Значит, была не проинформирована», – подумалось Дине, неожиданно столкнувшейся с нарочитой холодностью Елены Игнатьевны.

И ее этот факт задел.

Но с подводной лодки, как известно, никуда не денешься, пришлось принимать обстоятельства такими, какие сложились.

Динке очень помогли ее родные. Соня с Кириллом не стали засиживаться за обедом, проходившим в натянутой обстановке из-за недовольного вида Елены Игнатьевны и того, что Иван явно не принимал гостей.

Дети Дины, проигнорировав недружелюбие новых знакомых, быстренько уговорили горячее и отпросились на ферму, где и пропали с концами почти до ночи, что неудивительно: Гарандин предупредил всех работников, в особенности заведующего ветклиникой Степана Федоровича, о возможном нашествии важных гостей, понимая, что Соня зависнет в клинике надолго, что, собственно, и случилось.

Константин Павлович, не сдерживая своей природной неумности, последовал примеру внуков и спросил у Гарандина разрешение посетить фельдшерский пункт в поселке и посмотреть на строительство больницы. А Дина возьми и напросись вместе с ним.

Гарандин вызвал охрану, построил всех ответственных за медицинское направление в его хозяйстве, предупредив и поручив сопровождать, содействовать и всячески холить и лелеять.

Тут и бабушка Лида поинтересовалась, как обстоят у Влада в его хозяйстве дела с радио?

– Никак, – вмиг заинтересовался тот этим неожиданным вопросом, –

только в режиме оповещения, для экстренных ситуаций.

– Но это же неправильное использование столь мощного инструмента, – слегка попеняла она и пояснила: – Нельзя недооценивать этот информативный источник. У вас огромное хозяйство, которое расширяется, серьезная структура. Радиоточки точно не помешают, а в будущем и собственная телевизионная студия, свой канал. Но это так, на перспективу. А в данный момент просто необходимо объединять всех работающих у вас людей, жителей поселка и ближайших деревень общей информацией. Они должны себя чувствовать одним целым, неким сообществом людей, единым коллективом, скрепленным единым важным делом. Читать новости хозяйства: кто родился, кто женился, поздравлять с победами и достижениями, награждать победителей, порицать набедокуривших публично, поощрять хороших работников, сообщать о делах и заботах хозяйства. И, разумеется, давать качественную музыку. Даже вашим лошадям будет в радость послушать классику. Говорят, животные особенно к ней чувствительны.

– Лидия Юрьевна, вы подали великолепную, гениальную идею! Она была у меня в планах, но отступала под натиском более насущных проблем, – порадовался Гарандин.

– В таком случае, Владислав Олегович, не откажите в любезности, позволив мне осмотреть ваш радиопункт. Может, я, как специалист, хоть и бывший, смогу вам что-то подсказать, чем-то помочь. Ну и я бы присоединилась к детям, с удовольствием осмотрев все хозяйство.

Гарандин позвонил помощникам, поручив им сопровождать Лидию Юрьевну и всячески ей помогать.

Понятно, что и мама Дины не осталась коротать день с откровенно не приветлившей их будущей сватьей Еленой Игнатьевной.

– Тогда уж не откажите и мне, Владислав Олегович, – обратилась она к Гарандину, – ответить, как у вас тут обстоят дела с музыкальным образованием? Преподают ли детям его в школе или имеются какие-то музкружки в вашем клубе?

– Понял, – ответил тот, улыбаясь, – звоню директору школы и директору клуба.

И выделил и для Антонины Борисовны отдельного охранника на машине для сопровождения везде, где ей понадобится.

И буквально через десять минут после того, как Соня с Кириллом выскочили из-за стола, за ним остались сидеть лишь Гарандины – Елена Игнатьевна, Влад и Ванька.

– Ну что, сынок, – констатировала Елена Игнатьевна совершенно

очевидный факт, – похоже, мы с Ванечкой разогнали всю родню твоей Дины, вместе с самой Диной.

– Я не разгонял, – недовольно буркнул Иван.

– Оба хороши, – недовольно махнул на них рукой Влад.

– Я ничего плохого не делал, – настаивал ужасно недовольный Иван и, объективности ради, все ж таки признался: – Мне твоя Дина даже понравилась. Красивая и шутит все время, и не сюсюкала, не подлизывалась к нам с бабулей. И не тупит, в теме, где надо. Но мне не нужна ни она и никакие братья-сестры.

– А мне нужна, – уведомил его ровным тоном Влад. – И она, и все, что к ней прилагается, то есть ее семья.

– Мы с бабушкой твоя семья! – бастовал Ванька.

– Значит, теперь у нас будет симбиоз двух семей, как в твоей любимой микробиологии.

– В микробиологии все не так, – бунтовал пацан.

– Вань! – строго одернул его отец. – Твои преподаватели утверждают, что ты очень умный человек, а ведешь себя как посредственность. Что за ревность на пустом месте? Я никуда не денусь из твоей жизни и ни при каких обстоятельствах не стану любить тебя меньше и уделять тебе меньше внимания. И уж тем более от того, что у меня теперь есть Дина. Подумай, ты же и на самом деле очень умный человек. Или получается, что ты меня не любишь и не хочешь, чтобы в моей жизни было счастье и любовь.

– Одна уже нашла свое счастье, – высказался о самом больном Ванька, – теперь в Китае живет с двумя детьми, и я ей как-то по барабану.

– Ну я же не твоя мать, и я не в Китае, а здесь. И всегда буду здесь с тобой, мне ты нужен всегда. Я тебя люблю, и никакие обстоятельства и люди не могут повлиять или изменить этого моего чувства к тебе. – Влад поднялся из-за стола, бросив на него салфетку с колен. – Все. На сегодня, я думаю, хватит выяснений.

И вышел из столовой, оставив бабушку с внуком наедине.

– Поехали отсюда, ба, – потребовал разобиженный внучок.

– Дурак ты, Ванька, прав твой отец, – вздохнула Елена Игнатьевна и добавила: – И я вместе с тобой, дура старая.

Но они таки уехали на следующее утро, совсем рано, так и не встретившись больше ни с Диной, ни с ее родственниками. Гарандин не стал ни отговаривать их, ни обсуждать это их решение, лишь проводил до машины и попрощался, даже не поцеловал, как у них было принято, сына на прощание: Ванька отворачивался и демонстрировал свое неприятие ситуации.

А семейка Дины, предоставив Гарандину самому разбираться с родными, весело и, можно сказать, с пользой проводила время.

Соня, как и предполагалось, торчала в ветклинике, Кирилл увлеченно осваивал с тренером начальные шаги по верховой езде, знакомясь с лошадьми. Константин Павлович завис в фельдшерском пункте, умудрившись и тут найти себе работу и даже проведя парочку банальных операций. После чего долго общался со специалистами, возводившими больничный комплекс.

Лидия Юрьевна, получившая доступ к радиокомплексу, задержалась с ребятами, обсуждая необходимое оборудование для налаживания регулярной радиотрансляции, к тому же Гарандин отдал указание, не откладывая в долгий ящик ценную идею, наладить как можно скорей эту работу. И бабушка чуть ли не поселилась на все выходные в радиорубке.

А Антонина Борисовна носилась между школой и клубом, составляя список необходимого для открытия хотя бы небольших классов по музобразованию.

Все, блин, при деле, только Дина болталась от одного родственника к другому, избегая встречаться с Гарандиным. Но каким-то чудным образом он почувствовал и понял ее состояние на расстоянии и разыскал Дину сам, усадил в машину и привез домой в усадьбу.

– Во-первых, тебе надо отдыхать и соблюдать пока хоть частично постельный режим, – выговаривал он за ее сопротивление. – А во-вторых, давай поговорим о том, что тебя напрягло поведение моих.

– Что говорить, ты сам все понимаешь, – пожала она плечами.

– Да ладно, Дин, – произнес Влад, – устаканится все. Передружатся, куда они денутся, еще самыми родными станут.

– Да когда это будет, – грустно вздохнула Дина.

И на самом деле, бог его знает, сколько бы понадобилось терпения, такта и душевной работы с обеих сторон для великого объединения, примирения и любви двух семей в перспективе, если бы не одно невероятное, изменившее и перевернувшее все в их жизни событие.

Неделя для Дины и Влада пролетела мгновенно. Он был занят хозяйством, а Дина помогала в фельдшерском пункте. И правда, слишком уж много людей обращалось на прием, а небольшой его штат – молоденькая врачиха, только-только выпорхнувшая из интернатуры, матерый старый фельдшер Игорь Леонидович, пожилая медсестра тетя Люда и еще одна молоденькая сестричка не справлялись с потоком желающих. К тому же Константин Павлович, осмотрев дочь, разрешил снять повязку и велел потихоньку разрабатывать руку.

Дина и состояние «потихоньку» всегда плохо монтировались, вот она и подвязалась активно помогать в фельдшерском пункте, объяснив Гарандину, что большую часть времени она же будет сидеть, а не физкультурой заниматься.

Ну а вечером и ночью она «разрабатывала руку» другими «упражнениями», напрочь пропадая в горячих ласках Влада.

Так и пронеслась неделя, а в пятницу выяснилось, что никто из родных на выходные в этот раз не приедет. Дорога-то вообще дальняя, но не в этом дело. Константин Павлович дежурил, Кирилл, подрабатывающий у деда в клинике санитаром, тоже, у мамы были какие-то там мероприятия в ее интернате, а бабуля одна ехать в такую даль не захотела. Ну а у Влада – понятно: Ванька протестовал, а Елена Игнатьевна внука хоть и не поддерживала, но и ехать без него не собиралась.

Да и хорошо, подумали Гарандин с Диной, и проведем выходные вместе, не отвлекаясь на работу и взаимоотношения между родственниками. Погуляют, он ей подробно покажет хозяйство, например, коз своих и как делают сыры. Да много чего еще. Главное, есть возможность просто побыть вдвоем, поговорить, поваляться в кровати, поленившись...

Так все и было. И валялись, и болтали, и гуляли по лесу целую субботу. А в воскресенье утром Влад распорядился после завтрака:

- Поедем на ферму, хочу тебе кое-кого показать.
- Без подробностей? – заинтересовалась Дина.
- На месте объясню.

Ну заинтриговал. Но Дина держалась, не выпрашивала, уже немного изучив характер Гарандина и попривыкнув к тому, что, если тот что-то решил окончательно и сказал, это будет так-то, – бесполезно возражать, да и надо ли? Сказал – на месте, значит, на месте.

И, как ни странно, Влад привел Дину в контактный зоопарк и принялся высматривать кого-то в веселой толпе детишек.

– Это детдомовские младшие группы, – объяснял Гарандин, все крутя головой по сторонам, ища кого-то. – Обычно они у нас каждое воскресенье приезжают из районного центра. В основном малыши, но есть несколько воспитанников старших групп, которые всерьез занимаются верховой ездой, и некоторые даже подают большие надежды. Но в прошлые выходные у них там какой-то карантин был, не приезжали. – И неожиданно произнес с небольшим раздражением: – Да где он?

– Кто? – спросила Дина, отступив чуть в сторону от Влада, пропуская бегущего куда-то целеустремленного, радостно смеющегося малыша.

– Да один мальчонка, – ответил Влад, – хотел тебя с ним познакомиться. – И махнул, указав рукой: – Идем туда, к миникам, – как называл он своих мини-лошадок, – там у него дружок любимый имеется, наверняка он с ним.

И двинулся вперед, Дина – за ним, обходя группки детей, которые увлеченно возились с разной живностью под присмотром работников зоопарка, воспитателей и родителей.

Как же здорово придумали они тут с этим зоопарком, сколько у детей энтузиазма, радости, воодушевления – глазки горят от восторга, сплошной гул стоит от визга и смеха. И почему она раньше сюда не заходила? Заряд бодрости на весь день обеспечен.

Так размышляя и улыбаясь, Дина вышла из зоопарка и поспешила догонять Гарандина, успевшего уйти вперед довольно далеко.

Она уже почти поравнялась с ним, когда услышала детский залиvistый, звонкий смех... и испытала чувство странного узнавания. Какое-то дежавю, честное слово, будто она уже когда-то слышала и запомнила именно этот потрясающий, совершенно необыкновенный детский смех, звенящий радостью и счастьем.

Ощущение было поразительным, ошеломляющим, словно с ней когда-то давно по неизвестной причине случилась частичная амнезия, которая вдруг в один момент исчезла, и она внезапно вспомнила этот голосок и этот невероятный звонкий смех.

Дина двинулась вперед, ведомая, как по ниточке, не обращая внимания ни на что вокруг, сконцентрировавшись только на этом замечательном звонком смехе.

Она увидела маленькую, совсем небольшую рыжую лошадку, а сделав еще пару шагов вперед, стоявшего рядом с ней маленького мальчонку лет трех-четырёх, опиравшегося на маленькие костылечки, который кормил лошадь яблоком и хохотал от счастья, аж зажмуриваясь, когда та аккуратно брала с его ладошки кусочек яблочка своими чуткими бархатными губами.

Маленький мальчик, на костылях... с ампутированной до середины левой голени ножкой, хохотал и был совершенно, бесконечно счастлив.

Что-то случилось с ногами Дины, они мгновенно ослабли и подкосились, и ей пришлось опуститься на колени, чтобы не упасть. Она смотрела и смотрела на этого счастливого ребенка и не могла оторваться и перестать смотреть, уже все про него поняв.

А он, словно почувствовав ее взгляд, отвлекся от своего чудесного занятия, посмотрел на незнакомую тетю, стоящую на коленях, и что-то промелькнуло на его мордашке, какое-то особое выражение, что-то такое в

глазах. И он ухватился за свои костылики и, как-то ловко-ловко и очень быстро перебирая ими, побежал к ней.

Дина протянула ему руки навстречу, и он влетел в эти ее распахнутые объятия, она подхватила его и прижала к себе вместе с его смехом и костыльками, и зажмурилась от счастья, почувствовав наконец его горячее тело у себя на груди.

Она не чувствовала, как текли слезы по щекам, как больно впился в поврежденное бедро костыль, соединенный с другим костылем специальной ременной сцепкой, видимо, чтобы ребенку не приходилось постоянно их поднимать, не видела и не слышала ничего вокруг, она переживала невероятно мощное ощущение... бог его знает чего – не объяснить, не передать словами всю гамму чувств, эмоций, которую она испытывала в этот потрясающий момент.

Ребенок отстранился, чтобы видеть ее лицо, посмотрел сосредоточенным, очень внимательным взглядом и спросил:

– Чего ты плачешь?

Она не могла говорить, улыбалась, разглядывая его серьезную мордашку, не чувствуя, как по ее губам текут слезы.

– Ты моя мама? – спросил ребенок, глядя ей прямо в глаза своими синими глазенками.

– Да, – произнесла Дина и повторила: – Да, я твоя мама.

И тут он, откинув назад голову, рассмеялся своим бесподобным, чудесным счастливым смехом и, выпрямившись, ухватил ее ручонками за щеки и весело спросил:

– Тогда чего ты плачешь? Ты ведь нашлась! Смеяться надо, мамочка моя! – И снова залился самым счастливым в мире смехом.

Дина попыталась было встать, не выпуская ребенка из рук, не получилось, и она почувствовала, как ее подхватывают и ставят на ноги сильные, надежные руки. Все так же прижимая к себе радостного ребенка, она повернулась и, посмотрев в лицо Влада, оповестила:

– Нам надо срочно пожениться.

– Да, – понял все, что она хотела ему сказать, Гарандин.

– Дядя Влад, дядя Влад! – закричал счастливый, взбудораженный ребенок. – Моя мама нашлась! Вот она! – прокричал он пуще и громче прежнего и обнял Дину за шею, прижавшись к ее щеке своей горячей щечкой.

– Да, малыш, я знаю, – улыбнулся ему Гарандин, явно справляясь с чем-то не самым простым, что он ощущал в себе.

– А откуда ты знаешь? – распахнул свои синие глазенки пацан, от

удивления отпустив шею Дины.

– А как ты думаешь? – спросил у него Влад.

– Потому что она твоя тетя, да? – выяснял ребенок. – А я твой мальчик? – И совсем уж потрясенным шепотом внес полную ясность: – Сынок?

– Да, – кивнул Гарандин, поиграв желваками на скулах, подтвердил: – Сынок.

– Ура, – тихо произнес мальчик Алеша и вдруг захлопал в ладошки и закричал, радуясь полному своему счастью: – Ура-а-а!!! Мои мама с папой нашлись!

– Я его никуда не отпущу. – Дина посмотрела в глаза Гарандину, пытаясь передать все переполнявшие ее чувства и мысли: – И никому не отдам.

Он в очередной раз понял ее без слов, понял все, что она хотела ему сказать, о чем мысленно просила.

– Давай-ка его мне, – забрал он из ее рук ребенка, – а то Леша у нас парень уже большой, тяжелый.

– Да, я такой, – смеялся малыш, – большой!

– Поехали в детский дом, пообщаемся с его директором, – сказал Гарандин так, словно напомнил о заранее запланированном ими важном деле. Он пересадил на одну руку ребенка, а другой обнял Дину за плечи.

Это был очень суматошный, длинный и непростой день. Очень.

– Как я вам отдам ребенка, вы что, Дина Константиновна? – обескураженно смотрела на нее директор детского дома. – Вы же сами адвокат, вы прекрасно понимаете, что это нарушение закона, меня посадят.

– Значит, действовать мы будем так, Ирина Витальевна, – деловито ответила ей Дина. – Сейчас мы составляем официальную доверенность, разрешающую мне действовать в интересах ребенка и представлять его на всех необходимых уровнях, чтобы установить ему протез ноги. В связи с чем нам необходимо прямо завтра быть в Москве на первичном осмотре в Центре ортопедии и протезирования. Документ мы заверим вашей и моими подписями и печатями. Завтра утром мы заедем за вами и вместе посетим отдел Соцзащиты по опеке и попечительству, которые заверят нам эту доверенность, и завтра же, прямо оттуда, уедем в Москву. Надеюсь, господину Гарандину вы доверяете? Он может выступить в качестве поручителя.

– Конечно, доверяю, – подобралась тут же директор, посмотрев с преувеличенным уважением на Влада, и поспешила заверить: – Вам не обязательно обращаться в опеку, достаточно будет и моей подписи. – Она

задумалась над чем-то ненадолго и неожиданно доверительно поделилась своими мыслями: – Вы знаете, меня нисколько не удивило то, когда вы признались, что сразу же узнали Алешу, почувствовали его своим родным ребенком. Я давно работаю директором детского дома и многое повидала на своем веку. У меня есть некоторые соображения, основанные на многочисленных случаях, – подчеркнула Ирина Витальевна. – Последние лет, наверное, десять, а особенно последние лет пять, я отметила странную, просто поразительную закономерность: складывается такое ощущение, что детки приходят в этот мир не к своим родителям. Они так не похожи на своих биологических родственников, словно чужие. И поразительным образом, сразу же, буквально с первых секунд знакомства признают в усыновителях своих родных, а те, в свою очередь, сразу же чувствуют и узнают в малыше родного ребенка. Поразительно, но это на самом деле так.

– Да, – быстро согласилась Дина, которая ни о чем не могла сейчас думать, даже о таких вот парадоксах и закономерностях, кроме своего нетерпеливого горячего желания увезти отсюда как можно быстрее малыша. Своего малыша. – Это удивительно. – И перешла к делу: – Ну раз мы пришли к согласию, то мы можем, не задерживаясь, ехать в Москву.

Все же пришлось улаживать кое-какие формальности, выяснять многие подробности о распорядке дня Алешки, собирать его небогатые вещички, прояснять, есть ли у ребенка аллергия или противопоказания на прием медикаментов.

Так что выехать в Москву удалось где-то в обед, ради которого они специально вернулись в усадьбу, чтобы накормить парня нормальной, а не детдомовской едой, да и самим поесть перед дорогой.

Пацан носился по дому с поразительной быстротой на своих костыльках, хохотал, смеялся, звенел своим необыкновенным веселым голоском, а следом за ним бегала на полусогнутых ногах Алена Васильевна, рыдавшая без остановки не то от счастья, не от переживаний за малыша.

Кое-как удалось всех остановить-успокоить, накормить-напоить и двинуться в путь, и неугомонный мальчуган сразу же заснул на заднем сиденье гарандинского джипа, пристегнутый двумя ремнями безопасности, совершенно счастливый, продолжая улыбаться и во сне.

Первые несколько километров ехали молча. Просто не могли говорить ни о чем. Каждый пытаюсь осознать столь невероятный и резкий поворот судьбы.

– Скажи, – разбив продолжительную тишину, неожиданно спросил Влад, – ты на самом деле вот так в первый же момент почувствовала себя

его матерью, как сказала Ирине Витальевне?

И очень внимательно посмотрел на нее. Дина не ответила сразу, прислушалась к себе, к своим ощущениям, обдумывая, как ответить.

– Я не знаю, как это объяснить, – призналась она.

– Я не прошу тебя объяснять, я спрашиваю, что ты почувствовала?

– Я услышала его смех, и со мной произошло что-то странное: я его узнала, совершенно четко узнала, – пыталась как-то объяснить Дина то, что сама еще до конца не понимала в полной мере, – словно какое-то дежавю, настолько родной хохоточек-звоночек. И меня реально что-то внутри совершенно неотвратно тянуло к нему. А когда я увидела... – у нее перехватило дыхание, и слезы навернулись на глазах, – то... просто в одно мгновение пришло абсолютное понимание, что это мой ребенок. – И протянула бессильно: – Я не понимаю, не знаю, как передать, объяснить.

Посмотрела на него и спросила:

– А ты? – И только сейчас, в эту самую секунду сообразила, что до сих пор не спросила Влада о самом важном: – А ты почувствовал его родным? Я не знаю... пусть не сыном, а родным человечком?

– Ну, у меня нет такого сумасшедшего материнского инстинкта, как у тебя, но... – честно признался Гарандин. – Ты уже в курсе, что в этот детский дом Лешку перевели совсем недавно из другого, который расформировали, причем этот детский дом был хрен знает где, даже не в Ленинградской области. И у нас в зоопарке он появился с группой только перед самым моим отъездом в Москву. Тогда я его и увидел первый раз. И что-то такое щелкнуло, как ты говоришь, в голове, внутри, не потому что он без ножки, а что-то другое... непонятное. Вот почти как у тебя: словно родной малыш, родной человечек. Я тогда сразу решил, что парня не оставлю, возьму под свою опеку, не прямую, в том смысле, что не усыновлю, а буду плотно участвовать в его жизни, помогать, направлять. Конечно, первым делом протезик сделаю. А когда ты появилась... – Он замолчал, задумавшись над чем-то. – Ты появилась, и теперь все по-другому. Теперь можно и иные решения принимать.

– То есть ты не против его усыновления? – уточнила Дина. – А то я в такой прострации находилась, только о нем думала, из рук боялась выпустить, что даже не спросила тебя.

– Да ну тебя, – раздосадованно отмахнулся Гарандин, – херню всякую спрашиваешь.

– Кстати, – улыбнулась Дина и уведомила: – Его зовут не Алеша. Он теперь Лёшик. Наш Лёшик.

А мальчик с новым именем Лешик, который нашел наконец, своих

маму с папой, спал на заднем сиденье летящего в Москву джипа, счастливо улыбаясь во сне, и все теперь в его жизни было правильно и замечательно.

В Москву приехали поздно, как ни торопились, мирно обсуждая в дороге, как супруги с большим стажем, самые обыденные вещи, что надо купить детское автомобильное кресло, вернее два – для ее машины. И надо бы приодеть ребенка, и в каком магазине это лучше сделать, а Дина звонила нужным людям, чтобы устроить Лешу в клинику протезирования, а Гарандин подсказывал ей вопросы, если она о чем-то забывала спросить. Последним Дина набрала отца, чтобы предупредить об их внезапном приезде. Они с Гарандиным, как-то не сговариваясь и не обсуждая, лишь понимающе переглянувшись, решили ехать к Нагорным и, уже набрав номер, Дина вдруг озадаченно спросила Влада:

– А как это сказать-то?

– Да прямо так и скажи, – посоветовал тот.

– Привет, дочь, – ответил на вызов отец.

– Привет, папуль. – Услышав родной бодрый голос, Дина неожиданно так сильно обрадовалась, что даже сама себе удивилась. – Семья там вся в сборе?

– Почти, – весело отвечал он, – Кирюха только с барышней где-то зависает.

– Ну пусть зависает, хотя жаль, – подумав, решила Дина. – Папуль, мы сейчас с Владом приедем.

– О как, – слегка насторожился Константин Павлович. – Что так спонтанно, что-то случилось?

– Случилось, пап, радостное, – ответила Дина и ошаршила новостью: – Мы не одни приедем. С маленьким мальчиком. Нашим с Владом ребенком.

Константин Павлович помолчал, переваривая информацию, и спросил:

– Насколько маленьким?

– Три с половиной года, – отрапортовала Дина.

– Тогда Кирюху от барышни придется оторвать, – хохотнул он, радуясь такой перспективе, – достанем детскую кровать и поставим в вашей комнате.

– А у нас есть комната? – заулыбалась Дина.

– А то, – хохотнул Нагорный, – ты надеялась, что наши дамы упустят это из своего внимания? Сейчас. Все уже устроили в большой спальне.

Понятное дело, что перевозбужденный Лешик не собирался спать, хоть ему и положено было по всем правилам.

Да вы что?! Какое спать! Никто бы не смог на его месте – день

великого счастья всего его мира – сначала нашлись мама с папой, который сказали, что они теперь никогда-никогда с ним не расстанутся, а теперь выясняется, что у него еще есть настоящие бабушка и дедушка, и прабабушка даже, и брат с сестричкой, о которых рассказала ему Дина.

И пропустить такое событие, как встречу с нашедшимися наконец родными – не-е-ет, ни за что! Ни спать, ни успокоиться Лешик не мог, хоть ты что с ним делай. И прыгал от нетерпения на заднем сиденье, и задавал кучу вопросов, и хохотал от небывалого счастья и радости, и хлопал в ладошки.

Встречать гостей Нагорные вышли всей гурьбой, столпившись в большой прихожей. Первые суетливые приветствия, поцелуи Дины с родными, и как-то так получилось в суете и мельтешении, что ребенка и не разглядели, не заметили за спиной и ногами Дины.

– Ну а где же мальчик? – недоуменно спросила Антонина Борисовна.

– А вот и я! – Из-за ног Дины выскочил на своих костыликах сияющий от радости и полного бесконечного счастья пацан.

Семейство Нагорных мгновенно застыло, в полном шоке уставившись на ребенка, а тот переводил взгляд с одного на другого, не понимая, почему все молчат и как-то странно на него смотрят, и никто отчего-то не радуется такому небывалому счастливому событию.

– Я Лешик! – на всякий случай представился ребенок своим новым именем, которое ему ужасно, просто невероятно понравилось, которое он уже успел, наверное, раз сто повторить, вот и представился, ну а вдруг его просто не узнали.

– А я твой дедушка! – в тон ребенку громогласно и счастливо прокричал Константин Павлович.

Шагнул вперед, подхватил мальчика на руки и, чуть подбросив вверх, так что прогрохотали костылики на ременной привязке, прижал к себе. И словно по команде «отомри», все разом заговорили, загомонили, облепив Константина Павловича со всех сторон, забирая и передавая хохочущего от счастья Лешика из рук в руки, который крутился волчком и обнимался-целовался с каждым – шум-гам, суета, звонкий голосок малыша и его необыкновенный залиvistый смех, звучащий, как серебряный колокольчик.

Так всей гурьбой, с ребенком, «ходившим по рукам», и двинулись в кухню, позабыв о еще двоих виновниках переполоха, так и оставшихся стоять у двери.

Дина повернулась и, уткнувшись в грудь Гарандина, вдруг совершенно безудержно расплакалась не то от счастья, не то освобождаясь от напряжения, в котором находилась с того самого момента, как услышала

смех этого необыкновенного мальчика. Своего мальчика. Родного.

Но поплакать от души Дине не дали, семья таки обнаружила ее отсутствие, в прихожую прибежала делегированная Сонечка и, ухватив мать за рукав, потащила на кухню.

И был чай-самовар, и вкуснейшие пирожки по особому бабушкиному рецепту, и всяческие иные вкусности. И тут вспомнили про фермерские дары, что успела загрузить в багажник их машины заботливая Алена Васильевна. И Кирилл с Соней отправили за теми самыми дарами, а потом понеслась новая волна восторженных ахов-охов, когда все это богатство разворачивали, быстро нарезали и дегустировали.

И все громко говорили, обсуждали возбужденно-восторженно-радостно грандиозное, небывалое событие, по случаю которого Константин Павлович извлек из серванта коллекционную бутылку коньяка, презентованную пациентом. Влад кивнул, мол, «а давайте», и дамы согласились, что такое событие можно и отметить парой рюмочек.

И в этой радостной суете, смехе и гомоне не сразу заметили, как обессиленная этим бесконечно растянувшимся днем заснула Дина, завалившись на бок и прижимая к себе уснувшего Лешика, который обнимал ее за шею. Они даже во сне не отпускали друг друга.

Утро понедельника началось с того же заливистого и радостного детского смеха Лешика, под аккомпанемент которого малыш как-то так ловко-ловко забрался на кровать к Дине с Владом и принялся их будить.

Да и правда пора. Дина сразу же развила кипучую деятельность, обзванивая всех необходимых людей, договариваясь, обсуждая, выстраивая план дальнейших действий, как великий полководец перед грандиозной битвой.

И уже днем они втроем – Дина, Влад и Лешик – находились на первичном приеме в Центре эндопротезирования, попасть на который удалось, подключив некоторые связи Дины, в том числе через благотворительный детский фонд «Победим», специализирующийся на помощи детям при травмах опорно-двигательного аппарата, руководит которым Кира Башкирцева^[7].

Дине не раз приходилось обращаться к помощи этого фонда для деток своих клиенток из Центра и тесно сотрудничать с ними, они были давно и хорошо знакомы с Кирой и частенько пересекались, хоть и не сдружились в силу чрезмерной занятости обеих.

А на следующий день, во вторник, Дину Нагорную и Владислава Гарандина расписали в районном загсе города Москвы по месту прописки невесты, где у нее имелись хорошие деловые связи с руководством. Теперь

ей предстояло поменять паспорт на фамилию мужа, принять которую она с радостью согласилась.

«Октябрь», – думала, умиротворенно улыбаясь, Дина, сидя на заднем сиденье машины, которой управлял один из охранников Гарандина. Она возвращалась из Питера домой в усадьбу «Карас», которую с ее легкой руки очень скоро стали называть именно так сначала все местные жители, а потом и туристы.

Ну а что? Уж девятый год ширится и развивается хозяйство Гарандина, а короткого, емкого названия как такового у него и нет. Привыкли все «ферма да ферма». А какая там ферма? Уже целый сельскохозяйственный комплекс со своим поселком, с присоединившимися к нему еще двумя деревнями, а они – все ферма да хозяйство. Вот как-то так однажды Дина и высказалась в этом ключе и начала с себя, то есть стала говорить: «Едем в Карас, а у нас в Карасе, приезжайте в Карас...» – так и пошло и зацепилось-закрепилось, теперь уж никто иначе и не называет.

«Уже октябрь. Как же так быстро пролетели весна и лето? Наверное, от счастья. От того, что вместило в себя много радостных событий и изменений. Почему-то всегда все хорошее имеет свойство быстро проходить, пролетать, оставаясь лишь великолепным, согревающим воспоминанием», – думала она, глядя в окно.

Золотая осень стоит просто сказочная. Бабье лето. Шикарное.

Если бы Дина сама вела машину, то скинула бы скорость и катила бы потихоньку, наслаждаясь красотой, а то и останавливалась бы в особо приглянувшихся местах, но охранника Витю ей не хотелось просить. Да и не хотелось тревожить словами-разговорами то особое внутреннее состояние души, которое было у нее сейчас. Едут и едут, да и ладно. И так хорошо.

Но Виктор, точно прочувствовав особое настроение Дины, а может, и сам залюбовавшись красотой природы, скинул постепенно скорость.

М-да.

Ни о какой службе безопасности и охране она не то что не задумывалась, и не представляла даже – а зачем? И стыдно признаться, но даже не замечала до поры ее невидимого постоянного существования где-то рядом вообще, пока ей не объяснили.

А дело вот в чем. Когда Гарандин передал большую часть своих активов государству и удалился «в природу» на покой, он предложил начальнику своей службы безопасности рекомендацию и новое трудоустройство у одного финансиста высокого уровня, который с

интересом принял его кандидатуру. Уж больно непростой дядька этот Гусаров Клим Викторович, очень-очень непростой, даже Владу многое из его биографии неизвестно, а потому что наглухо засекречено.

Ладно, неважно. Хотя, наверное, именно это и важно.

Но Клим Викторович не принял предложение Гарандина.

– Не, Владислав Олегович, я с тобой.

– Так я, считай, что на пенсию, Клим Викторович, – подивился такому заявлению Гарандин, – тишь-блажь да божья благодать. Сельская пастораль, лошадки-козочки.

– Вот и я с тобой в благодать с пасторалью, – спокойным, уверенным тоном принявшего решение человека оповестил Гусаров, уточнив на всякий случай: – Если не прогонишь, конечно.

– Клим Викторович, – перешел к конкретике Гарандин, – это совершенно не твой уровень. Уж кто-кто, а ты-то точно в курсе, что и сколько я отдал. Я и в самом деле собираюсь осесть в покое на природе, самоустранившись из большой игры.

– Да мне тоже, Владислав Олегович, природа нравится, – настаивал Гусаров, говоря больше взглядом, чем словами. – Может, заведу семью в тишине и спокойствии, наконец. Да и за тобой пригляд нужен.

– Ну, как знаешь, – не стал настаивать Гарандин, который оценил такую преданность и уважение.

По-хорошему Гусаров был прав – ушел ты, не ушел из большого бизнеса, а людей, нежно затаивших на тебя обиду и желающих поквитаться за прошлые дела, найдется немало, и таких настойчивых, которые могут и попытаться это сделать, так что охрана нужна, тут уж не поспоришь. Пусть и не такая серьезная, как раньше, но нужна.

Но тут взбунтовался сам Гарандин, твердо заявив, что именно от всего этого и уходил – от модели той самой жизни и от вечного присутствия в ней охраны. И грозит там ему что, не грозит – пофиг: если кому сильно припрет, так его везде достанут. И выторговал себе свободу передвижения и жизни. Правда, гораздо позже выяснилось, что Гусаров отправлял за ним в дальние поездки, особенно в Москву, негласное сопровождение, которое Влад не так уж быстро и вычислил.

Повыясняли отношения на повышенных тонах, и Гусаров махнул рукой – ладно, как хочешь, но одна машина с парой ребят всегда будет.

В общем, лет через пять отпустили Гарандина ребята из-под плотного постоянного контроля. Его да, а вот семью его – нет.

И тут появилась молодая жена и – фигак – сразу попала под опеку Клим Викторовича, а вместе с ней и вся ее шумно-беспокойная родня.

– Не-не-не, – в категорическом тоне отмел начальник охраны все весомые аргументы Дины, которая сопротивлялась тому, что к ней приставили охрану, – никаких «сама» и «обойдусь». Вы, Дина Константиновна, четырнадцать лет рисковали и подставлялись по полной программе. И есть не меньше сотни решительных дебилов, жаждущих вам отомстить и мечтающих поквитаться. К тому же и Владислав Олегович не без «хвостов» из прошлого. Так что в пределах «Караса» – пожалуйста, можете передвигаться и находиться без охраны, у нас тут все под контролем, но на выезде – только с ребятами.

В последней надежде она просительно посмотрела на Гарандина в поиске поддержки, подумывая про себя: может, поскулить жалобно.

Но нет, не прокатило.

– Я согласен с Климом Викторовичем, – твердо сказал Влад. – До фига идиотов, желающих тебе отомстить.

– И за семьей вашей присмотрим, не беспокойтесь, – улыбнулся довольный Гусаров.

Вот так и образовался водитель, он же охранник Виктор. На выезде. Слава богу, что хотя бы только на выезде.

Ну ладно, ладно, может, мужчины и правы, напомнила она себе лишний раз. Ну на самом деле. Потом Дина обнаружила, что ездить пассажиром даже как-то приятней и, главное, спокойней и многое можно сделать за это время – почитать-написать, созвониться с кем-нибудь, в инете позависать, да и просто подумать.

Семь месяцев прошло с той знаменательной аварии. Семь. Да уж.

Лешик стал центром притяжения и объединения всей семьи, одним своим появлением примирил и соединив оба семейства в дружный, единый, сплоченный коллектив единомышленников, благополучно забывший какое-то глупое, пустое и никчемное недопонимание, случившееся при первой их встрече. Такая все это пустая ерунда на самом деле.

Дина с Владом очень быстро оформили опекунство благодаря ее многолетним связям, деловым и дружеским знакомствам, наработанным за годы существования ее Кризисного центра. И сразу же подали документы на усыновление, которое также прошло в кратчайшие сроки и без каких-либо проволочек и сложностей.

Лешика обожали все, да и невозможно было к этому ребенку относиться иначе – он словно солнышко согревал всех вокруг своим невероятным позитивом, своей солнечной улыбкой и залихватским смехом, кипучей, бурной энергией, задором и восторженным восприятием жизни как большого приключения.

И любил всех-всех-всех вокруг, и настолько щедро раздавал свою любовь, что каждый, находясь рядом с этим малышом, чувствовал себя абсолютно счастливым. Но самым поразительным образом сложились отношения Лешика и Ивана, это было нечто удивительное, насколько глубоко и тонко они чувствовали и понимали друг друга.

Поражались все этой их невероятной связи на каком-то духовном, что ли, уровне. У мальчишек даже сложился свой особый язык, на котором они общались, вернее не язык, а манера передачи мысли друг другу – им порой и слова-то не нужны были. Могли часы проводить вместе и, даже когда Иван занимался, Лешик устраивался рядом с названным братом и читал свои книжки или играл, и было им двоим абсолютно хорошо и гармонично вместе.

Вообще что-то запредельное.

Ах да, еще одного, скажем так, косвенного члена семьи чуть не забыли – мини-коня по кличке Симеон, которого все звали просто Сеня.

Великого, любимого друга Лешика.

Гарандин иногда принимался недовольно ворчать-бурчать, когда Лешик притаскивал за собой Сеню на участок и тот, пользуясь бесконтрольным попустительством, хрумкал сочной молодой петрушкой и салатными листьями прямо с грядки с совершенно невозмутимым королевским видом, пока его кто-то не ловил за этим занятием и не отгонял по- дальше.

– Не удивлюсь, когда обнаружу Сеню в оранжерее жующим нашу герань! – включал недовольного хозяина Гарандин.

– А она вкусная? – тут же заинтересованно спрашивал Лешик, заботясь о друге любимом.

– А х... кто ее знает, – начинал тихо посмеиваться Влад, – я не пробовал и тебе не советую.

– У нас нет герани, – напоминала ему Дина, стараясь сдерживать смех.

– Ну так купим! – наигранно грозно восклицал Гарандин.

– И дадим Сене попробовать! – радовался такой крутой перспективе Лешик и предполагал, глядя широко раскрытыми глазенками: – А вдруг это вкуснота для него страшная?

Клим Викторович узнал, почему и как Лешик попал в детский дом.

Ничего выдающегося – дикая, банальная и трагичная история. Алеша родился в небольшом городке, в достаточно благополучной, по меркам этого городка и его нравов, семье. Полный пакет: папа-мама, двое бабушек-дедушек, дядька с маминой стороны и дядька с папиной. Все вроде бы работающие и при разуме, и практически не пьющие. Ну как практически –

не алкашня запойная, это да, но усугубить с вечера пятницы по утро понедельника могли и праздники, разумеется, смачивали крепкими напитками.

Да и конфликты семейные тоже без спиртного не обходились, а для конфликтов тех имелось некое серьезное основание. Дело в том, что отец Алеши ушел из первой своей семьи, оставив жену и двоих детей, чтобы жениться на его маме. Причем тут имел место еще и некий мезальянс: папа Алеши был из простых людей, хоть и с головой дружил, и руки имел талантливые, а мама, почти на двадцать лет младше мужа, совсем девчонка, да к тому же из весьма обеспеченной и влиятельной семьи.

Родные и близкие обоих родителей друг друга не привечали, и каждый раз любые совместные праздники заканчивались выяснением отношений и разборками. До драк доходило редко и лишь в сильном уж градусе, а так ограничивались словесными оскорблениями, перепалками и легкими тычками.

Случилось большое событие у родни мамы – свадьба ее старшего брата. Поехали всем семейством в другой город – папа, мама, Алеша и бабушка с дедом с маминой стороны на машине деда.

А когда собирались ехать назад, выяснилось, что дед под хорошим градусом, но хорохорится, что, мол, тут ехать, да я в любом состоянии нормально вожу, ну и все в том же роде. Зять было сунулся: давайте, папа, я за руль сяду, я потрезвей буду, не пил с утра, а тещюшка зятя обложил по матери, чтобы не совался за чужой руль, да еще нахлебником обозвал.

В общем, переругались, но ехать-то надо.

И поехали. Отъехали недалеко, километров тридцать и... Выжил только ребенок, которого еле успели спасти.

Полгода пролежал Алеша по разным больницам, пока проходил лечение и реабилитацию, а его родственники тем временем выясняли между собой отношения и делили наследство.

И так получилось, что этот ребенок оказался не нужен никому, особенно когда выяснилось, что он теперь калека без ноги. Если бы остались живы мамы родители, то Алексея бы точно не бросили, а папиной родне он был не нужен, у них и старшие здоровые внуки имелись от первого отцовского брака.

Все. Точка. Определили мальчика в детский дом.

Ему очень повезло, что этот детский дом пользовался, скажем так, «спросом», то есть из него постоянно усыновляли детей. Поэтому в группах насчитывалось совсем мало ребятешек, и воспитатели уделяли каждому из них много внимания и заботы, и занимались почти с каждым

индивидуально, создав атмосферу некой домашней обстановки.

Только этого ребенка никто не торопился усыновлять.

Какое же это счастье, что никто не торопился. Просто Лешик и его родители должны были обязательно встретиться, надо было только немного подождать и попасть в другой детский дом.

Дина начинала сразу улыбаться при любом, даже мимолетном воспоминании о сыночке; невозможно было не улыбаться, такой вот светлый человечек у них есть. Она почти сразу, с первых же дней воспринимала его родным ребенком и называла, даже мысленно про себя, не иначе как сынок, вот такая странность жизни.

Кстати, про странности. Но как-то вся эта ситуация с женитьбой, усыновлением и семьей слишком быстро произошла и для Дины, и для Гарандина.

Ни он, ни она не собирались и не планировали прямо вот бегом бежать в загс и немедленно становиться мужем и женой от большой, прямо-таки непереносимой любви, нет, конечно. Об этом вообще разговора не было. Попробовать вместе жить – да, собственно, это единственное, на что они настраивались.

Но случился Лешик, и узаконивание их отношений было одним из самых прямых и логичных путей, облегчавших его усыновление. Считай, практически «по залету» женились, как посмеивалась Дина.

Они оба совершенно не ожидали столь резких перемен в своих жизнях и, по сути, не были к ним готовы. Ну ладно Дина, она долгие годы жила в большой, шумной и дружной, любящей семье, и хоть порой ужасно от всех них уставала и мечтала деться куда-нибудь подальше хоть на пару недель от этой толпы, но для нее это была хотя бы привычная среда существования. А вот Влад совсем иное дело – он привык к определенному одиночеству и небольшой семье – всегда в бесконечных разъездах, в делах, в бизнесе, в романах, между прочим, тоже, и виделся с семьей крайне редко, хоть и старался проводить с сыном все свободное время, а тут... Каждые выходные кто-то из родни да приезжал обязательно: шумные, хохочущие, ироничные и язвительные, порой громкие с перебором, Лешик заходится счастливым смехом, мотаясь по всему дому на своих костыльках, а за ним мамки-няньки, суета, хохот до слез.

Но поразительным образом в Гарандине вдруг проснулась дремавшая где-то в самых дальних глубинах припрятанной генной памяти семейственность. У него внезапно появилась прямо-таки потребность собрать всех родных вместе, чтобы вот здесь все были – под его приглядом и охраной.

На кой, спрашивается?

Ну вот почувствовал Владислав Олегович, что ему это надо, а поскольку Гарандин – человек решительный, то он сразу же принялся разрабатывать план действий.

И первым делом предложил Константину Павловичу возглавить будущий больничный комплекс прямо сейчас, на стадии строительства.

– Я добьюсь от Министерства здравоохранения любого карт-бланша для вас, – соблазнял сладкой заманухой Влад тестя. – Будет современная аппаратура и технологии, врачей наберете сами, на очень достойных условиях, и кредиты выдадим под процент-два с максимальными льготами под жилье любым специалистам. О категории комплекса договоримся отдельно: присвоим статус районного или регионального. У вас звание, опыт, награды. Да и хватит уже вам, Константин Палыч, у стола-то стоять, вон уже и колени дают о себе знать, пора на руководящую должность.

Ох, как мягко-заманчиво стелил змей велеречивый Гарандин.

Да, насчет звания. Это настояло руководство клиники, в которую перешел Нагорный из Склифа. И как только перешел, тут «вдруг» и обнаружилось, что он, оказывается, талант необыкновенный и собрал огромный материал на основе особенных оперативных случаев, на основании которого и написал несколько монограмм и кучу статей в медицинских журналах. Руководство поощрило, помогло всячески сдать кандидатский минимум и защититься. Вот так.

Ладно, отвлеклись.

Про семейственность. Влад сделал предложение и теще:

– И для вас, Антонина Борисовна, есть серьезное дело. Что там музыкальный класс, а не организовать ли нам музыкальную школу, а? Детей-то у нас полно, и с каждым годом лишь прибывают, а не убывают. И Лидии Юрьевне дело найдется.

Соблазнял, ох как соблазнял.

Тестя с тещей сказали, что подумают, посоветуются. Ну а как же без дельного совета. Надо.

Сонька сама чуть ли бойкот объявила матери и отчиму, требуя жить здесь немедленно. Сейчас же.

– Это же все мое, разве вы не понимаете! – возмутился ребенок. – Животные, ветклиника, а Владислав Олегович это же вообще второй после Будды человек, раз так по-настоящему природой занимается. Хочу здесь жить! Учиться можно и в поселковой школе!

Пришлось матери напомнить бунтующему ребенку, что из поселковой школы она вряд ли сможет ездить в Москву, чтобы посещать ее любимые

курсы ветеринарии. И ладно это, можно вот и у Степана Федоровича в клинике обучаться. Да только как же быть с ее желанием учиться в Ветеринарной академии? В нее из поселковой школы не поступишь.

Ладно, вроде договорились, так Сонька через пару недель за ужином в выходные выдала им очередной фортель, заявив нарочито официальным тоном:

– Маменька и названный папенька, вы будете гневаться, но я влюбилась в нашего конюха до страсти.

– Это в которого? – спокойно спросил Гарандин, придерживав улыбку и незаметно обменявшись с Диной понимающим взглядом. – Уж не в Михалыча ли?

Михалычу тому было хорошо так за шестьдесят, имел он веселый нрав и был ну очень охоч до женщин, которых любил преданно и безмерно, причем всех подряд.

– Нет, не в него, – тем же тоном продолжала Сонька, – в Павла.

– Ну а что, Пашка парень толковый, молодец, – похвалил ее выбор названный папенька, – поступает в этом году на отделение коневодства в той самой академии, где ты собираешься учиться. Так что перспективы у вас имеются вполне неплохие. А вот страсть пока отложим.

– Что мы куда отложим? – тут же поинтересовался прибежавший Лешик. Он шустренько забрался на стул и заступился за сестру: – Папочка, если Сонечка просит, значит, ей очень надо. Ты не прячь, пусть берет.

Ну вот как тут не веселиться.

Понятное дело, что Кирилл, Соня и Иван с Еленой Игнатьевной, вынужденные оставаться в Москве, пока никак не могли попасть под крыло отца семейства. Но он держал эту перспективу в планах, по крайней мере, по поводу Сони и Кирилла.

Вообще, Гарандин, конечно, деспот, улыбалась Дина, командир страшный, все-то он приказывает, все контролирует, ой-ей-ей.

А ее как-то этот факт и не цепляет ни разу, не задевает – да и ладно, пусть рулит, а что в этом плохого? Ей, по крайней мере, стало почему-то нравиться.

Совсем она расслабилась, думала Дина, все продолжая улыбаться, работу задвинула куда-то в прошлое, как тяжелый сон, передала все дела-связи помощникам, договорилась со всеми представителями дружественных структур, да и с Ринковым и Кнуровым они все обсудили. И с таким внутренним ощущением небывалого освобождения, вот настоящего освобождения, чуть ли не полета, она устранилась от всех дел Центра и даже не задумалась хотя бы о другом каком применении своих

профессиональных навыков. Ну, например, могла бы просто адвокатом пора-ботать.

Не-а, не хочу, чувствовала Дина. Хочу вон семьей заниматься.

К тому же ей с Лешиком пришлось лечь летом в клинику на протезирование, а потом проходить там же долгий курс реабилитации с физиотерапией и специальными занятиями, с помощью которых ребенок привыкал к протезу. Он очень старался, даже с перебором, оказался с таким настойчивым, упорным характером, что Дине приходилось даже останавливать сына в его рвении. Но очень скоро Лешик уже бегал по коридорам клиники, заставляя улыбаться всех вокруг своим звонким, залихватистым смехом.

Теперь этому мальчику удержу нет.

Дина все улыбалась и улыбалась, не в силах остановить поток размышлений и воспоминаний. Такое вот настроение у нее сегодня сложилось – светлое, теплое, радостное, праздничное, да еще и день необыкновенный – солнечный, прозрачный, с высоким голубым небом, с потрясающими осенними красками.

Так хорошо, господи! Так хорошо.

Возле ворот усадьбы разгружали доставленные продукты из фирменного фургона соседнего фермерского хозяйства, с которым «Карас» тесно сотрудничал, – мясо, молочные и овощные продукты. В хозяйстве у Гарандина не разводили и не забивали животных, даже кур, разве что местные жители поселка и дальних деревень в своем личном подсобном хозяйстве. Поэтому, по договоренности с ближайшими фермами, большую часть продуктовой линейки закупали у них. Те даже открыли свои магазинчики в поселке. А в саму усадьбу продукцию, по заказу Алены Васильевны, доставляли регулярно по пятницам или среди недели, если был дополнительный заказ.

Сегодня как раз пятница, ждали на выходные весь табор, как иронично, но с неприкрытой теплотой называл Влад свое большое семейство.

Виктор завел машину в гараж, выскочил, обежал сзади и, подав руку, помог Дине выйти.

– Спасибо, Витя, – поблагодарила она.

Махнула ему рукой на прощание и прошла через помещение охраны, чуть не столкнувшись с грузчиком, который нес коробку с продуктами.

В доме было непривычно тихо.

– Ау! – позвала Дина, поставив сумку на консоль в прихожей и прислушиваясь к тишине.

А, ну да, точно. У Лешика сейчас занятия с тренером по выезде, Влад, понятное дело, в конторе, в офисе, Алена Васильевна с Леной принимают заказ, а Игорь где-то на участке, возится, как всегда.

Запел вызовом смартфон в ее сумке. Достала, посмотрела – номер телефона охраны на входе. Интересно, что там такое?

– Да, Антон, слушаю, – ответила она.

– Дина Константиновна, – обратился к ней охранник. – Тут к вам доставка. Пустить?

– Какая доставка, я ничего не заказывала? – удивилась она.

– Не вы заказывали, а для вас, – чуть замаялся охранник и пояснил смущенно: – Цветы. Говорят, обязаны вручить клиенту лично.

– Ну раз обязаны – пусти, – улыбнулась Дина.

Влад ее баловал. Не так, чтобы прямо засыпал подарками каждый божий день, нет, но делал нечто неожиданное, иногда совсем небольшое, но очень приятное и романтическое. Однажды отвез в заповедник на дальнее обалденно красивое озеро на пикник, где они были только вдвоем. В другой раз поднял совсем рано, часов в пять утра, и куда-то повез через лес, потом взял за руку и вывел на поляну, а там... косуля и ее маленькие детки, такая красота! А то еще чего-нибудь придумывал.

И цветы. Просто так, и даже не каждую неделю, может, два раза в месяц, а может, и три, но всегда неожиданно и невероятно приятно, до слез.

Во входную дверь позвонили – что-то она замечталась, поддавалась романтическому приступу и не открыла заранее.

Дина распахнула дверь и уставилась не в букет, а в какую-то прямо-таки клумбу, ей-богу, в большой корзине, за которой не было видно самого курьера.

Влад отчего-то нервничал, чувствовал внутреннее раздражение, напряжение какое-то, маяту душевную. Бог знает, что такое.

Он посмотрел на часы на руке. Когда Дина должна вернуться? И что ее понесло в тот Питер, да прямо так настойчиво – вот в Питер ей и все. В бутик, что ли, какой-то, вот интересно, на кой? Что-то он не заметил в ней особой тяги к шопингу, она и в магазины-то соглашалась ходить, по большей части, только в его сопровождении.

Ладно, ладно, что он раздражается? Понятно же, что жена сюрприз-подарок готовит. Все семейство что-то готовит к его дню рождения, который будет на следующей неделе. Да и на самом деле, не все же ему ее сопровождать везде, есть же и чисто женские занятия: салоны красоты, например, или покупка бельишка. Нет, бельишко она любит покупать в его

присутствии и примерять...

Так, не о том.

Что ж так маетно-то, а? Он в который уж раз за последние двадцать минут посмотрел на экран телефона. Да господи, осерчал всерьез на себя Гарандин, какого хрена, спрашивается, и взял в руки телефон, собираясь набрать ее номер... И в этот момент со всей отчетливостью и четкостью почувствовал, как удар, что с Диной что-то случилось, и пришла четкая мысль, что ему необходимо немедленно быть дома. Прямо сейчас!

Гарандин вскочил так, что кресло отлетело назад, громко стукнувшись о стену, но он уже бежал, не слыша ничего вокруг, сосредоточившись только на одной цели, лишь проорал на ходу:

– Клим!!!

И выскочил из офиса, прыгнул, не осознавая себя, за руль джипа и, врубив с ходу газ, втопил педаль в пол так, что полетели камни из-под задних колес.

«Только бы успеть! – крутилось у него в голове, и кровь пульсировала в висках. – Только бы успеть!»

Несколько мелких случайностей, соединившись в одном мгновении, спасли Дину в тот момент.

– Ваши цветы, – произнес курьер, протягивая ей корзину с непомерно большой цветочной композицией.

Но вместо того, чтобы принять ее, Дина отступила на шаг назад – натренированный и закрепленный годами на уровне инстинкта рефлекс вдруг заставил отступить, потому что, приняв букет, она окажется с занятыми руками и совсем близко к этому человеку.

– Поставьте на пол, – распорядилась Дина.

И отступила еще на один шаг.

Он еле заметно, всего секунду, поколебался и шагнул вперед, переступая порог и каким-то невероятно быстрым, молниеносным движением, выпустив корзину из рук, выхватил из кармана что-то блестящее и очень спокойным, полным надменной издевкой голосом произнес:

– Ну здравствуй, подруга.

Она его сразу узнала, еще в тот момент, когда падающие на пол цветы открыли его лицо. И, как в замедленной съемке, несколько событий произошло одновременно – заваливающаяся набок корзина задержала рывок курьера к ней, а Дина, сорвавшись с места, рванула от него из прихожей, прокричав во все горло:

– Сюда!!! На помощь!!!

И, сметая рукой на бегу свою сумку с консоли ему под ноги, уже неслась в глубь дома.

– Куда, сука, стоять!!! – взревел нападавший и прыгнул за ней.

Он был намного больше, намного сильнее, мощнее ее и очень быстрым. Но интуитивно Дина почувствовала момент, когда его рука уже летела коротким выпадом ей в спину, и сделала резкий рывок в сторону, уходя из-под ножа, и, не успев до конца отстраниться, почувствовала удар в бок.

Нападавший не кричал, не метался, не угрожал, распалая себя и теряя тем самым секунды, он действовал хладнокровно и расчетливо – выкинул левую руку вперед, пытаясь ухватить Дину.

Но она снова сделала обманное движение, развернувшись вокруг своей оси, и внезапно для нападавшего оказалась у него за спиной и, не останавливаясь ни на полмгновения, кинулась к входной двери.

Он взревел от злости, развернулся, потеряв на этом пару секунд, за которые Дина успела увеличить дистанцию между ними.

Но он был очень быстр, расчетлив, и его одержимость подогрела дикая, зверская злость, придававшая ему сил. В два огромных прыжка он настиг ее всего за пару оставшихся шагов до входной двери...

В эту самую последнюю долю секунды время для Дины невероятно удлинилось. И в этом тягучем, растянутом времени она видела, как медленно-медленно открывается дверь, как мелькает чья-то тень, от которой отделяется вытянутая рука, ухватившая и дернувшая Дину, как бы продлевая ее движение дальше с такой силой, что, пролетев по инерции вперед, она начала заваливаться на пол у самой двери...

И что-то сместилось в пространстве и у нее в мозгу, время вернулось в свое обычное течение, и она увидела, как, не останавливая стремительного таранного движения своего тела, Гарандин резким взмахом отбивает летящую в него руку противника с зажатым в ней ножом и впечатывает в его подбородок свой коронный удар правым кулаком.

Со всей возможной дури и злости.

От мощи полученного удара противника подкинуло вверх, так что его ноги оторвало от пола, и он рухнул на спину, потеряв сознание.

Влад подскочил к нему, опустившись на одно колено, ухватил за лацкан фирменной куртки, притянул к себе и замахнулся для следующего удара.

– Нет! – остановила его Дина. – Не надо!

– Что?! – весь в пылу боя, со злостью, клокотавшей в нем, словно

выплюнул он вопрос, оцетинившись, как волк, на пытавшегося отобрать у него добычу.

– Не надо! – быстро повторила Дина. – Если ты его избьешь, в суде это могут трактовать как превышение обороны и скостить ему срок.

В этот момент в дверь влетел Гусаров и чуть не наступил на лежавшую Дину, лишь в последний момент успев заметить хозяйку и перепрыгнуть через нее. В то же время он умудрился за долю секунды оценить ситуацию в целом и даже услышать и понять, о чем говорит Дина.

– И то верно, Владислав Олегович, – спокойно заметил он, перескочив через Дину. – Тем более что ему уже до лампочки, оторвешься ты или нет, все равно ничего не почувствует. По ходу, приложил ты его знатно.

Гарандин с брезгливостью отшвырнул от себя бесчувственное тело и кинулся к Дине.

– Куда он тебя? – сурово потребовал он ответа.

– Что куда? – не поняла Дина.

– Ранил куда? – чуть ли не орал Влад, опустившись рядом с ней на колени. Он приподнял Дину с пола и уложил спиной себе на ноги.

– А-а-а, это, – поняла она и успокоила: – В бок зацепил. Я успела дернуться, но он достал все же. – И повернулась посмотреть, что там у нее.

На адреналине и испуге она толком-то и не почувствовала самого удара, да и боли от него тоже не ощутила особо. Но сейчас, увидев, что ее белая блузка на правом боку полностью залита кровью, Дина осторожно ощупала рану через ткань левой рукой и посмотрела на окровавленную ладонь.

И вдруг, без какого-либо предупреждения, в один момент, ее накрыло, захлестнуло таким диким, парализующим приступом паники, которого она никогда в жизни не испытывала.

– Дети! – закричала она и посмотрела почти безумными глазами на мужа. – Влад, дети!

– Дина, ты что? – перепугался за нее Гарандин, заглянув в эти и без того огромные, сейчас расширившиеся от ужаса глаза: – Диночка, Диночка, все в порядке! – тряхнул он ее и принялся уговаривать, произнося четко, резко, с нажимом каждое слово: – Дети в безопасности! Все трое в Москве, а Лешик сейчас на занятиях в манеже! – И все заговаривал, заговаривал ее: – Все в порядке, все нормально!

– Ты не понимаешь! – провела она второй рукой по ране и смотрела в ужасе и безумной какой-то панике теперь на обе свои окровавленные ладони: – Дети! Я беременна! Двойня! Двенадцать недель!

– Так, – самым своим жестким, командирским тоном произнес

Гарандин, не просто услышав, но успев молниеносно усвоить и оценить информацию, и приказал: – Стоп, Дина! Стоп! Соберись! Перестань истерить! Давай, думай. Он тебя ударил в живот?

– Нет, – покрутила она головой, понемногу приходя в себя, словно от этого его грозного голоса и требовательного тона ее окатила какая-то страшная волна, освобождая сознание.

– Ты ударилась, ушиблась, когда упала? – продолжал спрашивать Гарандин твердым, даже страшным каким-то голосом: – Живот болит?

– Нет, нет. – Дина внезапно, так же, как впала в ступор, так и пришла в себя и повторила устало: – Ты прав, прав. Прав. Господи, что со мной?

– Ничего, ничего, родная, – отпустил себя Гарандин и прижал ее голову к своей груди, чуть покачивая, успокаивая и успокаиваясь сам: – Все нормально, ты просто испугалась. Сильно испугалась.

– Да, – согласилась она, – я сильно испугалась. Сильно.

И они замолчали, застыв всего на несколько секунд в этом своем единении, и Дина почувствовала, как перетекает в нее его сила и уверенность, успокаивая и поддерживая.

– Надо осмотреть рану, – сказал Гарандин, осторожно пересаживая жену со своих коленей на пол.

Просунул палец в одну из дыр на блузке, прорезанных ножом нападавшего, и рванул, разрывая шелк.

– Надо остановить кровотечение, – выгнувшись набок, осматривая и аккуратно пальпируя края раны, сказала Дина. – Но на первый взгляд и по ощущениям ничего страшного. Хотя я пока еще в шоке и под воздействием адреналина, могу и ошибаться.

– Боже мой! – закричала вбежавшая в гостиную Алена Васильевна, где все продолжал лежать так и не пришедший в сознание преступник, которого Гусаров, предварительно тщательно обыскав, перевернул на живот, умело, сноровисто связав ему за спиной руки своим ремнем. А заметив в прихожей Гарандина, который стоял на коленях, склонившись над окровавленной Диной, еще больше испугалась. – Боже мой! – повторила она и закричала: – Дина Константиновна, что с вами?! Вы вся в крови!

– Так, Алена Васильевна! – произнес жестким холодным тоном Гарандин. – Никакой паники. Принесите медицинский ящик.

– Да-да, – тут же пришла в себя женщина и убежала, не задавая лишних вопросов.

– Вы его знаете, Дина Константиновна? – спросил Гусаров, снова перевернув преступника на спину и всматриваясь в его лицо.

– Да, Клим Викторович, – тяжело кивнула она. – Это биологический отец Сонечки.

– Виктор Дерюгин, – кивнул тот и задумчиво протянул: – Как же он здесь оказался?

– Вот и я бы хотел это знать, – снова холодно-жестко произнес Гарандин.

– Разберемся, Владислав Олегович, – вздохнув, пообещал Гусаров.

– Надо вызвать полицию и «Скорую», – напомнила Дина. – «Скорую», желательно из районного центра.

– Да сами разберемся, – чуть скривившись, попробовал отбрехаться Гусаров.

– Нет, – решительно отмела такое предложение Дина, отдавая себе отчет, что подразумевает под этим начальник службы безопасности: – Вы, конечно, разберитесь, но до приезда полиции. А «Скорая» нужна, чтобы зафиксировать нанесенные травмы. – И объяснила свои требования: – Я эту мразь закатаю по полной!

– Без тебя найдется, кому закатать, – раздраженно-недовольно постановил Гарандин. Поднявшись на ноги, он подхватил жену на руки и приказал Гусарову: – Час тебе на все про все, Клим Викторович. Доложишь.

И понес Дину в их спальню на втором этаже, а в хвост им пристроилась молчаливая, но сосредоточенная и готовая к любым подвигам Алена Васильевна с большим оранжевым медицинским ящиком.

При тщательном осмотре рана и на самом деле оказалась не сказать что прямо царапина, но легкая: нож прошел между двумя ребрами, разрезав мышцы на боку. Приличный такой разрез, требовавший наложения швов. Это решили оставить до приезда «Скорой помощи» из райцентра, а не из родного фельдшерского пункта, как и рекомендовала Дина, думавшая про перспективу (адвокаты Дерюгина могли обвинить местных медиков в необъективности).

– Ты для этого в Питер ездила? – спросил Влад, когда домработница вышла из комнаты, унося с собой медицинский ящик, и он прилег рядом с женой и наконец смог осторожно ее обнять.

– Да, в женскую консультацию.

– Почему мне не сказала? Двенадцать недель – это уже сколько? Больше трех месяцев? – попенял он ей.

– Сначала вообще не поняла, что беременна, а потом решила, что надо убедиться наверняка. Я же себя прекрасно чувствовала, никаких симптомов вообще, кроме разве что повысившегося аппетита и задержки.

– Значит, двойня, – вдруг вздохнул и заулыбался Влад. – А кто? Мальчишки, девчонки?

– Пока не ясно. – И спросила, заглядывая ему в лицо: – Я так понимаю, что ты рад?

– Ты серьезно? – попенял он ей, чуть откинувшись, чтобы лучше ее видеть. – Я об этом думал. В том ключе, что хорошо бы было родить нашего с тобой общего малыша. Лешка уже большой парень, четыре года, а мне хочется, чтобы совсем маленький, чтобы ты его выносила, родила, наблюдать, как растет.

– Видимо, сильно думал-загадывал, – усмехнулась Дина, – на целую двойню надумал. – И спросила: – Слушай, у нас и так как-то слишком бодро от народа, а тут еще и два малыша. Ты от этой толпы не офигеваешь?

– Да нет, – усмехнулся Гарандин и признался: – Мне хорошо. Я вдруг понял, что мне нравятся большие семьи. Никогда за собой такого не замечал и не чувствовал, а теперь вот балдею. – Помолчал и усмехнулся: – Хотя порой и офигеваю, конечно.

«Скорая» с полицией прибыли одновременно, и потянулись протокольные мероприятия, правда, управляемые жесткой рукой Гусарова. Полицейские достаточно быстро управились и увезли задержанного, да и «Скорой» особо незачем было задерживаться: рану зашили и обработали, все травмы зафиксировали, выписали направление в родной фельдшерский пункт и укатали.

И Дина тут же выбралась из кровати, на которую ее старательно укладывали все подряд, начиная с мужа родного и заканчивая Аленой Васильевной, страшно испугавшейся за Дину.

– Не собираюсь я лежать, – категорически отказалась она. – Подумаешь, порез какой-то...

– Двенадцать сантиметров, глубиной два с половиной, – недовольно перебил ее Гарандин.

– Ни хрена тому порезу не сделается, – сердилась Динка. – Так, все, я хочу есть. Вот прямо сейчас. И услышать, как этот урод попал к нам прямо в дом.

– Ладно, – тяжело вздохнув, сдался Влад. – Идем уж, что с тобой делать.

– Мой прокол и косяк, Владислав Олегович, – повинился Гусаров, предваряя повествование о противозаконных деяниях Виктора. – Расслабились мы тут на природе, на выселках своих. Не просчитал я эту пададь до конца. Когда он выходит с зоны, мы знали. Встретили его, вели до Москвы. Своего интереса к Дине Константиновне он никак не выказал,

просто начал новую жизнь, устроился работать, нервозности никакой не проявлял. Мои ребята подержали его плотно пару месяцев, и я принял решение, что при любых раскладах он до Дины Константиновны не дотянется. Виноват, пропустили мы момент, как он сюда попал. Надо все-таки будет опознавание лиц на въезде ставить. Надо. Народу все больше и больше.

– Надо – ставь, – оборвал его покаянную речь Гарандин. – Ты лучше поведай, как он вообще сюда попал.

Как попал, как попал. А так и попал Виктор Дерюгин в дом Гарандиных – хитро, с выдумкой, путем преступных деяний.

Как любой подонок и мразь, Дерюгин обвинял всех вокруг в том, что он стал мразью, и в том, что он совершил: «Это не я ее избивал, она сама напрашивалась и провоцировала меня. Это не я виноват в том, что сел за убийство жены в тюрьму, это ее подруга виновата в том, что я попал в тюрьму. Аж на четырнадцать лет!»

Все эти годы, проведенные в заключении, его поддерживала и питала не теряющая градуса накала жажда мести. Он мечтал, тысячи раз прокручивая в голове картины одна другой краше и слаще, до дрожи в паху, как осуществит свою месть Дине. Больше всего ему нравился вариант с похищением; убить – это что, это легко и просто, а вот растянуть удовольствие, смакуя каждое мгновение ее мучений, страхов, унижений и агонии – вот именно то, что грезилось ему ночами, доводя почти до оргазмического удовольствия. Это то, что полностью удовлетворит его потребность в мести.

Но на пути к сладкому наслаждению встали труднопреодолимые препятствия. Понятное дело, что Интернет есть и на зоне, как его ни запрещай, но есть. И из него Дерюгин узнал, что Дина стала человеком достаточно известным и даже влиятельным в определенных кругах, это во-первых. А во-вторых, настолько странно и почти невозможно, но ни сама Дина, ни члены ее семьи, даже дети – что вообще уже за гранью понимания – не состояли в соцсетях, и накопать какую-нибудь полезную информацию, что-нибудь, за что можно было бы зацепиться, чтобы разработать какой-то первичный план, было весьма непросто.

Значит, требовался иной путь и иной план. И изощренный ум бывшего мента этот план придумал и начал приводить в действие поэтапно, задолго до окончания срока заключения. «Зацепил» письмом так называемую невесту. Это когда ээки пишут настоящие бумажные письма женщинам, для чего на зоне существуют особые специалисты – «писатели», обладающие психологическим талантом и безошибочно вычислявшие, что какой

женщине требуется писать, чтобы ее «ухватить», главное пусть та ответит хотя бы просьбой больше не писать, а дальше начинается тонкая игра – конкретно подцепить ее на крючок.

Нашлась такая и для Виктора. И, что интересно, благополучная, вполне обеспеченная москвичка. Одинокая, разумеется, с излишним весом и кучей комплексов неполноценности, которые очень быстро «излечил» романтический Витенька.

И излечил настолько, что они поженились на зоне, где он сидел и куда девушка начала регулярно ездить в качестве жены. Через два года она родила ему сына. Повезло женщине. По крайней мере, она в своем везении была абсолютно уверена.

Виктор вышел из колонии и зажил с молодой женой и сыном в ее квартире полгода назад. Съездив на родину, продал свою квартиру и все, что осталось после родителей, умерших за годы его заключения, вернулся в Москву, купил дешевенький автомобиль и устроился на работу у знакомого в автосервисе слесарем. Проработал честным гражданином два месяца, зарекомендовал себя спокойным и работающим и решил, что пора потихоньку наводить справки о Дине.

Но столкнулся с первой неожиданной неприятной новостью – Дины нигде не было. То есть вообще нигде. Ни в ее Центре, ни в адвокатской конторе. Единственное, что ему удалось узнать, она уволилась и уехала из Москвы. Найти родственников Дины ему тоже не посчастливилось – он попытался обратиться за помощью к бывшим знакомым-коллегам, но оказалось, что большая часть из них давно уволилась из органов, а те, кто остался на службе, шарахались от него, как от черта, и даже пригрозили отправить обратно за решетку, если он проявится еще раз.

Нанимать талантливых компьютерщиков, чтобы нашли человека, дорого, да и без гарантий, к тому же кто возьмется делать это для непонятного какого-то чела с улицы, без серьезной протекции и рекомендаций. Обратиться к частному сыщику? Тоже не вариант.

Можно было бы через свои тюремные связи-каналы, но это еще та замануха – вход рубль, выход десять и без гарантии.

Виктор сходил в Склифосовского, потерялся там, выясняя, где Нагорный, но узнал только то, что Константин Павлович давно здесь не работает.

Он попытался найти бывшую тещу, но оказалось, что и та куда-то пропала, а в обеих квартирах – той в которой они жили с Катей, и бабкиной, теперь живут совсем другие люди, которые знать не знают ничего о бывших жильцах.

Тогда Дерюгин уволился с работы и занялся более плотным розыском:

попытался выследить мать Дины возле ее интерната, но был неприятно удивлен, обнаружив, что интернат теперь охраняется не хуже, чем стратегический объект, а видеокамеры, установленные по периметру забора, плотно простреливают пространство на несколько десятков метров вокруг. Ну выезжают-заезжают какие-то машины с территории, пойдешь поймаешь, в которой из них может находиться Антонина Борисовна и есть ли она здесь вообще.

Попытался проследить на своей «раздолбайке» за одной из машин, оказалось, не она. Проследил за второй – тоже не она.

Ну сплошная непруха! Его просто колотило от ненависти, душила дикая злоба и досада. Хорошо, имелась в его жизни на такой случай молодая жена... Избил от души, пригрозил, напугал до обморока, хоть так душу отвел.

И тут Виктор сообразил, что надо делать.

Как раз подошла годовщина гибели Катерины. Он выследил Сонечку на кладбище, куда она пришла в сопровождении Кирилла. Сразу понял, что это и есть его дочь. Но на выходе с кладбища Виктора ждал очередной неприятный сюрприз: парень и девушка сели в поджидавшую их машину, за рулем которой находился здоровый мужик, больше всего похожий на охранника.

Дерюгин «проводил» их до самого дома. Ну, а там уж было дело техники – «пустил ноги» за Соней, то есть постоянное наблюдение-сопровождение, которое лишь подтвердило его худшие предположения – рядом с семьей всегда находилась охрана, больше похожая на членов этой самой семьи, судя по их душевным и теплым отношениям с Нагорными.

В выходные дни все семейство, загрузившись в дорогой, крутой джип, сопровождаемый второй машиной с двумя охранниками, отправилось явно в дальнюю дорогу, ну и Виктор за ними на своей тарантайке. Так он добрался и до «Караса».

Правда, несколько раз чуть не упустил цель преследования, уж больно резвые машинки у них были, не чета его драндулету, но помогло то, что за рулем джипа сидел спокойный водитель, соблюдавший правила и не превышавший скоростного режима, а машина сопровождения подстраивалась под него – так и доехали. Но в дороге натерпелся Витя трепету, понимая, что вычислить его преследование эти сопровождающие могут на раз, вот и крутился, как мог, сзади, да еще стараясь не упускать их кортеж из виду.

Дину Виктор увидел сразу, и такая мутно-сладкая волна поднялась в нем, пробуждая все его мстительные мечты и ожидания, что, провожая ее

взглядом, он почувствовал реальную эйфорию, вызвавшую горячую эрекцию. Нашел!

Нашел-таки!

Но тут выяснился следующий неприятный факт – подобраться к девушке близко не было никакой возможности. Дом, в котором она теперь жила, очень серьезно охранялся. Настолько серьезно, что Дерюгин первый раз призадумался о том, что осуществить свои планы ему будет крайне сложно и опасно.

Стоило ему подойти к забору дома с торцевой, глухой северной стороны, обращенной к лесу, как буквально через пять минут к нему на приличной скорости подлетела машина охраны, из которой выбрались двое внушительных парнишек, поинтересовавшихся, что ему тут понадобилось, и, выслушав версию о простой прогулке и мирном созерцательном любопытстве, его вежливо, но без возможности отказаться, затолкали в машину, отвезли к туристическом центру фермы, высадили и рекомендовали с нажимом более не посещать окрестности усадьбы и не заходить за обозначенную границу.

Граница и на самом деле имелась и обозначалась во всех красочных буклетах «Караса» с предупреждением для туристов, что некоторые территории закрыты и недоступны.

Виктор тут же снял себе койку в одном из многоместных коттеджей на пару дней и наладился плотно следить за усадьбой и ее обитателями. И очень скоро выяснил, что за пределами «Караса» Дину всегда сопровождает охрана и к ней практически никак невозможно подступиться.

Он спать не мог первую ночь, его буквально колотило от адреналина, ненависти и желания немедленно действовать, что-то делать, подловить ее, уничтожить. Прямо раздирало изнутри.

Но пришлось остудить свое нетерпение, продлить проживание в качестве туриста еще на неделю и тупо, скрупулезно следить за Диной и ее близкими несколько дней подряд, выясняя расписание семьи, всех проживающих в усадьбе, их передвижения, их жизнь, выискивая слабые места.

И он нашел одну лазейку.

Вернее две: доставку продуктов по пятницам всегда в одно и то же время, и цветочный фургон довольно известной и дорогой фирмы, привозивший цветы в усадьбу.

Виктор заказал и оплатил доставку цветов на определенное время. Перехватил фургон на дороге, ведущей от трассы к «Карасу», остановил самым примитивным образом – изобразил аварию и размахивал руками

прямо посреди дороги, якобы прося о помощи. Парни – водитель и экспедитор – люди нормальные, живущие тихой мирной жизнью, они подставу не заподозрили. Оба, как дураки, вылезли из машины. Одного Дерюгин оглушил с ходу, ударив по голове (тот даже сообразить ничего не успел). Второго же, угрожая ножом, заставил связать коллегу, затолкать в багажник дерюгинской раздолбайки и раздеться. После чего усадил и того в свою машину, оглушил, отогнал машину в ближайшие кусты, связал второго, засунул ему кляп в рот и бегом вернулся к цветочному фургону, на который уже озадаченно косились водители проезжавших мимо машин.

Вроде как водитель вышел отлить в кусты и задержался.

Ну, а дальше понятно – переоделся в форму курьера и...

– Что полиция прогнозирует? – спросил Влад.

– Лет восемь, вряд ли больше, – пожал плечами Клим Викторович.

– Дин? – вопросительно посмотрел на жену Гарандин.

– Согласна, – подтвердила и она, – больше вряд ли выжмешь. Труп нет, только разбой, удержание и попытка убийства. При хороших адвокатах могут и меньше выторговать.

– Ладно, пусть сажают. – Влад явно принял про себя какое-то решение. – Там разберемся. – И обменялся коротким взглядом с Гусаровым.

А Дина... Дина промолчала, хоть и заметила этот обмен взглядами, верно его трактовала. Действительно, пусть посадят, а там...

Ближе к ночи примчалась вся родня из Москвы, перепуганная насмерть нападением на Дину. О нападении по неосмотрительности и с перепугу проговорилась Алена Васильевна, разговаривая по телефону с мамой Дины, которая позвонила что-то уточнить про задуманный ими большой субботний праздничный обед. Понятное дело, что Антонина Борисовна сразу же сообщила о происшествии мужу и сватье Елене Игнатьевне – ну и бей в барабаны, труби в трубы, общий сбор, наших бьют! И все бросили работу, учебу, расселись по машинам и колонной в четыре автомобиля рванули в «Карас».

Влад, согласившийся на компромисс после долгих споров, жестким приказом уложил категорически отказавшуюся лежать в постели жену на диван в гостиной. К ней тут же под бочок пристроился Лешик, не отходивший от Дины ни на шаг после того, как ему объяснили, что мама сильно поранилась, и все лепетал что-то ласковое, успокаивая, гладил по щечке, целовал, захлеб рассказывал про любимого Сеню и как катался сегодня на Султане.

И вот тут-то ворвалась в эту мирную идиллию толпа родных, с ходу

окруживших диван и принявшихся говорить-выспрашивать, ахать, охать и причитать, перебивая друг друга, а старший Нагорный сразу же занялся делом и, не спрашивая разрешения дочери, откинул плед, поднял футболку, сдвинул повязку и осмотрел рану.

– Так, бабы, цыц! – прогрохотал он самым грозным своим хирургическим тоном: – Рана фуфловая, хоть и болезненная, царапина, нечего панику разводить. Заживет быстро. – И потребовал: – Так, Влад, мне пятьдесят грамм и пожрать чего-нибудь по-доброму, а то я прямо из клиники, с дежурства сорвался.

И «народ» тут же успокоился, перестав причитать и охать: если дед просит пятьдесят грамм и закусить по-доброму, значит, все в полном порядке и нет ничего страшного, угрожающего и, не приведи господь, смертельного.

И в момент изменив настрой, каждый по очереди посоветовал Дине лежать-отдыхать, а потом всей бандой, как табором кочевым, ей-богу, двинулись в кухню «помогать» Алене Васильевне накрывать большой стол.

И это они им еще не сказали про беременность! Даже представить страшно, что начнется. Ну их, придержим пока новость, решили Влад с Диной, обменявшись понимающими взглядами.

Спонтанное застолье, к которому привлекли и Алену Васильевну, и Гусарова, неудачно или, наоборот, очень даже удачно зашедшего, затянулось, превратившись в долгие, приятные посиделки, длинную беседу с неспешным обсуздением семейных дел, проблем и вопросов.

Дина, воспользовавшись моментом, пока Клим Викторович под давлением «общественности» принялся пересказывать то, что уже доложил раньше им с Владом, тихонько встала и незаметно ушла на дальнюю террасу.

Села на так полюбившийся всей семье большой удобный диван-качели, оттолкнулась ногой от пола, чтобы раскататься, укуталась в большой теплый плед и смотрела в черноту уже наступившей ночи, казавшейся еще темнее от тусклого освещения пары светильников на стене.

Там ее и нашел Влад. Сел рядом, поднял и пересадил жену к себе на колени и качнул качели посильней. Молчали, чувствуя единение, смотрели вдаль на еле заметные огоньки фермы, раскачивались.

Прибежал Лешик без протеза, на дежурных костыликах. Как нашел, как узнал, где они? Он всегда находил их безошибочно, каким-то внутренним, настроенным на родителей радарчиком. А они все удивлялись до сих пор этой его способности.

– Лешка, – отчитал его Влад, – ты что из кровати сбежал? Тебе же

спать давно пора.

– Сбежал, и что, папочка, – признался малыш, и в самом деле одетый в ночную пижамку, – я же не могу мамочку бросить, это же неправильно, ей же больно и грустно.

– Ну, залезай, герой ты наш, – проворчал Гарандин, подхватывая малыша, убирая костыли в сторонку и усаживая рядом с собой.

Укутал в плед, прижал потеснее к боку, Лешик нашел под пледом Динину руку и ухватился за нее. Теперь молчали и раскачивались втроем.

Там их и нашли Кирилл с Соней.

– Ага, сидите, – констатировал Кирилл. – А Сонька у нас тут комплекс себе ужасный зарабатывает и самобичеванием изводится.

– Сонечка, ты что? – сразу же всполошилась Дина.

– Ну что-что? – тяжело вздохнула Соня, взяла еще один плед, лежавший в одном из кресел-мешков, укуталась и села рядом с Лешиком на диван.

– Она придумала теорию о том, что в ней сидят гадкие гены биологического отца, которые обязательно проявятся во всей красе, – сдал сестрицу Кирилл и, последовав примеру Сони, схватил плед и устроился на еще одном кресле-мешке напротив дивана.

– Это не теория, это закономерность, – обиженно-строптиво возразила Соня, – закон природы. Гены передаются от родителей детям и проявляются в разное время. Но проявляются же. А если этот Виктор мой папаша, который убил одну мою маму и напал на другую, значит, и во мне есть его гадские агрессивные гены. И вообще все это из-за меня.

– Ты неправильно трактуешь генетические закономерности, – выступил из темноты Иван и, как Кирилл до него, подтянул и поставил перед диваном еще одно кресло-мешок, укутался в плед и плюхнулся на сиденье. – Есть гены, которые не проявляются вообще в течение всей жизни, а есть гены, которые и вовсе не передаются потомству. Современная наука доказала, что потомству передается неполный набор генов родителей.

– И что, мы будем рисковать и проверять это путем эксперимента? – нервничала Сонька. – И ждать, проявятся они или нет? Начну я от дури куролесить, бить людей и проявлять агрессивность, или обойдется?

– Агрессивность – это не вопрос генетики, а вопрос воспитания, – остудил ее горячность Влад. – Это поведенческие устои, а они закладываются в семье. По-моему, в нашей семье с устоями все в полном порядке.

– Влад прав, Сонечка, – высказала свое мнение Дина, – ты ведь понимаешь, что я специалист по агрессии. Так вот: на генном уровне

человек получает, скажем, решительность, склонность к риску, храбрость, а вот проявление этих черт характера, их направленность формируются той средой, в которой он растет и воспитывается. Если человек с такими данными воспитывается в среде так называемой разрешенной агрессии, где насилие – норма жизни и поощряется, то он и будет агрессором. Или, например, там, где его личность, его индивидуальность жестко подавляется, ущемляется и деформируется, он примет эту модель: уничтожить, подавить более слабого, или получит глубочайшую психическую деформацию, которая совершенно неизвестно каким образом проявит себя в будущем. И так далее. Понимаешь? – И улыбнулась: – Твоя мама была прекрасным человеком, очень доброй и светлой личностью, почему бы тебе не выбрать ее гены как доминирующие?

– Вот Лешик, например, – подхватил разговор Гарандин.

– Да, – подскочил малыш, держась за Влада. – Вот я, например! – И спросил на всякий случай у отца: – А что я, папа?

– У него тоже гены, как с ним тогда дела обстоят? – усмехнулся Влад.

– Лешик – это солнышко, – улыбнулась Соня.

– Да, я солнышко! – согласился с ней звонким, счастливым голосом пацан.

– А давай у него спросим, – предложил Гарандин.

– Давай спросим у меня! – уже хохотал от радости и такой замечательной игры малыш.

– Лешик, скажи, кто твой папа? – спросил его Влад.

– Как кто? – необычайно удивился ребенок. – Ты же мой папа. Самый родненький папочка на всей земле!

– Поняла? – подчеркнул с довольным видом Влад, обнял одной рукой малыша и поцеловал в щечку. – Самый родненький. Скажи, Лешик, а кто папа Сонечки?

– Как кто? – снова удивился парень и объяснил: – Она же моя родная сестра, значит, ты ее родненький папа. – И уточнил для полной ясности: – На всей земле.

– Поняла? – снова подчеркнуто-наставительно переспросил Влад. – Я твой папа. А у меня гены во! – показал он большой палец. – И нечего голову себе забивать всякой ерундой. Тот человек не имеет к тебе совершенно никакого отношения. Абсолютно. У тебя есть мама, у тебя есть названный отец, аж целых три брата и табор приличной родни. Мне кажется, что этого более чем достаточно, чтобы вырасти достойным человеком.

– Лешик, – усмехнувшись, вдруг спросила Сонечка. – А кто папа Кирилла?

Пацаненок призадумался, посопел, посмотрел на отца, что-то соображая и, видимо, найдя правильный ответ, радостно сообщил:

– Какой-то другой папа. Может, и хороший человек. – И посоветовал Кириллу со всей серьезностью: – Но лучше бы ты попросился к нашему папе. Наш все равно всех лучше на земле.

Тут уж они не удержались и грохнули дружно смехом.

– Ага, вот вы где спрятались! – вышел из темноты Константин Павлович.

– А мы смотрим: куда семейство подевалось всем составом? – шагнула вслед за ним Елена Игнатьевна.

А следом за ней и бабушка Лида с Антониной Борисовной.

– Вот мы все прямо здесь! – оповестил всех Лешик, захлопав в ладоши, и рассмеялся звонко и радостно.

– Дурдом, – прошептала Владу Дина. – Бодро у нас тут.

И подумала про себя: а что еще будет, когда дети родятся? Полный...

– Да все будет хорошо, – поцеловав ее в голову, прошептал Гарандин, как обычно, почувствовав и услышав ее мысли. – Замечательно все будет.

По-видимому, Виктору Дерюгину доходчиво объяснили, что может произойти с ним «там», куда его отправят по этапу, на кого он, собственно, по идиотизму своему замахнулся и фигуру какого масштаба зацепил. Настолько доходчиво объяснили, что через месяц после нападения, при перевозке из зала суда, где проходило предварительное слушание его дела, в следственный изолятор он предпринял попытку побега, при пресечении которой и был убит сержантом полиции.

notes

1

Герой книги «Любовь со вкусом вишни».

Герой книги «Крымский роман».

Герой книги «Девочка моя, или Одна кровь на двоих».

4

Героиня романа «Руки моей не отпускай».

Герой книги «Две половинки».

Герой книги «Любовь со вкусом вишни».

Героиня книги «Коллекция бывших мужей».